ПЕЧЕРСКІЙ

P.o. russ. 88 o (11

12

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
П. И. МЕЛЬНИКОВА
(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

Fgr 174/5867

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ П. И. МЕЛЬНИКОВА

(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

Первое посмертное полное изданіе, дополненное, свѣренное и вновь просмотрѣнное по рукописямъ

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

I. КНЯЖНА ТАРАКАНОВА И ПРИНЦЕССА ВЛАДИМІРСКАЯ
II. СЕМЕЙСТВО БОГАЧЕВЫХЪ
III. СТАРИНА
IV. БАЛАХОНЦОВЫ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ — Гостиный дворъ, № 18

МОСКВА — Кузнецкій мостъ, домъ № 12

1898

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.
Дозволено цензурою Спб. 21 сентября 1898 г. Редакторъ-издатель А. М. Вольфъ

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

и

ПРИНЦЕССА ВЛАДИМІРСКАЯ.

Историческій романъ.

I.

Въ первой книжкѣ *Чтеній*, издаваемыхъ Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, за 1867 годъ, помѣщены доставленныя почетнымъ членомъ этого Общества, графомъ В. Н. Панинымъ, чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія о той загадочной женщинѣ, что́ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, за границей, выдавала себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны, рожденную отъ законнаго брака ея съ фельдмаршаломъ графомъ А. Г. Разумовскимъ. Время появленія самозванки весьма знаменательно; она явилась непосредственно за первымъ раздѣломъ Польши и одновременно съ Пугачевымъ. Близкія сношенія ея съ Поляками, уѣхавшими послѣ раздѣла за границу, особенно же съ знаменитымъ княземъ Карломъ Радзивиломъ, короннымъ генеральной конфедераціи маршаломъ, палатиномъ виленскимъ, съ этимъ магнатомъ, обладавшимъ несмѣтными богатствами, идоломъ шляхты, извѣстнымъ подъименемъ

«пана коханка», не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что эта женщина была употреблена орудіемъ польской интриги противъ императрицы Екатерины II.

Объ этой самозванкѣ писали иностранцы съ разными, по обыкновенію, прикрасами. Они то и утвердили мнѣніе, будто эта женщина, дѣйствительно, была дочерью императрицы, имѣвшею законное право на русскій престолъ, что взятая въ Италіи графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ, она была привезена въ Петербургъ, заточена въ Петропавловскую крѣпость и тамъ, 10-го сентября 1777 года, во время сильнаго наводненія, затоплена въ казематѣ, изъ котораго ее забыли или не хотѣли вывести.

Въ 1863 году въ Петербургѣ, на художественной выставкѣ Академіи Художествъ, обращала на себя особенное вниманіе публики картина даровитаго художника, покойнаго Флавицкаго, изображающая ужасную смерть *княжны Таракановой*. Она изображаетъ женщину, одѣтую въ поношенное и уже изорванное платье изъ атласа и бархата, стоящую на кровати, покрытой овчиннымъ одѣяломъ. Въ окно съ желѣзною рѣшеткой хлещетъ вода и наполняетъ комнату; крысы плаваютъ по ней, пробираются на кровать и на платье заключенной. Несчастная въ отчаяніи смотритъ на неизбѣжную гибель. Картина г. Флавицкаго, заслуживающая, по отзывамъ знатоковъ, большую похвалу въ отношеніи художественномъ и удостоенная Академіей заслуженной награды, еще болѣе распространила въ публикѣ увѣренность въ истинѣ небывалаго происшествія, придуманнаго досужими иностранцами, много писавшими самаго разнообразнаго вздора объ Екатеринѣ II. Самозванка (а не настоящая княжна Тараканова), дѣйствительно, была заключена въ Петропавловской крѣпости, но, какъ видно изъ опубликован-

ныхъ теперь, не подлежащихъ никакому сомнѣнію извѣстій,—умерла отъ чахотки года за два до наводненія 1777 года.

Манштейнъ и нѣкоторые другіе иностранные писатели говорятъ, что императрица Елизавета Петровна вступила въ тайный бракъ съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Объ этомъ нѣсколько разъ говорено было и въ русской печати. Въ первый разъ сдѣлалъ печатный намекъ о бракѣ Елизаветы г. Бантышъ-Каменскій въ 1836 г. Въ его *Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли* (т. IV, біографія А. Г. Разумовскаго) сказано: «Манштейнъ въ своихъ *Запискахъ* сохранилъ любопытныя, но едва ли достовѣрныя подробности объ отношеніяхъ императрицы Елизаветы къ графу Разумовскому». Изъ напечатанныхъ въ Россіи извѣстій о тайномъ бракѣ императрицы особенно замѣчателенъ *Разсказъ о бракѣ императрицы Елизаветы Петровны*, напечатанный въ третьей книжкѣ *Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей* 1863 года. Это разсказъ покойнаго графа С. С. Уварова, который женатъ былъ на послѣдней въ родѣ Разумовскихъ, графинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (ум. 1849 г.), и слышалъ о таинственномъ бракѣ отъ своего тестя, приходившагося роднымъ племянникомъ графу Алексѣю Григорьевичу. Въ своемъ мѣстѣ мы передадимъ этотъ въ высшей степени любопытный разсказъ.

О бракѣ императрицы Елизаветы Петровны съ Разумовскимъ и о дѣтяхъ, рожденныхъ ею отъ этого брака, сохранилось у насъ не мало преданій. Преданія эти обращались и обращаются не въ одномъ тѣсномъ кружкѣ высшаго общества; въ простомъ народѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе передаются разсказы о бракѣ императрицы съ ея подданнымъ и о судьбѣ ихъ дѣтей. Такъ, въ Москвѣ, народъ, указывая на церковь Воскресенія въ Барашахъ, крестъ на которой увѣн-

чанъ короной, говорятъ, что здѣсь вѣнчалась царица Елизавета, и что въ память этого событія брачный вѣнецъ поставленъ на крестѣ церковномъ. На находящійся неподалеку отъ этой церкви домъ, строенный по проекту графа Растрелли и занимаемый теперь четвертою гимназіей, указываютъ какъ на домъ, гдѣ тихо праздновалась тайная свадьба, гдѣ нѣкоторое время жилъ Разумовскій съ царственною своею супругой. Въ Пучежѣ сохраняются въ народѣ преданія о дочери Елизаветы, Аркадіи, жившей будто бы въ этомъ посадѣ при Пушавинской церкви, подъ именемъ Варвары Мироновны Назарьевой или инокини, и умершей въ 1839 году [1]). Подобныя преданія сохраняются и по другимъ мѣстамъ: въ нѣкоторые женскіе монастыри, напримѣръ, въ Арзамасѣ, въ Екатеринбургѣ, въ Уфѣ, въ Нижнемъ, въ Костромѣ и другихъ мѣстахъ, съ таинственностію привозили въ прошломъ столѣтіи женщинъ, принадлежавшихъ къ высшему сословію, и онѣ въ укромныхъ обителяхъ доживали дни свои. То были женщины, которыхъ, по неизвѣстнымъ еще пока причинамъ, какъ «умалишенныхъ», удаляли отъ общества, подъ попечительный надзоръ игуменій [2]). Всѣмъ почти такимъ заточенницамъ, какъ и пучежской Варварѣ Мироновнѣ, мѣстная молва приписывала происхожденіе отъ императрицы Елиза-

[1]) Во второй книжкѣ *Чтеній Общества Исторіи и Древностей* 1866 года напечатана статья г. Семевскаго *Замѣтка объ одной могилѣ въ посадѣ Пучежѣ*. Въ ней сказано, что эта Варвара Мироновна была не кто иная, какъ дочь императрицы Елизаветы. На мѣстѣ, дѣйствительно, ходитъ такой слухъ въ народѣ. Но Варвара Мироновна ничего общаго съ княжной Таракановой не имѣетъ.

[2]) Для мужчинъ въ XVIII столѣтіи устроены были особые казематы также въ монастыряхъ Соловецкомъ и Спасо-Евѳимьевомъ Суздальскомъ. Они ссылались туда подъ названіемъ «умалишенныхъ». Теперь въ казематахъ обоихъ этихъ монастырей содержатся преимущественно духовныя лица, а также разные сектаторы, признанные вредными.

веты.... Въ селѣ Работкахъ, Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, сохраняется память о бывшемъ тамошнемъ помѣщикѣ Шубинѣ, за котораго будто бы императрица Елизавета желала выйти замужъ, но онъ отказался отъ этой чести, уступивъ царственную невѣсту Разумовскому. Въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ сохраняется преданіе о бракѣ Елизаветы и о томъ, что въ этомъ городѣ, въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей, жилъ князь Таракановъ, рожденный отъ этого брака. Въ Александровѣ, Владимірской губерніи, гдѣ жила нѣкоторое время Елизавета Петровна, еще бывши цесаревной, также сохраняется преданіе о бракѣ ея съ Разумовскимъ. Въ Ярославской, Владимірской и Тверской губерніяхъ намъ случалось слышать такое же народное преданіе.

Всѣ эти преданія отличаются мѣстными подробностями, но сводятся на слѣдующее: императрица Елизавета вступила въ тайный бракъ съ Разумовскимъ и имѣла дѣтей—сына и дочь. Какъ рожденные отъ брака тайнаго, они не имѣли права на престолонаслѣдіе, и по возрастѣ убѣждены были добровольно отказаться отъ свѣта и посвятить жизнь свою служенію Богу, дабы не сдѣлаться орудіемъ честолюбцевъ, которые могли бы употребить ихъ имя и мнимыя права для достиженія собственныхъ своекорыстныхъ цѣлей, дабы не быть такимъ образомъ невольною причиной весьма возможныхъ въ прошломъ столѣтіи политическихъ замѣшательствъ. Ни о желаніи дѣтей Елизаветы занять высокое положеніе своей матери, ни о жалобахъ ихъ на печальную судьбу свою—преданія не упоминаютъ ни слова. Должно быть, Таракановы были далеки отъ честолюбія и оставались довольны своею скромною долей. Несмотря на то, что въ царствованіе Екатерины II являлось не мало самозванцевъ, принимавшихъ на себя имя Петра III, само-

званцы Таракановы не могли явиться въ Россіи. Самозванка явилась лишь за границей.

II.

Цесаревна Елизавета Петровна родилась въ годъ Полтавской побѣды, и когда умерла ея мать, императрица Екатерина I, ей только что исполнилось восемнадцать лѣтъ. Она была рѣдкой, необычайной красоты. Портреты ея, находящіеся въ Романовской галлереѣ и въ галлереѣ Гатчинскаго дворца, свидѣтельствуютъ, какъ красива, какъ привлекательна была она во время первой молодости. Веселый, беззаботный характеръ и сердечная доброта отражались на нѣжныхъ чертахъ миловиднаго лица бѣлокурой цесаревны. Она была граціозна и приводила въ восхищеніе всѣхъ знавшихъ ее. Обѣ дочери Петра Великаго, по справедливости, назывались первыми красавицами Сѣвера. Елизавета не отличалась ни блестящими свойствами ума, ни политическими способностями; она любила удовольствія, любила роскошь, миръ, тишину, была безпечна, лѣнива и, какъ извѣстно, не искала престола, желая лишь одного: полной свободы дѣйствій въ частной жизни. Самое вступленіе ея на престолъ совершилось почти помимо ея воли; приверженцамъ ея не мало было труда, чтобы склонить цесаревну къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; только страхъ монастырскаго заключенія заставилъ безпечную, лѣнивую и начинавшую уже отцвѣтать красавицу сдѣлать желанный другими, но не ею, рѣшительный шагъ.

Еще при жизни матери, Елизавета объявлена была невѣстой голштинскаго принца Карла Августа, епископа Любскаго; но бракъ не состоялся по случаю смерти жениха, послѣдовавшей мѣсяца черезъ полтора

по кончинѣ Екатерины I. Черезъ мѣсяцъ послѣ того (25-го іюля 1727 г.), старшая сестра Елизаветы, герцогиня голштинская Анна Петровна, съ горестными слезами уѣхала съ мужемъ изъ Россіи въ Голштинію, измученная нападками всесильнаго еще тогда князя Меншикова. Елизавета Петровна осталась въ одиночествѣ. Она была сирота, въ полномъ смыслѣ этого слова: ни отца, ни матери, ни добраго руководителя у восемнадцатилѣтней дѣвушки, пылкой, страстной, готовой пожертвовать, пренебречь всѣмъ для удовольствій и свободной, веселой жизни. Императоръ, племянникъ ея, былъ еще очень молодъ, бабушка его, царица Авдотья Ѳедоровна, не могла питать нѣжныхъ чувствъ къ дочери своей соперницы, которую считала источникомъ всѣхъ своихъ злоключеній и плачевной кончины своего сына. Къ тому же она жила въ монастырѣ, и дворъ былъ почти совсѣмъ чуждъ ей. Сестра императора, Наталья Алексѣевна, была только годомъ старше своего брата и, какъ кажется, не любила Елизавету. Царевны, дочери царя Ивана Алексѣевича, жили въ Москвѣ; къ нимъ Елизавета также находилась въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ; словомъ, въ царской семьѣ она была совершенно чужою. Она потеряла всякое значеніе и въ глазахъ верховныхъ сановниковъ Имперіи, особенно послѣ паденія Меншикова. Остерманъ предложилъ было обвѣнчать четырнадцати-лѣтняго императора на его теткѣ Елизаветѣ, чтобы такимъ образомъ соединить потомство Петра Великаго отъ обѣихъ женъ. Но эта нѣмецкая выдумка не могла быть приведена въ исполненіе: уставы православной церкви не дозволяютъ брака въ столь близкой степени родства. Нѣкоторое время Елизавета находилась съ своимъ племянникомъ-императоромъ въ самыхъ пріязненныхъ, въ самыхъ близкихъ, короткихъ отношеніяхъ и имѣла на него большое

вліяніе. Остерманъ это хорошо понималъ, и потому предлагалъ невозможный бракъ. По паденіи Меншикова, когда дворъ переселился въ Москву, на Петра II имѣла большое нравственное вліяніе сестра его Наталья Алексѣевна, что̀ не нравилось князьямъ Долгоруковымъ, самымъ близкимъ людямъ къ императору. Любимецъ государевъ, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, по внушенію своего отца, чтобы поссорить брата съ сестрой или, по крайней мѣрѣ, охладить его къ ней, всячески старался возбудить любовь его къ Елизаветѣ. Очарованный прелестями своей тетки, Петръ предался ей со всѣмъ пыломъ молодости, не скрывалъ любви своей даже во многолюдныхъ собраніяхъ и безусловно слѣдовалъ ея внушеніямъ. Долгоруковы не предвидѣли, что вліяніе Елизаветы будетъ такъ велико, и искали способа удалить ее. Они придумали выдать ее замужъ за извѣстнаго Морица Саксонскаго, съ 1725 года домогавшагося Курляндскаго герцогства. Это, однако, не состоялось, и когда Елизавета Петровна своимъ легкомысліемъ сама разрушила свою силу, лишившись любви Петра II, Долгоруковы болѣе не заботились о сватовствѣ ея. Послѣднее время Петрова царствованія и первые годы Анны Ивановны, цесаревна Елизавета жила отдѣльно отъ двора, въ слободѣ Покровской, нынѣ вошедшей въ составъ города Москвы, въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ и Александровской слободѣ (нынѣ городъ Александровъ), нуждаясь нерѣдко въ денежныхъ средствахъ. По своей безпечности, склонности къ удовольствіямъ и крайнему нерасположенію къ труду, она была совершенно безопасна для Анны Ивановны, но духовное завѣщаніе Екатерины I, по которому, въ случаѣ бездѣтной кончины Петра II, русская корона должна была перейти въ руки одной изъ цесаревенъ, было всѣмъ памятно; оно безпокоило Анну и ближайшихъ ея привержен-

цевъ. За Елизаветой учрежденъ былъ секретный, но бдительный надзоръ, но напрасно соглядатаи старались подмѣтить въ ней какіе-либо политическіе замыслы. При дворѣ Елизаветы не было почти никого изъ знатныхъ людей, въ Покровскомъ она нерѣдко проводила время съ слободскими дѣвушками, въ лѣтніе вечера водила съ ними на лугу хороводы, пѣла пѣсни и даже сочиняла ихъ. Такимъ образомъ, пѣсня:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Середь улицы большой,
Расплясались, разскакались
Красны дѣвки межъ собой.

приписывается Елизаветѣ Петровнѣ. Въ Переяславлѣ и Александровской слободѣ она также сближалась съ простолюдинами. Это обратило на себя подозрительное вниманіе большого двора, уже переселившагося въ Петербургъ. Боялись, чтобъ она не пріобрѣла такой популярности въ народѣ, которая могла бы сдѣлаться опасною для императрицы. Елизавету вытребовали въ Петрбургъ, гдѣ она и помѣстилась въ особомъ домѣ, нынѣшней называемомъ Смольнымъ и находившемся въ концѣ Воскресенской улицы. Впослѣдствіи увидали, что популярность цесаревны въ средѣ гвардейскихъ солдатъ для преемника Анны было несравненно опаснѣе популярности между покровскими и александровскими слобожанами и переяславскими посадскими и ямскими людьми.

III.

Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, прапорщикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, молодой человѣкъ, незнатнаго происхожденія, [1]) но чрезвычайно красивой

[1]) До 1600 года дворянъ Шубиныхъ не было. Въ 1699 двое Шубиныхъ владѣли помѣстьями.

наружности, ловкій, проворный, расторопный, рѣшительный и энергическій, овладѣлъ сердцемъ Елизаветы Петровны [1]). Она предалась своему чувству со всѣмъ пыломъ молодости, со всѣмъ упоеніемъ страсти и, какъ говоритъ преданіе, предполагала сочетаться съ Шубинымъ бракомъ [2]). Примѣръ тайнаго брака царевны съ подданнымъ былъ уже поданъ: родная сестра императрицы Анны Ивановны, царевна Прасковья, была замужемъ за Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ и умерла въ 1731 году, не переживъ его смерти. Еслибъ избранный сердцемъ Елизаветы былъ такой же ничтожный человѣкъ, какъ мужъ ея двоюродной сестры, Прасковьи Ивановны, по всей вѣроятности, бракъ ея съ Шубинымъ не встрѣтилъ бы препятствій со стороны императрицы; но энергическій прапорщикъ казался опаснымъ, онъ былъ любимъ товарищами, имѣлъ большое вліяніе на солдатъ, черезъ него Елизавета сблизилась съ гвардейцами и вступила съ ними въ такія же отношенія, въ какихъ находилась прежде съ слобожанами Покровской и Александровской слободы: крестила у нихъ дѣтей, бывала на ихъ свадьбахъ; солдатъ-именинникъ приходилъ къ ней, по старому обычаю, съ именинным пирогомъ и получалъ отъ нея подарки и чарку анисовки, которую, какъ хозяйка, Елизавета и сама выпивала за здоровье именинника. Гвардейскіе солдаты полюбили доступную

1) Манштейнъ.

2) Елизавета Петровна пламенно любила Шубина и выражала чувства свои въ стихахъ, обращенныхъ къ нему. Вотъ одна строфа изъ нихъ, приведенная г. Бантышъ-Каменскимъ въ его *Словарѣ достопамятныхъ людей*. (Второй выпускъ. Спб. 1847 т. III, стр. 550).

Я не въ своей мочи огнь утушить,
Сердцемъ болѣю, да чѣмъ пособить?
Что всегда разлучно и безъ тебя скучно—
Легче-бъ тя не знати, нежель такъ страдати
Всегда по тебѣ.

цесаревну, стали называть ее «матушкой» и говорили другъ другу, по внушенію Шубина, что ей, дочери Петра Великаго, «не сиротой плакаться», а слѣдовало бы на престолѣ сидѣть. Не дождавшись брачнаго вѣнца, Шубинъ былъ арестованъ по повелѣнію императрицы Анны, долго томился въ оковахъ, въ такъ-называемомъ «каменномъ мѣшкѣ», гдѣ нельзя было ни сѣсть ни лечь, и, наконецъ, отправленъ въ Камчатку и обвѣнчанъ тамъ, противъ воли, съ камчадалкой [1]).

[1]) Вступивъ на престолъ, Елизавета Петровна вспомнила о своемъ любимцѣ, сосланномъ за нее въ дальнюю Камчатку. Съ великимъ трудомъ отыскали его не ранѣе 1742 года, въ одномъ камчадальскомъ селеніи. Посланный объѣздилъ всю Камчатку, спрашивалъ вездѣ, нѣтъ ли гдѣ Шубина, но не могъ ничего разузнать. Когда его ссылали, то не объявили его имени, а самому ему запрещено было называть себя кому бы то ни было подъ страхомъ смертной казни. Въ одной юртѣ посланный отыскивать ссыльнаго спрашивалъ нѣсколькихъ бывшихъ тутъ арестантовъ, не слыхали ли они чего-нибудь про Шубина; никто не далъ положительнаго отвѣта. Потомъ, разговорясь съ арестантами, посланный упомянулъ имя императрицы Елизаветы Петровны. «Развѣ Елизавета царствуетъ?» спросилъ тогда одинъ изъ ссыльныхъ. «Да, вотъ ужь другой годъ, какъ Елизавета Петровна восприяла родительскій престолъ», отвѣчалъ посланный. «Но чѣмъ вы удостовѣрите въ истинѣ?» спросилъ ссыльный. Офицеръ показалъ ему подорожную и другія бумаги, въ которыхъ было написано имя императрицы Елизаветы. «Въ такомъ случаѣ, Шубинъ, котораго вы отыскиваете, передъ вами», отвѣчалъ арестантъ. Его привезли въ Петербургъ, гдѣ 2-го марта 1743 года онъ былъ произведенъ «за невинное претерпѣніе» прямо въ генералъ-майоры и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка въ майоры и получилъ Александровскую ленту. Императрица пожаловала ему богатыя вотчины; въ томъ числѣ село Работки на Волгѣ, что въ нынѣшнемъ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Шубинъ не долго оставался при дворѣ. Камчатская ссылка совершенно разстроила его здоровье, онъ предался набожности, дошедшей до аскетизма, и въ 1744 году, уже въ чинѣ генералъ-поручика, когда особенно сильно было вліяніе на императрицу Разумовскаго, просилъ увольненія отъ службы. Получивъ отставку, Шубинъ поселился въ пожалованныхъ ему Работкахъ, гдѣ и умеръ. На прощаньи императрица Елизавета подарила ему драгоцѣнный образъ Спасителя и часть ризы Господней. То и другое доселѣ сохраняется въ церкви села Работокъ. Въ этомъ селѣ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе преданіе объ отношеніяхъ императрицы Елизаветы Петровны къ бывшему тамошнему помѣщику.

Послѣ ссылки Шубина, пылкая Елизавета Петровна обратила вниманіе на Разумовскаго. Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій родился въ одинъ годъ съ нею, то есть въ 1709 году, въ маленькомъ селѣ Лемешахъ [1]) Козелецкаго уѣзда Черниговской губерніи; отецъ его былъ простой казакъ Григорій Розумъ. У Алексѣя Розума былъ хорошій голосъ, и онъ пѣвалъ на клиросѣ приходской церкви. Для укомплектованія придворной капеллы посылали изъ Петербурга набирать пѣвчихъ обыкновенно въ Малороссію, гдѣ, какъ извѣстно, несравненно болѣе хорошихъ голосовъ, чѣмъ въ Великой Россіи. Полковникъ Вишневскій, посланный съ такимъ порученіемъ въ царствованіе Анны Ивановны, услыхалъ въ Лемешовской церкви Алексѣя Розума, которому было тогда съ небольшимъ двадцать лѣтъ, и взялъ его въ придворные пѣвчіе. Во дворцѣ увидала его Елизавета, постаралась перевести его въ свой штатъ и поручила ему надзоръ за управленіемъ своихъ помѣстій. Розумъ, переименованный въ Разумовскаго, оставался при дворѣ цесаревны до самаго вступленія ея на престолъ. Въ тотъ же день, какъ Елизавета заняла мѣсто несчастнаго Ивана Антоновича, 25-го ноября 1741 года, сдѣлала она своего любимца дѣйствительнымъ камергеромъ, вскорѣ за тѣмъ оберъ-егермейстеромъ, а въ день коронаціи своей, 25-го апрѣля 1742 года, пожаловала ему Андреевскую ленту. Въ 1744 году Разумовскій викаріемъ Римской имперіи, курфирстомъ саксонскимъ, былъ возведенъ въ графское Римской имперіи достоинство, а черезъ два мѣсяца послѣ того Елизавета Петровна возвела его въ графы Россійской Имперіи. Это было 15-го іюня 1744

[1]) Село Лемеши, въ 10 верстахъ отъ Козельца, стоитъ на болотѣ и въ настоящее время имѣетъ всего 49 дворовъ съ 174 жителями обоего пола.

года. Въ этотъ день новопожалованный графъ и обвѣнчался съ Елизаветой Петровной въ Москвѣ, въ церкви Воскресенія въ Барашахъ, что̀ на Покровской улицѣ [1]). Затѣмъ онъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы, хотя никогда не бывалъ ни въ одномъ походѣ.

IV.

Разумовскій умѣлъ хорошо держать себя на той высотѣ, на которую былъ возведенъ. Хотя отношенія его къ императрицѣ и были извѣстны, но онъ всячески старался скрывать ихъ, не гордился своимъ положеніемъ, былъ со всѣми привѣтливъ, всѣмъ услужливъ, и тѣмъ пріобрѣлъ искреннюю любовь окружавшихъ Елизавету. Сначала жилъ онъ въ одномъ дворцѣ съ императрицей, а потомъ для него былъ построенъ особый дворецъ, извѣстный нынѣ подъ названіемъ Аничкова. Богатства Разумовскаго были несмѣтны, и онъ умѣлъ ими пользоваться. Много добра дѣлалъ онъ бѣднымъ и несчастнымъ, снабжая ихъ деньгами или ходатайствуя за нихъ предъ Елизаветой. Онъ любилъ поиграть въ банкъ, и если узнавалъ, что кто-нибудь нуждается въ денежныхъ средствахъ, приглашалъ его играть и нарочно проигрывалъ ему болѣе или менѣе значительныя суммы. Одно въ немъ было непріятно: любилъ иногда выпить лишнюю рюмку вина, и во хмелю былъ неспокоенъ, какъ говоритъ въ своихъ *Запискахъ* учитель Павла Петровича, Порошинъ. Это было, гово-

[1]) Одни говорятъ, что бракъ Елизаветы былъ совершенъ 15-го іюля 1748, а другіе относятъ его къ 1750 году. Но принцесса Августа Тараканова, рожденная отъ этого брака, скончалась 4-го февраля 1810 года, 64 лѣтъ отъ роду. Слѣдовательно, она родилась или въ январѣ 1746 или въ 1745 году. По этому разсчету мы и относимъ бракъ Елизаветы къ 1744 году.

рятъ, причиной охлажденія къ нему Елизаветы, послѣдовавшаго года черезъ четыре послѣ брака. Елизавета Петровна, любившая театральныя представленія, въ то время даваемыя въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, однажды пріѣхала туда нечаянно и, придя въ театръ, увидала на сценѣ спящаго молодого человѣка, бывшаго уже на выпускѣ. Это былъ Никита Аѳанасьевичъ Бекетовъ, къ которому, какъ тогда говорили, «счастье во снѣ пришло». По окончаніи спектакля, онъ былъ пожалованъ въ сержанты, а мѣсяца черезъ три выпущенъ изъ корпуса прямо премьеръ-майоромъ (то есть подполковникомъ) Преображенскаго полка и назначенъ генеральсъ-адъютантомъ къ Разумовскому. Разумовскій былъ совершенно равнодушенъ къ возвышенію новаго любимца и былъ съ нимъ въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ. Но графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, опасаясь возраставшаго вліянія Бекетова, сблизился съ этимъ неопытнымъ юношей, вкрался въ его довѣренность. Расхваливая его красоту, особенно же бѣлизну его лица, онъ совѣтовалъ для поддержанія ея употреблять какое то притиранье, которое и далъ ему. Бекетовъ поступилъ по совѣту Шувалова, и лицо его покрылось сыпью. Жена Шувалова, Мавра Егоровна, урожденная Шепелева, еще съ ранней молодости Елизаветы пользовавшаяся особенною ея довѣренностью и посвященная во всѣ ея тайны, сказала ей, что Бекетовъ ведетъ распутную жизнь и заразился. Его тотчасъ же отправили въ армію, а мѣсто его заступилъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, братъ графа Петра Ивановича. [1]) Разумовскій и съ Шуваловымъ, и съ другими фаворитами, находился въ столь же пріятныхъ отношеніяхъ, какъ и съ Беке-

[1]) Бантышъ-Каменскій, *Словарь достопамятныхъ людей русской земли*, 1—115; Вейдемейера, *Дворъ и замѣчательные люди Россіи*, 1—3.

товымъ. Впослѣдствіи, по вступленіи на престолъ Екатерины, онъ совершенно отказался отъ двора и велъ жизнь уединенную, выѣзжая только въ церковь.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Екатерины II, Григорій Григорьевичъ Орловъ, стремившійся занять положеніе, подобное положенію Разумовскаго, сказалъ императрицѣ, что бракъ Елизаветы, о которомъ пишутъ иностранцы, дѣйствительно, былъ совершенъ, и у Разумовскаго есть письменныя на то доказательства. На другой день Екатерина велѣла графу Воронцову написать указъ о дарованіи Разумовскому, какъ супругу покойной императрицы, титула императорскаго высочества и проектъ указа показать Разумовскому, но попросить его, чтобъ онъ предварительно показалъ бумаги, удостовѣряющіи въ дѣйствительности событія.

„Такое приказаніе, разсказывалъ впослѣдствіи графъ С. С. Уваровъ (въ Варшавѣ за обѣдомъ у намѣстника, князя Паскевича), Воронцовъ слушалъ съ величайшимъ удивленіемъ, на лицѣ его изображалась готовность высказать свое мнѣніе, но Екатерина, какъ бы не замѣчая того, подтвердила серіозно приказаніе, и, поклонившись благосклонно, съ свойственною ей улыбкой благоволенія, вышла, оставя Воронцова въ совершенномъ недоумѣніи. Онъ, видя, что ему остается только исполнить волю императрицы, поѣхалъ къ себѣ, написалъ проектъ указа, и отправился съ нимъ къ Разумовскому, котораго засталъ сидящимъ въ креслахъ у горящаго камина и читающимъ Священное Писаніе.

„Послѣ взаимныхъ привѣтствій, между разговоромъ, Воронцовъ объявилъ Разумовскому истинную причину своего пріѣзда; послѣдній потребовалъ проектъ указа, пробѣжалъ его глазами, всталъ тихо съ своихъ креселъ, медленно подошелъ къ комоду, на которомъ стоялъ ларецъ чернаго дерева, окованный серебромъ и выложенный перламутромъ, отыскалъ въ комодѣ ключъ, отперъ имъ ларецъ, и изъ потаеннаго ящика вынулъ бумаги, обвитыя въ розовый

атласъ, развернулъ ихъ, атласъ спряталъ обратно въ ящикъ, а бумаги началъ читать съ благоговѣйнымъ вниманіемъ.

„Все это онъ дѣлалъ, не прерывая молчанія. Наконецъ, прочитавъ бумаги, поцѣловалъ ихъ, возвелъ глаза, орошенные слезами, къ образамъ, перекрестился; и возвратясь съ примѣтнымъ волненіемъ души къ камину, у котораго оставался графъ Воронцовъ, бросилъ свертокъ въ огонь, опустился въ кресла, и, помолчавъ еще нѣсколько, сказалъ:

„Я не былъ ничѣмъ болѣе, какъ вѣрнымъ рабомъ ея величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодѣяніями выше заслугъ моихъ. Никогда не забывалъ я, изъ какой доли и на какую степень возведенъ былъ десницею ея. Обожалъ ее, какъ сердолюбивую мать милліоновъ народа и примѣрную христіанку, и никогда не дерзнулъ самою мыслію сближаться съ ея царственнымъ величіемъ. Стократъ смиряюсь, воспоминая прошедшее, живу въ будущемъ, его же не прейдемъ, въ молитвахъ къ Вседержителю. Мысленно лобызаю державныя руки нынѣ царствующей монархини, подъ скипертомъ коей безмятежно въ остальныхъ дняхъ жизни вкушаю дары благодѣяній, изліянныхъ на меня отъ престола. Если бы было нѣкогда то, о чемъ вы говорите со мною, повѣрьте, графъ, что я не имѣлъ бы суетности признать случай, помрачающій незабвенную память монархини, моей благодѣтельницы. Теперь вы видите, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ, доложите обо всемъ этомъ всемилостивѣйшей государынѣ, да продлитъ милости свои на меня, старца, не желающаго никакихъ земныхъ почестей. Прощайте, ваше сіятельство! Да останется все прошедшее между нами въ тайнѣ! Пусть люди говорятъ, что имъ угодно; пусть дерзновенные простираютъ надежды къ мнимымъ величіямъ, но мы не должны быть причиной ихъ толковъ".

„Отъ Разумовскаго Воронцовъ поѣхалъ прямо къ государынѣ, и донесъ ей съ подробностью объ исполненіи порученнаго ему. Императрица, выслушавъ, взглянула на Воронцова проницательно, подала руку, которую онъ поцѣловалъ съ чувствомъ преданности, и вымолвила съ важностью:

„Мы другъ друга понимаемъ: тайнаго брака не существовало, хотя бы то для усыпленія боязливой совѣсти. Шопотъ о семъ всегда былъ для меня противенъ. Почтен-

ный старикъ предупредилъ меня, но я ожидала этого отъ свойственнаго малороссамъ самоотверженія“ [1]).

V.

Какъ иностранные писатели, такъ и преданія, сохранившіяся въ Россіи, единогласно утверждаютъ, что у Елизаветы отъ брака съ Разумовскимъ были дѣти. Кастера, въ своей *Histoire de Catherine II*, говоритъ, что дѣтей было трое, изъ нихъ младшая — княжна Тараканова, родившаяся въ 1755 году; старшіе же были сыновья, изъ которыхъ одинъ былъ живъ еще въ 1800 году, а другой еще въ молодыхъ лѣтахъ, приготовляясь къ горной службѣ, учился химіи у профессора Лемана и вмѣстѣ съ своимъ учителемъ былъ удушенъ испареніями какого то состава, пролившагося изъ разбитой по неосторожности бутылки. Гельбихъ, жившій долго въ Россіи и вообще сообщающій извѣстія, отличающіяся истиной и подтверждаемыя во многомъ архивными дѣлами, въ своей *Russische Hünstlinge*, говоритъ, согласно съ русскими преданіями, что дѣтей у Елизаветы Петровны было двое: сынъ, имѣвшій фамилію Закревскаго, и дочь, Елизавету Тараканову, [2]) которую считаетъ дочерью Ивана Ивановича Шувалова, рожденною въ 1753 году. Но этотъ годъ

[1]) *Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древн.*, 1863 г., книжка 3, статья: *Разсказъ о бракѣ императрицы Елизаветы Петровны.*

[2]) Въ статьѣ М. Н. Лонгинова, *Княжна Тараканова*, помѣщенной въ 24 книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, 1859 года, сказано что этотъ Закревскій былъ впослѣдствіи тайнымъ совѣтникомъ и президентомъ медицинской коллегіи, и что одна изъ его дочерей (Прасковья Андреевна, род. 1763, ум. 1816 г.), была замужемъ за генералъ-аншефомъ графомъ Павломъ Сергѣевичемъ Потемкиномъ (генералъ-губернаторъ кавказскій, умеръ внезапно 29-го марта 1796 года въ Москвѣ, во время посѣщенія его извѣстнымъ дѣльцомъ тайной полиціи Шешковскимъ).

показанъ по соображеніи возраста не настоящей Таракановой, рожденной въ 1745 году, а самозванки, которая въ 1775 году говорила, что ей двадцать три года. Дюкло въ своихъ *Memoires secrets sur la France* говоритъ, что дѣти Елизаветы воспитывались у одной приближенной къ императрицѣ италіанки Іоанны, и были признаваемы за собственныхъ ея дѣтей. Гельбихъ также говоритъ, что Тараканова отвезена италіанкой, своею воспитательницей, въ Италію, еще при жизни Елизаветы, и до кончины ея жила тамъ въ полномъ довольствѣ. Онъ прибавляетъ, что отецъ Таракановой, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ (?), удалившійся по воцареніи Екатерины за границу на цѣлыя пятнадцать лѣтъ, видѣлся съ Таракановой въ Италіи, но не открылся ей. Изъ опубликованныхъ теперь графомъ В. Н. Панинымъ свѣдѣній оказывается, что, дѣйствительно, Алексѣй Орловъ взводилъ подозрѣніе на Шувалова въ сношеніяхъ не съ настоящею, но съ самозванкой Таракановою, (не называя, впрочемъ, прямо его по имени). Оказалось, однако, что захваченныя нѣжныя письма къ псевдо-Таракановой писаны были хотя и похожимъ на Шуваловскій почеркомъ, но не имъ, а сведеннымъ съ ума самозванкой владѣтельнымъ княземъ Лимбургскимъ.

Между истинною Таракановой и самозванкой, надѣлавшею много шума въ Европѣ во время Пугачевскаго бунта, общаго нѣтъ ничего. Вотъ все, что мы знаемъ о дѣйствительно-рожденныхъ дѣтяхъ Елизаветою Петровною отъ брака съ Разумовскимъ.

Ихъ было двое — сынъ и дочь. О сынѣ письменныхъ свидѣтельствъ никакихъ не сохранилось. По крайней мѣрѣ, доселѣ изслѣдователи старинныхъ архивовъ ничего не заявляли о немъ. Извѣстно только по преданію, что онъ жилъ до начала нынѣшняго столѣтія въ одномъ изъ монастырей Переяславля-Залѣсскаго и

горько жаловался на свою участь. Это говорилъ покойный графъ Д. Н. Блудовъ, которому хорошо были извѣстны подобныя тайны [1]).

Дочь Елизаветы Петровны носила имя Августы, какъ свидѣтельствуетъ портретъ ея, находящійся въ настоятельскихъ кельяхъ Московскаго Новоспасскаго монастыря. [2]). По свидѣтельству Г. И. Головиной, которая училась въ Ивановскомъ монастырѣ и черезъ одну монахиню сблизилась съ княжной Таракановой, она звала себя по отчеству Матвѣевной. [3]) Отчество это, конечно, вымышленное. Почему она получила фамилію Таракановой, сказать трудно, но во всякомъ случаѣ не потому, что отецъ ея, графъ Разумовскій, родился въ слободѣ Таракановкѣ, какъ разсказывалъ покойный графъ Д. Н. Блудовъ. [4]) Такой слободы нѣтъ во всей Черниговской губерніи. [5]) Гдѣ воспитывалась принцесса Августа и гдѣ она находилась до 1785 года, то есть до сорокалѣтняго возраста, мы не знаемъ [6]).

[1]) *Русскій Архивъ* 1865 года, книжка 1, статья М. Н. Лонгинова: *Замѣтка о княжнѣ Таракановой*, стр. 94.

[2]) Копія съ этого портрета (въ монашескомъ одѣяніи) приложена къ одному изъ выпусковъ *Русскихъ Достопамятностей*, издаваемыхъ А. А. Мартыновымъ (выпускъ 5-й, *Ивановскій монастырь*). Портретъ писанъ на полотнѣ, вышина его $10^1/_2$, ширина $7^1/_2$ вершковъ; на задней сторонѣ подпись: «Принцесса Августа Тараканова, во иноцѣхъ Досиѳея, постриженная въ Московскомъ Ивановскомъ монастырѣ, гдѣ по многихъ лѣтѣхъ праведной жизни своей скончалась 1808 года и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ». Судя по портрету, принцесса Августа имѣла сходство съ Елизаветою Петровною.

[3]) *Современная лѣтопись*, 1865 года, № 13, статья г. Самгина.

[4]) *Русскій Архивъ* 1865 г., книжка 1, статья М. Н. Лонгинова: *Замѣтка о княжнѣ Таракановой*, стр. 94.

[5]) *Списки населенныхъ мѣстностей Россійской Имперіи*, составленные и издаваемые центральнымъ статистическимъ комитетомъ, т. XLVIII.

[6]) Въ статьѣ г. Самгина (*Современная Лѣтопись*, 1865 г., № 13) сказано, что бабушкѣ его, г-жѣ Головиной, инокиня Досиѳея, въ минуту откровенности, взявъ съ нея предварительно клятву, что она до смерти ея никому не разскажетъ, что услышитъ, сказала слѣдующее:

Въ этомъ году она привезена была, по именному повелѣнію Екатерины II, въ Ивановскій монастырь, который, по указу императрицы Елизаветы Петровны, отъ 20-го іюня 1761 года, предназначенъ былъ для призрѣнія *вдовъ и сиротъ знатныхъ и заслуженныхъ людей*. Принцесса Августа была здѣсь пострижена и получила монашеское имя Досиѳеи. Во все время двадцатипятилѣтняго пребыванія своего въ этомъ монастырѣ она жила въ одно-этажныхъ каменныхъ кельяхъ, примыкавшихъ къ восточной части монастырской ограды близъ покоевъ игуменьи [1]). Все ея

«Это было давно: была одна дѣвица, дочь очень, очень знатныхъ родителей, и воспитывалась она далеко за моремъ, въ теплой сторонѣ, образованіе получила блестящее, жила она въ роскоши и почетѣ, окруженная большимъ штатомъ прислуги. Одинъ разъ у нея были гости и въ числѣ ихъ одинъ русскій генералъ, очень извѣстный въ то время; генералъ этотъ и предложилъ покататься въ шлюпкѣ по взморью; поѣхали съ музыкой, съ пѣснями; а какъ вышли въ море — тамъ стоялъ наготовѣ русскій корабль. Генералъ и говоритъ ей: «не угодно ли вамъ посмотрѣть на устройство корабля?» Она согласилась, взошла на корабль,—а какъ только взошла, ее ужь силой отвели въ каюту, заперли и приставили къ ней часовыхъ... Черезъ нѣсколько времени нашлись добрые люди, сжалились надъ несчастною — дали ей свободу и распустили слухъ, что она утонула... Много было труда ей укрываться... Чтобы какъ-нибудь не узнали ея, она испортила лицо свое, натирая его лукомъ до того, что оно распухло и разболѣлось, такъ что не осталось и слѣда отъ ея красоты; одѣта она была въ рубище и питалась милостыней, которую выпрашивала на церковныхъ папертяхъ; наконецъ, пошла она къ одной игуменьѣ, женщинѣ благочестивой, открылась ей, и та изъ состраданія пріютила ее у себя въ монастырѣ, рискуя сама подпасть за это подъ отвѣтственность». Сдѣлавшіяся нынѣ извѣстными свѣдѣнія, извлеченныя изъ архивовъ, совершенно лишаютъ этотъ разсказъ вѣроятія. Ясно, что въ разсказѣ г-жи Головиной разумѣется не княжна Тараканова, а самозванка, называвшая себя принцессой Владимірскою, взятая на Ливорнскомъ рейдѣ графомъ Алексѣемъ Орловымъ и умершая въ Петропавловской крѣпости. Трудно допустить, чтобы Досиѳея разсказывала о себѣ такъ, какъ передано это г. Самгинымъ.

[1]) Сгорѣвшій во время нашествія Наполеона Ивановскій монастырь былъ послѣ того упраздненъ, церковь обращена въ приходскую, а въ кельяхъ помѣщались чиновники и рабочіе Синодальной типографіи. По

помѣщеніе, говоритъ г. Снегиревъ [1]), составляли двѣ уютныя комнаты подъ сводами и прихожая для келейницы; ихъ нагрѣвала изразчатая печь съ лежанкой; окна были обращены на монастырь. На содержаніе ея отпускалась игуменьѣ изъ казначейства особенная сумма, и Досиѳея, никогда не бывая въ общей трапезѣ, имѣла особый столъ, обильный и изысканный. Иногда на ея имя присылаемы были къ игуменьѣ значительныя суммы отъ неизвѣстныхъ лицъ; эти деньги Досиѳея употребляла преимущественно на украшеніе монастырскихъ церквей, на пособія бѣднымъ и раздавала нищимъ. Кромѣ игуменьи, духовника, причетника и московскаго купца Филиппа Никифоровича Шепелева, [2]) торговавшаго чаемъ и сахаромъ на Варваркѣ, Досиѳея ни съ кѣмъ не видалась. Г-жа Головина разсказывала, что, по смерти Екатерины II, Досиѳею стали посѣщать нѣкоторыя извѣстныя лица; такъ, напримѣръ, митрополитъ Платонъ пріѣзжалъ поздравлять ее по большимъ праздникамъ, и даже одно лицо изъ Императорской фамиліи посѣтило ея келью и долго бесѣдовало съ затворницей. Несмотря на то, Досиѳея до самой смерти не была спокойна и при всякомъ шорохѣ, при каждомъ стукѣ въ дверь блѣднѣла и тряслась всѣмъ тѣломъ. У нея былъ портретъ императрицы Елизаветы Петровны и какія то бумаги, которыя она, послѣ долгаго колебанія, сожгла. [3]) Въ церковь она ходила очень рѣдко и то въ сопровожденіи приставленной къ

ходатайству высокопреосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, въ 1859 году Государь Императоръ разрѣшилъ возстановить Ивановскій монастырь. Нѣкоторыя старыя зданія при этомъ случаѣ были сломаны, въ томъ числѣ и кельи, гдѣ жила Тараканова.

[1]) *Русскія достопамятности*, изд. А. А. Мартыновымъ, V—15.

[2]) Не родственникъ ли Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой, наперсницѣ императрицы Елизаветы Петровны?

[3]) *Современная Лѣтопись*, 1865 г., № 13.

ней монахини. Коридоръ и крытая деревянная лѣстница отъ ея келій вели прямо въ церковь, устроенную подъ святыми воротами. Тамъ духовникъ съ причетниками совершалъ богослуженіе для нея одной, и въ это время церковныя двери запирались, чтобы не могъ зайти кто-либо изъ постороннихъ и увидѣть таинственную монахиню. Къ окнамъ ея келій, всегда задернутымъ занавѣсками, иногда подходили любопытные, но монастырскій служитель тотчасъ отгонялъ ихъ. Разсказываютъ, будто графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, доживавшій свой вѣкъ въ Москвѣ, никогда не ѣздилъ мимо Ивановскаго монастыря, и если нужно было ѣхать мимо, всегда дѣлалъ крюкъ. Можетъ быть, онъ и самъ не зналъ о судьбѣ взятой имъ въ Ливорно обманомъ самозванки Таракановой, и думалъ, что таинственная заточенница Ивановскаго монастыря, и красавица, называвшаяся въ Италіи дочерью императрицы Елизаветы, одно и то же лицо. Все время своего пребыванія въ Ивановскомъ монастырѣ Досиѳея посвящала молитвѣ, чтенію душеспасительныхъ книгъ и рукодѣлію; вырученныя отъ работъ деньги раздавала нищимъ черезъ свою келейницу. Послѣдніе годы она провела въ безмолвіи и считалась праведною. Она была средняго роста, худощава и чрезвычайно стройна; несмотря на долговременное заключеніе и старость, она сохраняла на лицѣ остатки рѣдкой красоты. Судя по портрету, она была похожа на Елизавету Петровну. Старый причетникъ, недавно умершій, сказывалъ (по словамъ г. Снегирева), что онъ видалъ какихъ то важныхъ особъ, допущенныхъ игуменьей къ Досиѳеѣ; съ ними она говорила на иностранномъ языкѣ. Имени ея въ клировыхъ монастырскихъ вѣдомостяхъ нѣтъ.

Досиѳея скончалась 64 лѣтъ отъ роду, 4-го февраля 1810 г., какъ сказано въ надписи на надгробномъ

ея памятникѣ, или въ 1808 году, какъ сказано на оборотѣ ея портрета. Первое указаніе вѣрнѣе. Когда Досиѳея умерла, на пышныя ея похороны явился въ полномъ мундирѣ и въ Андреевской лентѣ тогдашній главнокомандующій Москвы, графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, женатый на графинѣ Прасковьѣ Кириловнѣ Разумовской, которая приходилась двоюродною сестрой усопшей. Сенаторы, члены опекунскаго совѣта и доживавшіе свой вѣкъ въ Москвѣ вельможи стараго времени явились на похороны также въ мундирахъ. За болѣзнію престарѣлаго митрополита Платона, отпѣвалъ Досиѳею викарій его, дмитровскій епископъ Августинъ, въ сослуженіи со старшимъ московскимъ духовенствомъ. Стеченіе народа на похоронахъ было необыкновенное. Досиѳею похоронили не въ томъ монастырѣ, гдѣ она жила, и не на общемъ кладбищѣ, а въ монастырѣ Новоспасскомъ, въ усыпальницѣ рода бояръ Романовыхъ, гдѣ въ XVII столѣтіи погребались родственники царственнаго дома. Ея могила находится у восточной ограды, по лѣвую сторону монастырской колокольни, подъ № 122. На дикомъ надгробномъ ея камнѣ находится слѣдующая надпись: «Подъ симъ камнемъ положено тѣло усопшей о Господѣ монахини Досиѳеи, обители Ивановскаго монастыря, подвизавшейся о Христѣ Іисусѣ въ монашествѣ двадцать пять лѣтъ, а скончавшейся февраля 4-го 1810 года. Всего ея житія было шестьдесятъ четыре года. Боже, всели ее въ вѣчныхъ Твоихъ обителяхъ!»

Монахиня Досиѳея, какъ разсказываютъ, была кроткаго нрава и безропотно подчинялась своей участи. Говорятъ, что она имѣла свиданіе съ Екатериной и безпрекословно согласилась удалиться отъ свѣта въ таинственное уединеніе, чтобы не сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ честолюбцевъ и не быть невинною виновницей государственныхъ потрясеній. Между нею и само-

званкой, бывшею орудіемъ враждебныхъ поляковъ и кончившею многомятежную жизнь свою въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, какъ уже сказали мы выше, нѣтъ ничего общаго.

Сказавъ все, что извѣстно доселѣ объ истинной Таракановой, обращаемся къ ловкой авантюристкѣ, называвшейся дочерью императрицы Елизаветы и сдѣлавшейся орудіемъ въ рукахъ знаменитаго князя Карла Радзивила. Доставленныя графомъ В. Н. Панинымъ извѣстія, почерпнутыя изъ государственнаго архива, которыми мы руководствуемся, изображаютъ въ подробности похожденія этой загадочной и во всякомъ случаѣ необыкновенной женщины.

VI.

Когда, по волѣ Екатерины II, Станиславъ Понятовскій вступилъ на древній престолъ Пястовъ, враждебная намъ въ Польшѣ, поддерживаемая Франціей партія, во главѣ которой стоялъ коронный великій гетманъ графъ Браницкій, обратилась съ просьбой о помощи къ Версальскому кабинету. Герцогъ Шуазёль, первый министръ Людовика XV, заботясь о возстановленіи прежняго вліянія Франціи на дѣла сѣверныхъ государствъ, радъ былъ этому обстоятельству и поспѣшилъ имъ воспользоваться.

Образовалась Барская конфедерація, враждебная королю Станиславу и поддерживавшей его Россіи. Франція послала конфедератамъ довольно значительныя денежныя пособія и кромѣ того искусныхъ офицеровъ для распоряженій военными дѣйствіями, а чтобъ отклонить Екатерину II отъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Польши, склонила султана Мустафу III объявить Россіи войну. Война началась, но

была несчастна для Турокъ. Побѣды Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ, истребленіе графомъ Орловымъ турецкаго флота при Чесмѣ, блистательныя дѣйствія князя Рѣпнина, овладѣвшаго Измаиломъ, Киліею и Аккерманомъ, занятіе русскими войсками Молдавіи, Валахіи и Крыма сильно потрясли Порту: подвластные ей славяне, греки и закавказскіе христіане возстали, чтобы, пользуясь удобнымъ случаемъ, свергнуть съ себя турецкое иго; египетскій паша Алибей также поднялъ оружіе противъ султана. Между тѣмъ, кровопролитныя междоусобія въ Польшѣ продолжались и совершенно ее обезсилили. Барскіе конфедераты нѣсколько разъ были разбиты русскими, и будущій извѣстный французскій генералъ Дюмурье, присланный на помощь противникамъ Станислава Понятовскаго, нѣсколько разъ разбитый Суворовымъ, ушелъ изъ Польши. Австрія съ безпокойствомъ взирала на торжество русскихъ, особенно на занятіе ими Молдавіи и Валахіи. Опасаясь за нарушеніе европейскаго равновѣсія, она предложила прусскому королю вооруженное посредничество для примиренія Россіи съ Турціей. Фридрихъ II согласился, тѣмъ болѣе, что и самъ неравнодушно смотрѣлъ на успѣхи Екатерины. Императрица была не прочь отъ мира, но потребовала независимости отъ султана крымскихъ татаръ, свободнаго плаванія русскимъ кораблямъ по Черному морю и Архипелагу и присоединенія къ Россіи Молдавіи съ Валахіей. Это встревожило Австрію; она, заключивъ съ султаномъ оборонительный союзъ, собрала многочисленную армію для дѣйствій противъ Россіи; война готова была вспыхнуть, но Фридрихъ II нашелъ средство отклонить ее. Зная, что Вѣнскій кабинетъ съ особенною тревогой смотритъ на намѣреніе Екатерины пріобрѣсть Молдавію съ Валахіей, король предложилъ вознаградить Россію частію польскихъ

областей, при чемъ, какъ Австріи, такъ и самому миротворцу отмежевать изъ наслѣдія Ягеллоновъ приличныя части. Австрія согласилась, и лѣтомъ 1772 года послѣдовалъ *первый раздѣлъ Польши*. Въ то же время открылись мирные переговоры Россіи съ Турціей въ Фокшанахъ.

Магнаты и шляхта, составлявшіе единственную причину всѣхъ злоключеній Польскаго государства, были поражены этою вѣстью. Не наученные опытомъ, вздумали они продолжать борьбу съ Екатериной II, которую считали единственною виновницей ослабленія ихъ отечества. Со множествомъ подручной шляхты, нѣкоторые изъ магнатовъ отправились въ западную Европу возбуждать противъ Россіи тамошнія правительства. Но въ одной только Франціи они имѣли нѣкоторый успѣхъ: польская эмиграція свила въ Парижѣ теплое для себя гнѣздо, существующее, какъ извѣстно, и въ настоящую пору. Графъ Михаилъ Огинскій, напольный гетманъ литовскій, посланный Станиславомъ Понятовскимъ въ качествѣ посланника къ Людовику XV, съ протестомъ противъ намѣренія трехъ сосѣднихъ державъ отнять у Польши значительныя области, — жилъ въ Парижѣ, напрасно вымаливалъ у Шуазёля дѣятельной помощи противъ Екатерины и просилъ о поддержкѣ султана. Какъ офиціальному лицу, королевскому посланнику, Огинскому не приходилось быть въ близкихъ и прямыхъ сношеніяхъ съ противниками своего государя—конфедератами, но въ тайныхъ сношеніяхъ съ ними онъ находился, ради одной цѣли — вреда Россіи. Во главѣ эмигрантовъ былъ князь Радзивилъ, жившій преимущественно въ прирейнскомъ краѣ и пріѣзжавшій иногда въ Парижъ. Съ нимъ то посолъ Станислава Понятовскаго находился въ тайныхъ сношеніяхъ.

Между тѣмъ, на востокѣ Россіи въ 1771 году

возникъ такъ называемый «Яикскій бунтъ». Яикскіе (нынѣ уральскіе) казаки, недовольные нововведеніями въ ихъ внутреннемъ управленіи, возстали открыто, но были усмирены вооруженною силой. Возмущеніе было подавлено, но недовольство казаковъ еще болѣе усилилось. Они представляли самую удобную почву для внутреннихъ замѣшательствъ, которыя могли грозить серіозною опасностью государству. Замѣшательства не замедлили обнаружиться: лѣтомъ 1773 года явился Пугачевъ.

Пугачевскій бунтъ — явленіе доселѣ еще не разъясненное вполнѣ и со всѣхъ сторонъ. Дѣло о Пугачевскомъ бунтѣ, которое не показали Пушкину, до сихъ поръ запечатано, и никто еще изъ изслѣдователей русской исторіи вполнѣ имъ не пользовался[1]). Пугачевскій бунтъ былъ не просто мужицкій бунтъ, и руководителями его были не донской казакъ Зимовейской станицы и его пьяные и кровожадные сообщники. Мы не знаемъ, насколько въ этомъ дѣлѣ принимали участія поляки, но не можемъ и отрицать, чтобъ они были совершенно непричастны этому дѣлу. Въ шайкахъ Пугачева было нѣсколько людей, подвизавшихся до того въ Барской конфедераціи.

Враждебники Россіи и Екатерины, кто бы они ни были, устроивъ дѣла самозванца на востокѣ Россіи, не замедлили поставить и самозванку, которая, по ихъ замысламъ, должна была одновременно съ Пугачевымъ явиться среди русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ турокъ, и возмутить ихъ противъ императрицы Екатерины. Это дѣло—безспорно польское дѣло. Князю Радзивилу, или, вѣрнѣе сказать, его приближеннымъ, ибо у самого «пана коханка» едва ли бы достало на

[1]) Нѣкоторыя части дѣла о Пугачевѣ, по ходатайству графа Перовскаго, были открыты покойному Надеждину.

то смысла, пришла затѣйная мысль: изъ западной Европы выпустить на Екатерину еще самозваннаго претендента на русскій престолъ. Но подъ чьимъ же именемъ выпустить на свѣтъ претендента? Подъ именемъ Петра III уже явился Пугачевъ, и, кромѣ него, въ восточной части Россіи уже прежде того являлось нѣсколько Петровъ. Императора Ивана Антоновича, незадолго передъ тѣмъ убитаго въ Шлиссельбургѣ, выставить было нельзя, ибо всѣмъ было извѣстно, что этотъ несчастный государь, въ одиночномъ съ самаго младенчества заключеніи, сдѣлался совершеннымъ идіотомъ, неспособнымъ ни къ какой дѣятельности; при томъ же исторія покушенія Мировича и гибели Ивана Антоновича была хорошо всѣмъ извѣстна. Оставались дѣти Елизаветы Петровны. Правда, они никогда не были объявлены, но объ ихъ существованіи знали, хотя и не знали, гдѣ они находятся. Таинственность, которою были окружены Таракановы, неизвѣстность объ ихъ участи и мѣстопребываніи не мало способствовали успѣху задумавшихъ выставить на политическую арену новаго претендента на престолъ, занимаемый Екатериной.

По извѣстію, сообщаемому Кастерой [1]), князь Карлъ Радзивилъ, палатинъ виленскій, еще въ 1767 году взялъ на свое попеченіе дочь Елизаветы Петровны, то есть отыскалъ гдѣ то дѣвочку, способную разыграть роль самозванки. Въ самомъ началѣ Барской конфедераціи Радзивилъ удалился за границу. Трудно опредѣлить, кто именно была эта дѣвочка. Одни считали ее дочерью султана, другіе приписывали ей знатное польское происхожденіе, третьи полагали, что родители ея неизвѣстны, но что она должна была въ Петербургѣ выйти замужъ за внука принца Георга Голш-

1) *Histoire de Catherine II*, томъ, II стр. 80.

тинскаго. Впослѣдствіи, когда она была уже привезена въ Петропавловскую крѣпость и фельдмаршаломъ, княземъ Голицынымъ, производилось о ней слѣдствіе, англійскій посланникъ сказывалъ въ Москвѣ Екатеринѣ, что она родомъ изъ Праги, дочь тамошняго трактирщика, а консулъ англійскій въ Ливорно, сэръ Дикъ, помогшій графу Орлову-Чесменскому взять самозванку, увѣрялъ, что она дочь нюренбергскаго булочника. Трудно теперь рѣшить, которое изъ этихъ указаній болѣе справедливо, и согласно ли которое-нибудь изъ нихъ съ истиной, но, принимая въ соображеніе замѣчательное образованіе загадочной женщины, ея ловкость въ политической интригѣ, ея короткое знакомство съ дипломатическими тайнами кабинетовъ, ея умѣнье держать себя не только въ средѣ лицъ высокопоставленныхъ, но даже въ кругу владѣтельныхъ нѣмецкихъ государей, трудно повѣрить, чтобъ она воспитывалась въ трактирѣ или булочной. Нельзя не согласиться съ составителемъ *Записки*, напечатанной въ *Чтеніяхъ*, который говоритъ: «едва ли удастся когда-либо открыть, кто и откуда была самозванка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны». Но кто бы ни была эта загадочная женщина, нѣтъ сомнѣнія, что она была созданіемъ польской партіи, враждебной королю Понятовскому, а тѣмъ болѣе еще императрицѣ Екатеринѣ.

Поляки — большіе мастера подготовлять самозванцевъ; при этомъ они умѣютъ такъ искусно хоронить концы, что ни современники, ни потомство не въ состояніи сказать рѣшительное слово объ ихъ происхожденіи. Болѣе двухъ съ половиной вѣковъ тому назадъ впустили они въ Россію Лжедимитрія и даже не одного, но до сихъ поръ никто изъ историковъ не можетъ съ положительною увѣренностію сказать, кто такой былъ самозванецъ, извѣстный у насъ подъ именемъ Гришки

Отрепьева, и кто былъ преемникъ его, воръ Тушинскій. То же самое и въ дѣлѣ самозванки, дочери Елизаветы Петровны. Но какъ несомнѣнно участіе отцовъ-іезуитовъ въ подготовкѣ Лжедимитрія, такъ вѣроятно и участіе ихъ въ подготовкѣ самозванки, подставленной княземъ Радзивиломъ. Самому Карлу Радзивилу, безъ пособія столь искусныхъ пособниковъ, едва ли бы удалось выдумать *принцессу Владимірскую*. Этотъ человѣкъ, обладавшій несмѣтными богатствами, отличавшійся своими эксцентричными выходками, гордый, тщеславный, идолъ кормившейся вокругъ него шляхты, былъ очень недалекъ. Его ума не хватило бы на подготовку самозванки, если бы не помогли ему люди, болѣе на то искусные. Онъ сыпалъ только деньгами, пока они у него были, и разыгрывалъ въ Венеціи передъ публикой комедіи, обращаясь съ подставною принцессой, какъ съ дѣйствительною дочерью императрицы всероссійской.

Кто бы ни была дѣвушка, выпущенная Радзивиломъ на политическую сцену подъ именемъ дочери Елизаветы Петровны, но, разсматривая всѣ ея дѣйствія, читая переписку ея и показанія, данныя фельдмаршалу, князю Голицыну, въ Петропавловской крѣпости, нельзя не придти къ заключенію, что не сама она вздумала сдѣлаться самозванкой, что она была вовлечена въ обманъ, и сама вѣрила въ загадочное свое происхожденіе. Поляки такъ искусно сумѣли опутать молоденькую дѣвочку сѣтью лжи и обмана, что впослѣдствіи она сама не могла отдать себѣ отчета въ томъ, кто она такая. На краю могилы, желая примириться съ совѣстью, призвавъ духовника, она сказала ему, что о мѣстѣ своего рожденія и о родителяхъ она ничего не знаетъ.

«Я помню только», говорила она въ послѣднемъ своемъ предсмертномъ показаніи князю Голицыну, «что

старая нянька моя, Катерина, увѣряла меня, что о происхожденіи моемъ знаютъ учитель ариѳметики Шмидтъ и маршалъ, лордъ Кейтъ, братъ котораго прежде находился въ русской службѣ и воевалъ противъ турокъ. Этого Кейта я видѣла только однажды, мелькомъ, проѣздомъ черезъ Швейцарію, куда меня въ дѣтствѣ возили на короткое время изъ Киля. Отъ него я получила тогда и паспортъ на обратный путь. Я помню, что Кейтъ держалъ у себя турчанку, присланную ему братомъ изъ Очакова или съ Кавказа. Эта турчанка воспитывала нѣсколько маленькихъ дѣвочекъ, вмѣстѣ съ нею плѣненныхъ, которыя жили при ней еще въ то время, когда, по смерти Кейта, я видѣла ее проѣздомъ черезъ Берлинъ. Хотя я навѣрное знаю, что я не изъ числа этихъ дѣвочекъ, но легко можетъ быть, что я родилась въ Черкесіи». Кромѣ того, она объяснила, что еще въ дѣтствѣ жила въ Килѣ, что изъ тамошнихъ жителей помнитъ какого то барона фонъ-Штерна и его жену, данцигскаго купца Шумана, платившаго въ Килѣ за ея содержаніе и, наконецъ, учившаго ее ариѳметикѣ Шмидта. «Меня постоянно держали въ неизвѣстности о томъ, кто были мои родители», говорила она передъ смертію князю Голицыну, «да и сама я мало заботилась о томъ, чтобъ узнать, чья я дочь, потому что не ожидала отъ того никакой себѣ пользы».

Изъ бумагъ, находившихся при ней въ Ливорно и взятыхъ графомъ Орловымъ-Чесменскимъ, видно, что послѣ Киля жила она въ Берлинѣ, потомъ въ Гентѣ и, наконецъ, въ Лондонѣ; что сначала она извѣстна была подъ именемъ дѣвицы Франкъ, потомъ дѣвицы Шель, потомъ г-жи Тремуйль.

Получивъ, какъ видно, хорошее воспитаніе, она знала языки французскій и нѣмецкій, говорила нѣсколько по-италіански и по-англійски; по-русски и

по-польски не знала. Обладая рѣдкою красотой[1]), она была умна, всегда весела, любезна, кокетлива и владѣла необыкновенною способностью сводить съ ума каждаго мужчину и дѣлать его покорнымъ своимъ поклонникомъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе трехъ-четырехъ лѣтъ ея похожденій по Европѣ, одни, очарованные красотой ея, входятъ изъ угожденія красавицѣ въ неоплатные долги и попадаютъ за то въ тюрьму, другіе, принадлежа къ хорошимъ фамиліямъ, поступаютъ къ ней въ услуженіе, сорокалѣтній князь Римской имперіи хочетъ на ней жениться, вопреки всѣмъ политическимъ разсчетамъ, и хотя узнаетъ объ ея невѣрности, однакоже, намѣревается бросить свои германскія владѣнія и бѣжать съ прекрасною очаровательницей въ Персію. Она любила хорошо пожить, любила роскошь, удовольствія и не отличалась строгостью нравовъ. Увлекая въ свои сѣти и молодыхъ, и пожилыхъ людей, красавица не отвѣчала имъ суровостью; она даже имѣла въ одно время по нѣскольку любовниковъ, которыхъ, повидимому, не очень печалила вѣтренность ихъ подруги.

VII.

Что дѣлала дѣвица Франкъ въ Берлинѣ—неизвѣстно, извѣстно только, что здѣсь случилась съ ней какая то непріятная, скандальная исторія, заставившая ее уѣхать въ Гентъ и даже перемѣнить имя. Въ Гентѣ жила она подъ именемъ дѣвицы Шель и познакомилась съ сыномъ голландскаго купца Вантурсомъ (van Toers). Вантурсъ влюбился въ нее, и дѣвица Шель отвѣчала

[1]) Она косила на одинъ глазъ, но этотъ недостатокъ не уменьшалъ ея замѣчательной красоты.

ему взаимностью. На роскошную жизнь ея не доставало денегъ, получаемыхъ ею изъ таинственнаго источника, отъ имени какого то персидскаго дяди (по всей вѣроятности, это были польскія деньги и шли изъ шкатулки князя Радзивила). Влюбившійся Вантурсъ, пользуясь кредитомъ во многихъ торговыхъ домахъ Гента, набралъ значительныя суммы, а прекрасная подруга его безразсчетно ихъ истратила. Дѣло кончилось тѣмъ, что кредиторы подали векселя на Вантурса ко взысканію, и ему стали грозить банкротство и тюрьма. Бросивъ жену и кредиторовъ, Вантурсъ бѣжалъ съ своею возлюбленной въ Лондонъ. Здѣсь она явилась подъ именемъ г-жи Тремуйль. Это было въ 1771 году. Въ Лондонѣ г-жа Тремуйль жила, по обыкновенію, роскошно, а Вантурсъ долженъ былъ искать новыхъ кредиторовъ, дѣлать новые долги для удовлетворенія безграничныхъ прихотей своей очаровательницы. Пока еще не узнали объ его гентскихъ долгахъ и о побѣгѣ отъ кредиторовъ, лондонскіе капиталисты снабжали его деньгами. Но когда до лондонскаго торговаго круга дошли слухи о поступкѣ Вантурса, ему перестали вѣрить и хотѣли начать противъ него преслѣдованіе. Узнавъ объ этомъ, Вантурсъ немедленно оставилъ Лондонъ и весною 1772 года бѣжалъ въ Парижъ, гдѣ явился подъ вымышленнымъ именемъ барона Эмбса. Положеніе оставленной имъ подруги было крайне непріятно, но она скоро нашла случай утѣшиться. Влюбился въ нее нѣкто, называвшійся барономъ Шенкомъ. Она сблизилась съ нимъ и еще цѣлые три мѣсяца послѣ побѣга Вантурса прожила въ Лондонѣ съ прежнею роскошью на деньги, добываемыя новымъ любовникомъ. Черезъ три мѣсяца и Шенку стали грозить кредиторы, но онъ заблаговременно успѣлъ съ своею подругой уѣхать въ Парижъ.

Въ Парижѣ въ это время, какъ мы уже сказали, жилъ посланникъ польскаго короля, графъ Михаилъ Огинскій, хлопотавшій вокругъ короля Людовика XV о дѣятельной помощи Франціи въ пользу Барскихъ конфедератовъ и о подкрѣпленіи султана, доведеннаго побѣдами Екатерининскихъ полководцевъ до крайности. Тогда же на нѣкоторое время пріѣзжалъ въ столицу Франціи и князь Радзивилъ. Въ то самое время, какъ Огинскій получилъ извѣстіе, что въ Петербургѣ раздѣлъ Польши рѣшенъ, а въ Фокшаны посланъ графъ Григорій Орловъ для веденія съ турками мирныхъ переговоровъ, въ Парижѣ явилась г-жа Тремуйль, сопровождаемая барономъ Шенкомъ. Къ ней присоединился и Вантурсъ, или, какъ теперь называли его, баронъ Эмбсъ. По пріѣздѣ въ Парижъ, г-жа Тремуйль имѣла свиданіе съ Огинскимъ. Что̀ они говорили между собой, не знаемъ, но извѣстно, что женщина, жившая въ разныхъ городахъ Европы подъ разными именами и выдававшая себя то за нѣмку, то за француженку, теперь, въ Парижѣ, стала выдавать себя за русскую и сдѣлались извѣстною подъ именемъ *принцессы Владимірской* (princesse de Volodimir). Но за дочь императрицы Елизаветы Петровны она въ это время себя еще не выдавала. Звали ее обыкновенно Алиною или Али-Эмете и признавали за единственную отрасль знаменитаго происхожденіемъ и богатствами какого то русскаго рода князей Владимірскихъ. Лишившись въ младенчествѣ родителей, которыхъ никогда не знала, она будто бы была воспитана своимъ дядей въ Персіи, и, достигнувъ совершеннолѣтія, пріѣхала въ Европу отыскивать свое наслѣдство, находящееся въ Россіи. Ея персидскій дядя обладаетъ несмѣтными сокровищами, и эти сокровища къ ней же должны перейти по наслѣдству. Такъ разсказывала про себя принцесса въ Парижѣ. Нелѣпость этой сказки, имѣющей слѣды польскаго происхо-

жденія, была бы очевидна для всякаго русскаго, знающаго, что никакихъ князей Владимірскихъ съ XIV столѣтія не бывало, но во Франціи, гдѣ объ Россіи, ея исторіи и внутренней жизни знали не больше, какъ и о какомъ-нибудь персидскомъ или другомъ азіатскомъ государствѣ, слухи о Владимірской принцессѣ не могли казаться нелѣпыми, особенно если ихъ поддерживали, если не самъ польскій посланникъ, графъ Михаилъ Огинскій, то такія польскія знаменитости, какъ, напримѣръ, княгиня Сангушко. Кому же, по мнѣнію парижскаго общества, какъ не ближайшимъ сосѣдямъ Россіи, полякамъ, лучше и знать о тамошнихъ обстоятельствахъ?

VIII.

Беззаботно и весело, утопая въ блескѣ и роскоши, Али-Эмете провела въ Парижѣ зиму 1772 года. Присылались ли къ ней въ это время мнимо-персидскія деньги, не знаемъ, но, въ надеждѣ на азіатскія ея сокровища, парижскіе капиталисты ввѣрили ей значительныя суммы. Самыми ближними къ ней людьми были въ это время бароны Шенкъ и Эмбсъ; черезъ нихъ то она и доставала деньги; они занимали ихъ, или на свое имя, или за своимъ поручительствомъ. Эти бароны познакомились съ богатымъ купцомъ Понсе и еще съ какимъ то Макке, которые и доставляли имъ деньги на житье въ Парижѣ принцессы Владимірской. Она жила открыто, пользовалась всѣми удовольствіями Парижа, свела знакомства съ разными лицами тамошняго высшаго общества и заставила о себѣ говорить, чего, какъ извѣстно, не легко достигнуть въ столицѣ роскоши и моды. Въ числѣ новыхъ знакомыхъ принцессы Алины былъ нѣкто маркизъ де-Маринъ, типъ стараго развратника, столь обыкновенный при дворѣ Людовика XV. Онъ до того былъ очарованъ прелестями и

быстрымъ, увлекательнымъ умомъ Алины, что пожертвовалъ для нея и своими связями, и состояніемъ, и положеніемъ при Версальскомъ дворѣ и въ обществѣ. Онъ сдѣлался такимъ покорнымъ рабомъ ея, что не задумавшись покинулъ Францію, чтобы въ ничтожномъ нѣмецкомъ городишкѣ исправлять должность ея интенданта. Трудно повѣрить, чтобы де-Маринъ не искренно вѣрилъ въ дѣйствительность происхожденія этой женщины отъ Владимірскихъ государей и въ существованіе персидскихъ ея богатствъ, иначе врядъ ли онъ дошелъ бы до такого униженія. Правда, Алина отвѣчала на любовь стараго селадона, но ему ли, имѣвшему столь много успѣховъ у дамъ высшаго француз скаго общества, можно было жертвовать всѣмъ своимъ положеніемъ ради прелести какой то искательницы приключеній, еслибъ онъ зналъ, что она происходитъ не изъ московитскаго рода Владимірскихъ князей, а изъ пражскаго трактира или нюренбергской булочной? И не одинъ де-Маринъ былъ въ такомъ положеніи. Принадлежавшій къ одной изъ знаменитѣйшихъ фамилій Франціи, графъ Рошфоръ де-Валькуръ, гофмаршалъ владѣтельнаго князя Лимбурга (изъ фамиліи Линанжъ), находившійся тогда въ Парижѣ по дѣламъ своего государя, познакомившись съ Алиной, до того прельстился ею, что просилъ руки ея. Алина приняла предложеніе графа; бракъ былъ назначенъ въ Германіи тотчасъ по полученіи женихомъ согласія отъ своего государя, но, чтобы не томить жениха долгимъ ожиданіемъ, прекрасная принцесса вступила съ нимъ въ супружескія отношенія. Наконецъ, самъ графъ Михаилъ Огинскій не могъ устоять предъ красотою очаровательной принцессы, она и его запутала въ свои сѣти [1]).

[1]) Въ маѣ 1774 года, когда графъ Огинскій уже разстался съ своею очаровательницей, онъ писалъ къ ней письмо, изъ котораго можно заключать о свойствѣ ихъ отношеній въ Парижѣ. «Quoiqu'à peine je

Такимъ образомъ, въ веселомъ обществѣ пяти любовниковъ, и въ томъ числѣ одного жениха, Алина Владимірская проводила дни свои въ Парижѣ. Мотовству ея не было границъ, а персидскій дядя денегъ не присылалъ. Въ началѣ 1773 года средства красавицы истощились, Вантурсъ, или баронъ Эмбсъ, попалъ въ тюрьму за долги, барону Шенку грозила такая же участь отъ кредиторовъ. Алина попросила взаймы у Огинскаго, но оффиціальное положеніе его, какъ польскаго посланника при французскомъ королѣ, не дозволило ему исполнить желаніе обворожившей его женщины. Онъ, подъ разными предлогами, отказалъ ей. Ничего больше не оставалось Алинѣ, какъ еще разъ, въ четвертый разъ, бѣжать отъ заимодавцевъ.

Де-Маринъ поручился за мнимаго барона Эмбса, и Вантурсъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы. Вмѣстѣ съ нимъ, съ де-Мариномъ и съ барономъ Шенкомъ, принцесса переѣхала въ одну изъ деревень въ окрестностяхъ Парижа. Странный переѣздъ на дачу еще до наступленія весны, кажется, не обратилъ на себя ничьего особеннаго вниманія, но парижскіе кредиторы не мало были изумлены, когда узнали, что прекрасная Алина съ своими друзьями внезапно скрылась изъ окрестностей Парижа и очутилась во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Неожиданный отъѣздъ ея поразилъ и Огинскаго, хотя она и увѣряла его, что

puis me remuer encore, j'aurais pourtant fait l'impossible pour vous voir, sans l'accident nouveau de la maladie du roi (французскаго), *il m'aurait été bien doux de vous embrasser*. Combien de fois ne se dit-on pas par jour, qu'on ne fait jamais ce que l'on désire avec le plus grand empressement; il suffit de désirer quelque bien avec ardeur, pour qu'il n'arrive pas». Многочисленныя записки Огинскаго къ самозванкѣ, говоритъ составитель *Записки*, напечатанной въ *Чтеніяхъ*, исполнены любезности и живого участія, и даже не лишены нѣкотораго довѣрія къ ея разсказамъ о баснословномъ богатствѣ персидскаго дяди.

важныя дѣла требуютъ немедленнаго отъѣзда ея въ Германію [1]).

Франкфуртъ встрѣтилъ принцессу Владимірскую не совсѣмъ гостепріимно. Парижскіе кредиторы не дремали. Какъ скоро Алина съ друзьями своими поселилась въ одной изъ тамошнихъ гостиницъ, заимодавецъ Макке явился тамъ же. Онъ представилъ франкфуртскому магистрату долговыя обязательства барона Эмбса, и Вантурсъ опять попалъ въ тюрьму, при чемъ даже было употреблено насиліе. Вслѣдъ за тѣмъ, по жалобѣ другого кредитора Понсе, франкфуртскій магистратъ хотѣлъ арестовать и де-Марина. Хозяинъ гостницы, въ которой остановилась принцесса съ своими спутниками, во избѣжаніе дальнѣйшихъ скандаловъ, выгналъ изъ дому пріѣзжихъ. Алина требовала отъ магистрата удовлетворенія, грозила вмѣшательствомъ въ это дѣло Россіи и показывала черновыя письма свои къ русскимъ посланникамъ при Вѣнскомъ и Берлинскомъ дворахъ. Но магистратъ не испугался. Вантурсъ остался въ тюрьмѣ, и положеніе принцессы Владимірской сдѣлалось крайне затруднительнымъ; на счастье ея, во Франкфуртъ пріѣхалъ въ это время владѣтельный князь Лимбургскій, въ сопровожденіи жениха ея, графа Рошфоръ-де-Валькура.

Филиппъ Фердинандъ, владѣтельный графъ Лимбургскій, Стирумскій, Оберштейнскій и пр., князь священной Римской имперіи, претендентъ на герцогство Шлезвигъ-Голштейнское, незадолго передъ тѣмъ

[1]) На прощаньи Алина выпросила у литовскаго напольнаго гетмана, имѣвшаго право производить въ офицерскіе чины служившихъ въ литовскомъ войскѣ, бланковый патентъ на капитанскій чинъ, не говоря, кому она его предназначаетъ. Алина вписала въ патентъ имя барона Эмбса, и съ этого времени Вантурсъ, гентскій бѣглецъ, не имѣвшій дотолѣ паспорта и никакого удостовѣренія въ подлинности принятаго имъ на себя званія, сдѣлался литовскимъ капитаномъ, барономъ *Эмбсомъ*.

наслѣдовалъ престолъ по смерти старшаго брата. Онъ былъ уже пожилой холостякъ — 42 лѣтъ отъ роду. Человѣкъ былъ образованный, какъ и подобало имперскому князю, но до крайности слабодушный. Былъ страстный поклонникъ женской красоты и легко отдавался подъ безграничное вліяніе любимой особы. Жилъ князь Лимбургъ, какъ и всѣ мелкіе имперскіе князья того времени: имѣлъ свой дворъ съ гофмаршаломъ, гофмейстеромъ, камергерами, егермейстерами и прочими придворными чинами, имѣлъ свое миніатюрное войско, держалъ своихъ повѣренныхъ при Вѣнскомъ и Версальскомъ дворахъ съ громкимъ названіемъ «посланниковъ», имѣлъ свои ордена, которые раздавалъ щедро, ибо пошлины за пожалованье ими составляли не послѣднюю статью въ бюджетѣ его доходовъ, билъ свою монету, словомъ, пользовался всѣми правами и преимуществами коронованныхъ особъ. Въ описываемое время, князь Лимбургъ велъ тяжбу съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II за нарушеніе послѣднимъ какихъ то державныхъ правъ его, велъ переговоры съ курфирстомъ Трирскимъ о выкупѣ правъ на Оберштейнское графство, находившееся у нихъ въ совмѣстномъ владѣніи, и объявилъ себя соперникомъ великаго князя Павла Петровича, оспаривая наслѣдственныя права его на Голштейнъ. Хотя эти владѣнія и не принадлежали князю Лимбургу, тѣмъ не менѣе онъ титуловался герцогомъ Шлезвигъ-Голштейнскимъ или княземъ Голштейнъ-Лимбургъ.

Съ своимъ гофмаршаломъ, графомъ Рошфоръ де-Валькуромъ, прибылъ этотъ имперскій князь во Франкфуртъ, гдѣ у него велась тяжба съ курфирстомъ бранденбургскимъ, Фридрихомъ II. Графъ Рошфоръ, узнавъ, что невѣста его во Франкфуртѣ, немедленно отыскалъ ее и напомнилъ о данномъ словѣ. Прекрасная Алина обрадовалась жениху, явившемуся какъ

нельзя болѣе кстати, и рѣшилась отдать ему руку хоть сейчасъ же. Счастливый графъ просилъ у своего государя дозволенія вступить въ бракъ съ принцессой Владимірской и помѣстить ее въ одномъ изъ замковъ князя, чтобъ укрыть отъ преслѣдованія заимодавцевъ, не дававшихъ ей покоя. При этомъ графъ Рошфоръ разсказалъ о странной судьбѣ своей невѣсты, объ ея персидскомъ дядѣ и о грамадныхъ сокровищахъ, принадлежащихъ ей въ Азіи. Все это чрезвычайно заинтересовало князя Лимбурга, и онъ не только разрѣшилъ своему гофмаршалу жениться на ней, но даже просилъ представить его принцессѣ. Съ восторгомъ приняла Алина желаніе имперскаго князя и съ перваго же свиданія до того успѣла обворожить его красотой, умомъ и кокетливою любезностью, что Лимбургъ тутъ же предложилъ устроить денежныя дѣла ея во Франкфуртѣ. Несмотря на предостереженія банкира Алленца, не совѣтовавшаго князю бросать деньги на вѣтеръ, онъ немедленно снабдилъ прекрасную принцессу значительною суммой денегъ на уплату франкфуркихъ долговъ и предложилъ скорѣй переселиться въ его владѣнія, гдѣ она будетъ совершенно безопасна отъ всевозможныхъ непріятностей и проживетъ въ довольствѣ и роскоши столько времени, сколько ей самой будетъ угодно. Алина не заставила долго просить себя и тотчасъ же приняла любезное предложеніе по уши влюбившагося въ нее князя Лимбурга. Угодливостямъ его не было конца: тотчасъ же написалъ онъ посланнику своему въ Парижѣ, де-Буру, чтобы тотъ уладилъ какъ-нибудь дѣла принцессы съ кредиторами. Де-Буръ уговорилъ Понсе на отсрочку уплаты денегъ, а другому кредитору, Макке, князь пожаловалъ орденъ, за что тотъ и согласился на отсрочку. Алина совершенно завлекла въ свои сѣти простодушнаго князя Лимбургскаго. Во Франкфуртѣ онъ сдѣлался ежедневнымъ ея

гостемъ, выѣзжалъ только съ нею и былъ почти отъ нея неотлученъ. Графу Рошфору, конечно, не нравилось, что его повелитель отбиваетъ у него невѣсту, онъ сталъ немножко ревновать, но Алина перемѣнила свое обхожденіе съ нимъ, сдѣлалась холодна, показывала жениху видимое равнодушіе и въ началѣ іюня 1773 года уѣхала съ княземъ Филиппомъ въ принадлежавшій ему замокъ Нейсесъ, находившійся во Франконіи. Доро́гой она отдалась ему. Графъ Рошфоръ де-Валькуръ не хотѣлъ, кажется, уступать своихъ правъ на очаровательную принцессу, но, спустя нѣсколько дней по прибытіи любящейся четы въ Нейсесъ, былъ заключенъ своимъ соперникомъ въ тюрьму, какъ государственный преступникъ, и содержался въ ней нѣсколько мѣсяцевъ, до тѣхъ поръ, пока Алина не оставила и князя Лимбурга, и Германію.

IX.

Въ Нейсесѣ Алина начала прежнюю роскошную и блестящую жизнь, которую, къ крайней досадѣ, принуждена была оставить во Франкфуртѣ. Всѣ доходы влюбленнаго князя были къ ея услугамъ. Здѣсь она стала называться султаншей—la sultane Aline, а также Элеонорой. Это обстоятельство послужило, вѣроятно, поводомъ къ возникшимъ впослѣдствіи толкамъ о томъ, будто бы она дочь турецкаго султана. Звали ее также «принцессой Азовской». Въ это время она учредила даже свой орденъ азіатскаго креста, можетъ быть, съ цѣлію также имѣть посредствомъ раздачи его новую статью дохода, какъ и пламенный ея обожатель [1])

[1]) Въ 1858 году, по случаю извѣстнаго дѣла о торговлѣ орденами, въ Парижѣ были между прочимъ конфискованы дипломы на орденъ азіатскаго креста. Онъ назывался «La croix de l'ordre Asiatique,

Алина въ Нейсесѣ устроила и свой дворъ. Одного изъ бывшихъ своихъ любовниковъ, де-Марина, назначила интендантомъ этого двора, выжидая перваго благопріятнаго случая, чтобы совсѣмъ удалить его изъ владѣній новаго своего обожателя. Другого покинутаго друга, барона Шенка, Алина назначила своимъ повѣреннымъ во Франкфуртѣ, а Вантурса не позаботилась выручить изъ франкфуртской тюрьмы. Отдаливъ такимъ образомъ отъ себя прежнихъ фаворитовъ, принцесса или султанша поставила себя въ такое положеніе, что обвороженному ея прелестями князю Лимбургу, на первое, по крайней мѣрѣ, время, вовсе были неизвѣстны похожденія ея въ Гентѣ, Лондонѣ и Парижѣ, и ничто не могло навести его на мысль, что обворожительная султанша, несмотря на свою молодость, уже нѣсколько разъ переходила изъ объятій одного обожателя въ объятія другого.

Въ Нейсесѣ влюбленный князь съ очаровательною султаншей прожили около мѣсяца, предаваясь удовольствіямъ взаимной пламенной любви. Время летѣло незамѣтно для уединившихся беззаботныхъ любовниковъ. Шутя называли они себя Телемакомъ и нимфою Калипсо, хотя имя юнаго сына Улиссова и не совсѣмъ шло сорокадвухлѣтнему князю Лимбургу. Не доставало въ Нейсесѣ Ментора, но и онъ не замедлилъ явиться, если не въ лицѣ богини Минервы, то въ лицѣ барона фонъ-Горнштейна, служившаго конференцъ-министромъ у Трирскаго курфирста. Горнштейнъ пріѣхалъ въ Нейсесъ по приглашенію князя, находившагося съ нимъ въ самыхъ короткихъ, дружескихъ

fondé par la Sultane Aline». Тогда же были конфискованы дипломы и на ордена князя Лимбургскаго: орденъ Голштейнъ-Лимбургскаго Льва и соедененные ордена четырехъ императоровъ и древняго дворянства. *Indépendance belge*, 1858. octobre 9.

отношеніяхъ. Алина была такъ прелестна, такъ привлекательна, что не было мужчины, который бы, узнавъ ее, не влюбился и не сдѣлался ея поклонникомъ. Фонъ-Горнштейнъ не избѣгъ этой участи. Съ перваго же свиданія съ Алиной онъ былъ совершенно очарованъ ею и, кажется, хотѣлъ сдѣлаться соперникомъ своего друга, по крайней мѣрѣ, сталъ дѣлать ей подарки, присылать ноты, но Алина, имѣя уже особые виды на ослѣпленнаго ею князя Лимбурга, была съ Горнштейномъ любезна, кокетничала съ нимъ, но не допускала его до болѣе интимныхъ отношеній. По обязанностямъ службы, Горнштейнъ не могъ долго оставаться въ Нейсесѣ, и влюбленный Менторъ съ тревогой въ душѣ принужденъ былъ покинуть очаровательную Калипсо; но потомъ нерѣдко оставлялъ резиденцію курфирста, Кобленцъ, чтобы хоть нѣсколько часовъ провести въ обществѣ очаровательницы.

Горнштейнъ былъ увѣренъ въ дѣйствительности персидскихъ сокровищъ Алины. Да и какъ было не повѣрить, когда она въ самомъ дѣлѣ получала откуда то деньги, шедшія, по всей вѣроятности, отъ Радзивила, жившаго въ то время въ Страсбургѣ и, конечно, наблюдавшаго за дѣйствіями Алины, выжидая время, когда нужно будетъ выпустить ее на политическую сцену. Получая деньги отъ мнимаго персидскаго дяди, Алина имѣла большой кредитъ, и, живя въ Нейсесѣ, достала значительную сумму, которую предложила своему гостепріимному хозяину на пріобрѣтеніе у трирскаго курфирста правъ на графство Оберштейнъ и на выкупъ заложеннаго графства Стирумъ. Выкупъ курфирстскихъ правъ на Оберштейнъ на счетъ Алины казался дѣломъ весьма выгоднымъ, какъ для князя Лимбургскаго, такъ и для самого курфирста, и Горнштейнъ горячо принялся за это дѣло, а Алина дѣятельно слѣдила за нимъ, разсчитывая, что влюбленный князь, вы-

купивъ Оберштейнъ, подаритъ это владѣніе ей, что и случилось впослѣдствіи. Для увеличенія денежныхъ средствъ, ибо денегъ, занятыхъ Алиною было недостаточно на выкупъ оберштейнскихъ правъ и Стирума, и для продолженія роскошной жизни милой принцессы, мотовство которой не имѣло границъ, князь Лимбургъ вздумалъ, быть можетъ, по ея же внушенію, продать принадлежавшіе ему лены въ Лотарингіи французской коронѣ. Де-Буръ велъ объ этомъ переговоры въ Парижѣ, а для помощи ему Алина послала туда же своего интенданта де-Марина, и такимъ образомъ отдѣлалась отъ присутствія и послѣдняго, остававшагося еще у ней на глазахъ прежняго обожателя.

По дѣлу о выкупѣ правъ на Оберштейнъ, князь сталъ нерѣдко ѣздить въ Кобленцъ для переговоровъ съ курфирстомъ. Эти отлучки изъ Нейсеса не очень нравились Алинѣ; она боялась, что очарованный князь охладѣетъ къ ней, если часто будетъ покидать ее. Чтобы привязать его къ себѣ покрѣпче, она разыграла съ нимъ слѣдующую сцену. Однажды, возвратясь изъ Кобленца, князь Лимбургъ нашелъ свою возлюбленную грустною и чѣмъ то крайне озабоченною. Неохотно отвѣчая на его ласки, она объявила со слезами, что настало время ихъ разлуки. Князь былъ сильно пораженъ этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ и спросилъ о причинѣ. «Я получила отъ дяди письмо, онъ требуетъ возвращенія моего въ Персію» Лимбургъ сталъ было уговаривать ее остаться, но она рѣшительно отвѣчала, что должна ѣхать. «Я не могу долѣе оставаться въ неопредѣленномъ положеніи, я должна ѣхать,—говорила она.—Въ Персіи я пристроюсь, тамъ ждетъ меня женихъ»

Князь Лимбургъ съ ума сходилъ, пораженный извѣстіемъ о внезапной разлукѣ съ милою женщиной, которую любилъ искренно. Никакія убѣжденія его,

однако, не могли поколебать рѣшимости Алины. Она просила барона фонъ-Горнштейна достать ей какъ можно скорѣе денегъ на поѣздку, обѣщая, какъ эти деньги, такъ и нужныя на уплату ея долговъ, выслать немедленно по прибытіи въ Персію. Пока Горнштейнъ искалъ денегъ, Алина сообщила князю Лимбергу еще одну новость: онъ будетъ отцомъ, она беременна. Тогда князь предложилъ ей свою руку, считая это своею обязанностью, дѣломъ чести. Этого только и ждала Алина, но, какъ ловкая женщина и опытная кокетка, не тотчасъ склонилась на сдѣланное предложеніе, какъ ни хотѣлось ей сдѣлаться владѣтельною княгиней священной Римской имперіей и герцогиней Голштейнъ-Лимбургскою. Поблагодаривъ своего любезнаго, она скромно объявила, что при всей безпредѣльной любви къ нему она не можетъ сдѣлаться его женой, потому что политическія дѣла не дозволяютъ ей мѣшкать въ Европѣ. Отказъ еще болѣе воспламенилъ влюбленнаго князя; онъ сказалъ ей, что не можетъ разстаться съ ней, и готовъ пожертвовать всѣмъ, чтобы только быть мужемъ милой Алины. «Я откажусь отъ престола въ пользу младшаго брата,—говорилъ онъ,—покину хоть навсегда Европу, и въ Персіи найду свое счастіе въ твоихъ объятіяхъ». Алина согласилась. Это было въ іюлѣ 1773 года.

Баронъ фонъ-Горнштейнъ, хотя и былъ не прочь отъ брака своего друга съ прекраснѣйшею женщиной въ мірѣ, но, какъ и слѣдовало ему въ качествѣ Ментора, совѣтовалъ ему, прежде чѣмъ онъ сдѣлаетъ рѣшительный шагъ, удостовѣриться въ происхожденіи Алины. Для этого нужно было взглянуть на документы объ ея рожденіи. Къ этому, какъ ревностный католикъ, баронъ фонъ-Горнштейнъ прибавилъ, что супругой католическаго германскаго государя необходимо должна быть католичка, и потому Алина должна

оставить свою греческую схизму. Алина выдавала себя за православную, хотя, по собственнымъ словамъ ея, никогда не пріобщалась ни въ какой церкви.

До нея дошли слухи о совѣтахъ Горнштейна, и 7-го августа 1773 года она написала къ нему письмо изъ Стирума, куда теперь переселилась изъ замка Нейсеса. Прося совѣтовъ у Ментора, какъ ей дѣйствовать въ ея странномъ положеніи, она, между прочимъ, писала слѣдующее: «Вы говорите, что меня принимаютъ за государыню Азова (princesse d'Azof); я не государыня, а только владѣтельница Азова (dame d'Azof). Императрица тамъ государыня. Черезъ нѣсколько недѣль вы прочтете въ газетахъ, что я единственная наслѣдница дома Владимірскаго (maison de Volodimir) и въ настоящее время безъ затрудненій могу вступить во владѣніе наслѣдствомъ послѣ покойнаго отца моего. Владѣнія его были подвергнуты секвестру въ 1749, и, находясь подъ нимъ двадцать лѣтъ, освобождены отъ 1769 году. Я родилась за четыре года до этого секвестра; въ это печальное время умеръ отецъ мой. Четырехлѣтнимъ ребенкомъ взялъ меня на свое попеченіе дядя мой, живущій въ Персіи, откуда я воротилась въ Европу 16-го ноября 1768 года». Это было первое, извѣстное до сихъ поръ по документамъ показаніе загадочной женщины объ ея личности. Замѣчательно, что она не называетъ въ этомъ письмѣ ни отца своего, ни матери и признаетъ себя подданною русской императрицы. Разсказывать сказку о происхожденіи отъ императрицы Елизаветы было еще преждевременно по разсчетамъ польской партіи. Замѣчательно и то, что на этотъ разъ Алина говоритъ, что родилась въ годъ рожденія настоящей княжны Таракановой (какъ значится въ надгробной ея надписи). Поэтому выходитъ, что въ 1773 году, когда она была у князя Лимбурга, ей было 28 лѣтъ.

Впослѣдствіи, какъ увидимъ, она убавляла себѣ года.

Горнштейнъ повѣрилъ словамъ Алины, и съ этого времени сталъ адресовать ей письма такъ: «ея высочеству, свѣтлѣйшей принцессѣ Елизаветѣ Владимірской» (A son Altesse Serenissime, madame la Princesse Elisabeth de Volodimir).

Вѣсть о предстоящей женитьбѣ князя Лимбурга на принцессѣ Владимірской вскорѣ разнеслась, и, достигнувъ до Парижа, имѣла благопріятныя для невѣсты послѣдствія. Тамошніе кредиторы хотѣли было преслѣдовать за долги уже самоё Алину, но де-Буръ и де-Маринъ сообщили имъ, что она выходитъ замужъ за владѣтельнаго имперскаго князя, обѣщали имъ лимбургскіе ордена, и кредиторы успокоились. Алина сказала теперь своему жениху, что она получила новое письмо отъ персидскаго дяди, въ которомъ онъ дозволилъ ей остаться въ Европѣ на неопредѣленное время.

X.

Между тѣмъ, князь Лимбургъ уѣхалъ въ Оберштейнъ. Дѣло о выкупѣ курфирстовыхъ правъ на это графство такъ подвинулось, что князь могъ явиться туда уже въ качествѣ единственнаго владѣльца. Въ это время принцесса Владимірская начала переписку съ графомъ Огинскимъ, все еще жившимъ въ Парижѣ. Она составила проектъ лотереи и просила его содѣйствія для распространенія билетовъ между французскими банками, но Огинскій, какъ офиціальный посланникъ польскаго короля, долженъ былъ отказаться отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ (28-го августа 1773); затѣмъ принцесса писала ему о дѣлахъ Польши, отправила къ нему составленную ею записку по поль-

скимъ дѣламъ для доставленія ея Версальскому кабинету. Къ сожалѣнію, эта переписка, которая во многомъ могла бы разъяснить темное, загадочное дѣло самозванки, — намъ неизвѣстна, хотя, какъ видно изъ сообщенныхъ графомъ В. Н. Панинымъ въ Московское Общество Исторіи и Древностей свѣдѣній, она сохранилась при дѣлѣ. Князь Лимбургъ зналъ о перепискѣ своей невѣсты съ Огинскимъ, не зная ея содержанія. Ему пришло въ голову, что эта переписка любовнаго свойства; быть можетъ, въ это время уже дошло до его свѣдѣнія о парижскихъ отношеніяхъ Алины къ польскому посланнику. Князь сталъ ревновать ее, а она старалась усиливать это чувство, чтобъ заставить Лимбурга поскорѣе жениться. Но въ Оберштейнѣ князь узналъ многое изъ прежнихъ похожденій своей подруги, какъ жила она подъ разными именами въ Берлинѣ, Гентѣ и Лондонѣ и какъ участвовала въ обманахъ своихъ пріятелей, выманивавшихъ у разныхъ лицъ деньги. Онъ сталъ догадываться и о любовныхъ отношеніяхъ ея къ Шенку и къ другимъ. Алина писала въ свою очередь князю Лимбургу о дошедшихъ до нея слухахъ, что его хотятъ женить на другой, увѣряла, что ей также сдѣлано блестящее предложеніе, и что поэтому она освобождаетъ его отъ даннаго слова, и предлагаетъ разойтись, тѣмъ болѣе, что нельзя же ей выходить замужъ до признанія правъ ея русскимъ правительствомъ и полученія документовъ о ея рожденіи, а этого нельзя получить раньше окончанія все еще продолжавшейся войны Россіи съ Турціей. Въ другомъ письмѣ она писала, что рѣшилась окончательно уволить изъ службы своей и Шенка, и де-Марина, и предоставить все имущество свое въ распоряженіе князя. Для этого она приложила вексель на довольно значительную сумму, который долженъ быть оставаться у князя въ видѣ залога, до тѣхъ

поръ, пока обѣщаніе о передачѣ имѣнія не будетъ ею приведено въ исполненіе. Она приложила еще черновое письмо къ русскому вице-канцлеру, завѣдывавшему тогда иностранными дѣлами князю Александру Михайловичу Голицыну, котораго называла своимъ опекуномъ. Въ этомъ письмѣ она сообщала мнимому опекуну о любви своей къ князю Лимбургу и о намѣреніи вступить съ нимъ въ бракъ, изъявляла сожалѣніе, что тайна, покрывающая доселѣ ея происхожденіе, подаетъ поводъ ко многимъ про нее разсказамъ, и что сдѣланные ею незначительные долги преувеличены, съ цѣлію имѣть возможность поскорѣе воспользоваться ея сокровищами. Въ заключеніе письма, она увѣряла князя Голицына въ неизмѣнности своихъ чувствъ, благодарности и привязанности къ императрицѣ Екатеринѣ II и въ постоянномъ своемъ рвеніи о благѣ Россіи. При письмѣ приложенъ былъ проектъ о сосредоточеніи всей азіатской торговли на Кавказѣ. Алина писала, наконецъ, Голицыну, что она готова сама пріѣхать въ Петербургъ для разъясненія этого проекта, если бы въ томъ настала надобность.

Подлиннаго письма къ князю Голицыну посылаемо, конечно, не было, но черновое нужно было послать къ князю Лимбургскому, чтобъ увѣрить Горнштейна и другихъ его совѣтниковъ въ дѣйствительности происхожденія Алины отъ Владимірскаго княжескаго дома. Горнштейнъ на первый разъ повѣрилъ всему написанному Алиной, но, какъ человѣкъ осторожный, навелъ справки. Чрезъ нѣсколько времени онъ увѣдомилъ своего друга, что весь разсказъ о русскомъ опекунѣ Алины, князѣ Голицынѣ—чистая ложь. Самъ князь не вполнѣ, кажется, вѣрилъ разсказамъ своей возлюбленной. Въ отвѣтныхъ письмахъ онъ то увѣрялъ ее въ пламенной любви, то, сомнѣваясь въ ея разказахъ и напоминая прежнія скандальныя ея похожденія, отка-

зывался отъ ея руки, то грозилъ поступить въ монахи, если она покинетъ его, то умолялъ ее откровенно разсказать ему всю истину, за что онъ проститъ ей все прошедшеее, то просилъ скорѣе выслать ему метрическое свидѣтельство, увѣряя, что связь ихъ лежитъ тяжелымъ камнемъ на его совѣсти, а бракъ можетъ сдѣлать его совершенно счастливымъ, но этотъ бракъ долженъ быть совершенъ не иначе, какъ по обряду римской церкви, къ которой и сама она должна присоединиться. Наконецъ, князь Лимбургъ просилъ Алину умѣрить мотовство, которое довело его до крайности, и совѣтовалъ подумать объ обезпеченіи будущихъ дѣтей ихъ.

Обстоятельства князя въ это время (осенью 1773 года), находились въ неблистательномъ положеніи: въ Стирумъ пріѣхалъ императорскій фискалъ для наложенія на это графство запрещенія за долги, и хотя Горнштейнъ успѣлъ уладить это дѣло, но финансовыя обстоятельства друга его все болѣе и болѣе запутывались. Несмотря на свою безхарактерность и на совершенное подчиненіе волѣ прелестной Алины, князь Лимбургъ, узнавъ во Франкфуртѣ отъ банкира Алленца о прежнемъ предосудительномъ поведеніи своей подруги, написалъ къ ней рѣзкое письмо, въ которомъ объявилъ, что онъ долженъ съ ней разстаться. Алина немедленно отвѣчала ему. Не отрицая справедливости дошедшихъ до князя слуховъ, она напоминала ему о своей беременности, и слабодушный князь снова поклялся жениться на ней и вездѣ говорилъ о твердой рѣшимости обвѣнчаться съ прелестною Алиной. Узнавъ это, Горнштейнъ сообщилъ князю справки о мнимомъ ея опекунѣ, князѣ Голицынѣ. Тогда Алина вдругъ собралась ѣхать въ Петербургъ, куда будто бы призывали ее важныя дѣла, и стала искать денегъ на поѣздку. Предположенной ею поѣздкѣ, повидимому, всѣ

окружавшіе вѣрили, даже самъ Горнштейнъ, снабдившій ее деньгами. Чтобы не разлучаться съ своею любезной, князь Лимбургъ самъ навелъ ее на новый обманъ: чтобъ увѣрить Горнштейна въ дѣйствительности происхожденія ея отъ князей Владимірскихъ, онъ посовѣтовалъ ей выдать за своего опекуна одного русскаго князя, жившаго тогда въ Спа. Она такъ и сдѣлала. Обманъ удался вполнѣ. Кто такой былъ этотъ русскій князь—неизвѣстно, но впослѣдствіи графъ Орловъ-Чесменскій, когда уже взялъ самозванку, писалъ императрицѣ, что она находилась въ сношеніяхъ съ однимъ знатнымъ русскимъ путешественникомъ, намекая на Ивана Ивановича Шувалова.

XI.

Выкупленное съ помощію принцессы Владимірской графство Оберштейнъ князь Лимбургскій подарилъ своей невѣстѣ. Хотя формальнаго акта на эту передачу, сколько намъ извѣстно, не сохранилось, но единогласныя удостовѣренія разныхъ лицъ о дѣйствительности этого подарка не оставляютъ сомнѣнія, что князь въ самомъ дѣлѣ передалъ это владѣніе своей очаровательницѣ. Она переселилась въ доставшееся ей такимъ образомъ графство въ октябрѣ 1773 года.

Здѣсь она измѣнилась во многомъ. Съ того времени, какъ она сдѣлалась въ Оберштейнѣ полною хозяйкой, князь, бывшій въ Аугсбургѣ, и Горнштейнъ стали получать отъ разныхъ лицъ жалобы на самовластіе новой владѣтельницы, а болѣе всего удивляло ихъ, особенно же ревностнаго католика Горнштейна, что, несмотря на увѣренія ея, будто занимается изученіемъ католической вѣры, она стала ходить въ протестантскую церковь. Затѣмъ, отдаливъ отъ себя

прежнюю прислугу, Алина приняла къ себѣ на службу новыхъ лицъ и въ томъ числѣ дочь прусскаго капитана, Франциску фонъ-Мешеде, которая была при ней безотлучно до самаго конца ея приключеній и вмѣстѣ съ нею попала въ Петропавловскую крѣпость. Наконецъ, удаливъ де-Марина и всѣхъ прежнихъ друзей, принцесса стала заботиться и объ удаленіи самого князя Лимбургскаго. Они поссорились, но Горнштейнъ умѣлъ помирить ихъ; несмотря на то, Алина стала холоднѣе къ жениху, а чрезъ нѣсколько времени, кажется, и вовсе не помышляла о свадьбѣ. Что то она затѣвала, но князь не могъ проникнуть ея замысловъ; она только сказала ему, что вмѣстѣ съ Огинскимъ предпринимаетъ блестящее и необыкновенно выгодное дѣло, и просила сто тысячъ гульденовъ для начатія его.

Осенью 1773 года въ Оберштейнъ сталъ являться молодой человѣкъ, пріѣзжавшій изъ Мосбаха, и проводить по нѣскольку часовъ съ владѣтельницей зáмка наединѣ. Онъ былъ извѣстенъ оберштейнской прислугѣ подъ именемъ «Мосбахскаго незнакомца». Полагали, что это новый любовникъ, и, кажется, на этотъ разъ не ошибались. Алина была слишкомъ пылкаго темперамента и не могла жить безъ любовниковъ; въ этомъ она сама сознавалась, въ этомъ каялась и во время предсмертной своей исповѣди. Мосбахскій незнакомецъ былъ полякъ.

Князь Карлъ Радзивилъ лѣтомъ 1772 года пріѣхалъ на берега Рейна, откуда входилъ въ сношенія съ Версальскимъ кабинетомъ. При немъ было не мало приверженцевъ Барской конфедераціи и враговъ короля Понятовскаго, которыхъ онъ употреблялъ для переговоровъ. Князь Радзивилъ не былъ настолько уменъ, чтобы самому вести политическую интригу, но въ помощникахъ у него недостатка не было. Мосбах-

скій незнакомецъ принадлежалъ къ ихъ числу. Это былъ Михаилъ Доманскій, другъ Радзивила, который въ 1769 грду, во время Барской конфедераціи, былъ консиліаржемъ Пинской дистрикціи (уѣзда). Онъ пріѣхалъ на Рейнъ одновременно съ княземъ Радзивиломъ. Въ мартѣ 1773 года Радзивилъ посылалъ его изъ Мангейма, гдѣ тогда они жили, въ Ландсгутъ, на конфедераціонный генералитетъ, собиравшійся въ этомъ городѣ. Этотъ комитетъ состоялъ изъ главнѣйшихъ членовъ Барской конфедераціи, бѣжавшихъ за границу послѣ рѣшительнаго пораженія ихъ русскими войсками. Цѣлью совѣщаній было противодѣйствіе трактату, который тогда готовились заключить между собой Россія, Австрія и Пруссія о раздѣлѣ Польши. Доманскій предложилъ мнѣніе Радзивила: издать манифестъ, въ которомъ протестовать противъ приготовляемаго раздѣла и всѣми средствами содѣйствовать низверженію съ престола Станислава Понятовскаго. Предложеніе было принято. Въ слѣдующемъ апрѣлѣ Радзивилъ переѣхалъ во Францію, избравъ мѣстопребываніемъ своимъ Страсбургъ, и осенью 1773 года ѣздилъ въ Парижъ.

По возвращеніи изъ Парижа въ Страсбургъ, онъ немедленно послалъ въ Константинополь одного изъ своихъ приближенныхъ, Коссаковскаго, чтобы склонить Порту на сторону конфедератовъ и выпросить для Радзивила султанскій фирманъ на проѣздъ въ турецкую армію, дѣйствовавшую тогда противъ русскихъ. Въ то же самое время другой его приверженецъ, Доманскій, началъ свои таинственныя посѣщенія къ оберштейнской красавицѣ.

Обратимъ теперь вниманіе на то, что̀ происходило въ Россіи въ это время подготовленія поляками самозванки, которая, по ихъ планамъ, должна была произвести замѣшательство въ Россіи. Лѣтомъ 1773 года явился на Яикѣ Пугачевъ, въ сентябрѣ онъ осаждалъ

Яицкій Городокъ, взялъ Илецкую Защиту, крѣпости Разсыпную, Татищеву, Чернорѣчинскую. Затѣмъ овладѣлъ Сакмарскимъ Городкомъ и Пречистенскою крѣпостью, а 5-го октября находился уже подъ стѣнами Оренбурга. Башкирцы и мещеряки, обольщенные подарками и обѣщаніями самозванца, стали нападать на русскія селенія и толпами переходить въ шайки буктовщиковъ; киргизскій ханъ Нурали вошелъ въ дружескія сношенія съ Пугачевымъ; мордва, черемисы, чуваши заволновались и перестали повиноваться русскому правительству; служилые калмыки бѣжали съ форпостовъ, помѣщичьи крестьяне Оренбургскаго края и по Волгѣ заговорили о волѣ, о волѣ «батюшки Петра Ѳедоровича». Въ половинѣ октября, Оренбургскій край весь уже былъ охваченъ мятежомъ; тогда же (14-го октября) императрица послала, для усмиренія развивающагося мятежа, генерала Кара, который, какъ извѣстно, въ началѣ ноября доставилъ Пугачеву возможность разбить находившееся подъ его командой войско.

Фокшанскіе переговоры не привели ни къ какому соглашенію. Графъ Григорій Орловъ, возвратясь въ Петербургъ, увидалъ, что карьера его кончена: онъ палъ. Чесменскій герой, находившійся съ флотомъ въ Средиземномъ морѣ, не скрывалъ своего неудовольствія противъ императрицы. Въ свою очередь, Панины явились ея противниками. Въ сентябрѣ 1774 года Павелъ Петровичъ вступилъ въ бракъ съ гессенъ-дармштадскою принцессою Вильгельминой, названною, по принятіи православія, Наталіею Алексѣевною. По внушеніямъ Никиты Ивановича Панина, она возстановляла подпавшаго подъ ея вліяніе супруга противъ его матери, внушая ему, что пора ему самому царствовать.

По прекращеніи Фокшанскихъ переговоровъ, начались военныя дѣйствія противъ турокъ. Но войска

было мало, и, несмотря на побѣду Вейсмана и Суворова, войскà наши должны были отступить и перейти на лѣвый берегъ Дуная. Осада Силистріи не удалась.

Шведскій король Густавъ III, нарушивъ конституцію, сдѣлался въ 1772 году самовластнымъ государемъ и горѣлъ нетерпѣніемъ загладить Полтавское пораженіе Карла XII. Онъ грозилъ Россіи войной, и съ часу на часъ ожидали, что послѣдуетъ разрывъ, и шведскія войска явятся въ Финляндіи.

Въ Польшѣ дѣла наши шли вяло, русскаго войска было тамъ не много, и конфедераты подняли головы. Напрасно Станиславъ Понятовскій объявлялъ амнистіи: никто почти не обращалъ на нихъ вниманія, и конфедераты продолжали свое дѣло. Версальскій кабинетъ подавалъ имъ надежду на вооруженное вмѣшательство Франціи въ войну Россіи съ Турціей. Говорили, что въ Тулонѣ снаряжается сильная французская эскадра, которая должна идти на помощь бѣднымъ остаткамъ турецкаго флота, пораженнаго Алексѣемъ Орловымъ при Чесмѣ.

Извѣстія о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, преувеличенныя до крайней степени или совсѣмъ даже искаженныя, разносились по Европѣ и возбуждали надежды поляковъ. Извѣстія эти появлялись и въ газетахъ. Конечно, тогдашняя журналистика не имѣла еще такого вліянія на дѣла политическія, какое получила она въ нашемъ столѣтіи, но разсѣянные по западнымъ государствамъ члены Барской конфедераціи и тогда умѣли пользоваться ея силой, и тогда, какъ въ недавнее время, подкупали журналистовъ и печатали разнаго рода клеветы на ненавистную имъ Россію.

Польскіе эмигранты, осенью 1773 года, признали благовременнымъ поставить новое затрудненіе Екатеринѣ въ лицѣ подготовленной княземъ Карломъ Радзивиломъ претендентки на русскій престолъ. Нельзя

думать, чтобъ они серіозно надѣялись возвести на престолъ Русской Имперіи подставную самозванку, имъ нужно было лишь создать какъ можно больше затрудненій императрицѣ Екатеринѣ, имъ нужно было лишь произвести новое замѣшательство въ Россіи. Впрочемъ, носилъ же вѣдь нѣкогда Мономахову шапку названный сынъ Ивана Грознаго, выставленный польскими панами. Отчего же и не повториться этому? Вѣдь до 1762 года въ Россіи, при неопредѣленности правъ престолонаслѣдія, такъ часто происходили перемѣны въ правительствѣ, что произведеніе новаго переворота никому не казалось дѣломъ невозможнымъ. Сама Екатерина нерѣдко тревожилась этимъ. И какъ ей было не тревожиться послѣ заговора Гурьевыхъ, послѣ покушенія Мировича, при интригахъ Никиты Панина, послѣ того, какъ до нея доходили свѣдѣнія, будто чумный бунтъ въ Москвѣ 1771 г. произведенъ былъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ [1]), и будто Иванъ Ивановичъ Шуваловъ интригуетъ противъ нея въ западныхъ государствахъ.

XII.

Мосбахскій незнакомецъ чаще и чаще являлся въ Оберштейнѣ. Князь Лимбургъ сильно ревновалъ его, думая, что между прекрасною Алиной и незнакомцемъ существуютъ лишь эротическія отношенія. Изъ писемъ князя къ его возлюбленной видно, что молва о любовныхъ ея отношеніяхъ къ таинственному незнакомцу сильно распространилась, и что даже въ газетахъ появился по этому поводу какой то пасквиль.

[1]) Въ дѣлѣ о моровомъ повѣтріи и о бунтѣ, находящемся въ государственномъ архивѣ, есть на это указаніе.

Князь зналъ, что соперникъ его полякъ, принадлежащій къ палатинату, то есть къ партіи князя Карла Радзивила (палатина виленскаго). Но поѣздки Доманскаго въ Оберштейнъ имѣли характеръ не столько любовный, сколько политическій. Вслѣдствіе этихъ посѣщеній, въ декабрѣ 1773 года, разнесся въ Оберштейнѣ слухъ, что въ этомъ зàмкѣ подъ именемъ принцессы Владимірской, живетъ прямая наслѣдница русскаго престола, законная дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны, великая княжна Елизавета. Слухъ объ этомъ распространился и по другимъ мѣстамъ; Князь Лимбургскій былъ очень радъ такой новости, надѣясь, что она склонитъ его родственниковъ къ согласію на бракъ, которому они сильно противились. Но претендентка на русскую корону, кажется, уже не тѣми глазами смотрѣла теперь на влюбленнаго князя, она была къ нему холоднѣе прежняго. Лимбургъ ревновалъ, писалъ къ ней страстныя письма и въ то же время формально поручалъ ей вести дѣло съ русскимъ министерствомъ относительно правъ его на Голштинію. Принцесса приняла на себя это дѣло.

Между тѣмъ, газеты извѣстили о дѣйствіяхъ Пугачева, объ осадѣ имъ Оренбурга и о распространеніи мятежа по Уралу. Родственница Радзивила, княгиня Сангушко, получила свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ Россіи, объ успѣхахъ Пугачева. Свѣдѣнія эти доставлялись въ Оберштейнъ къ самозванкѣ, причемъ княгиня Сангушко сообщала ей списки мѣстъ, занятыхъ Пугачевскими шайками. Въ это время самъ Радзивилъ счелъ, наконецъ, нужнымъ лично повидаться съ мнимою великою княжной и хотѣлъ для того пріѣхать къ ней въ Оберштейнъ. Князь Лимбургъ былъ противъ этого, но только потому что боялся новой измѣны своей невѣсты. Радзивилъ писалъ, что горитъ нетерпѣніемъ представиться принцессѣ, но затрудняется пріѣхать къ ней,

потому что, одѣтый въ польскій кунтушъ, можетъ обратить вниманіе любопытныхъ, и тѣмъ повредить дѣлу, которое должно вести пока въ тайнѣ. Равнымъ образомъ и ея посѣщеніе Радзивила въ занимаемомъ имъ домѣ можетъ имѣть такія же послѣдствія. Чтобъ имѣть свиданіе, Радзивилъ нанялъ въ Цвейбрюккенѣ особый домъ, остававшійся никѣмъ не занятымъ, и въ этомъ домѣ предложилъ самозванкѣ имѣть съ нимъ свиданія. Она согласилась. Свиданіе состоялось въ Цвейбрюккенѣ (Deux Ponts) около новаго 1774 года, и послѣ того между княземъ Карломъ Радзивиломъ и прекрасною принцессою завязалась дѣятельная переписка. Радзивилъ возлагалъ на нее великія надежды. Предположено было: пользуясь замѣшательствомъ, произведеннымъ Пугачевымъ, произвести новое возстаніе въ Польшѣ и въ бѣлорусскихъ воеводствахъ, отошедшихъ по первому раздѣлу во владѣніе Россіи, самой же принцессѣ, вмѣстѣ съ Радзивиломъ, ѣхать въ Константинополь и оттуда послать въ русскую армію, находившуюся въ Турціи, воззваніе, въ которомъ предъявить свои права на престолъ, не по праву занимаемый Екатериной. Этимъ способомъ надѣялись они свергнуть Екатерину и доставить самозванкѣ императорскую корону. Съ своей стороны, самозванка обѣщала Радзивилу возвратить Польшѣ отторгнутыя отъ нея области, свергнуть Понятовскаго съ престола и возстановить Польшу въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась при короляхъ саксонской династіи. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, князь Радзивилъ говоритъ самозванкѣ: «Я смотрю на предпріятіе *Вашего Высочества*, какъ на чудо Провидѣнія, которое бдитъ надъ нашею несчастною страной. Оно послало ей на помощь васъ, такую великую героиню».

Черезъ нѣсколько времени принцесса увѣдомила князя Лимбурга о полученномъ ею отъ княгини Сан-

гушко извѣстіи, что король Людовикъ XV одобрилъ намѣреніе ея ѣхать съ княземъ Радзивиломъ въ Венецію и Константинополь, и оттуда предъявить права свои на русскій престолъ.

Графъ Огинскій, какъ офиціальный посланникъ польскаго короля, до сего времени шага не дѣлалъ къ участію въ замыслахъ бывшей своей любовницы. Кромѣ того, что служебное положеніе стѣсняло свободу его дѣйствій, онъ и по природѣ своей былъ человѣкъ крайне осторожный и при томъ лѣнивый; онъ боялся скомпрометтировать и себя, и польское дѣло, въ случаѣ, если обманъ «принцессы Владимірской» не удастся. Она приглашала его для переговоровъ въ Оберштейнъ, на что̀ соглашался и ревнивый Лимбургъ, хотя не безъ колебанія, ибо онъ, кажется, больше всего къ Огинскому ревновалъ свою очаровательницу. Чтобы не помѣшать своимъ присутствіемъ ихъ переговорамъ, онъ даже уѣхалъ изъ Оберштейна въ Бартенштейнъ, гдѣ жила его сестра. Тамъ онъ хотѣлъ приготовить родныхъ своихъ къ предстоящему браку его съ принцессой Елизаветой. Но Огинскій не пріѣхалъ въ Оберштейнъ; Людовикъ XV въ это время находился при смерти. Отлучиться отъ двора умирающаго короля онъ не могъ, ибо, въ случаѣ его смерти, долженъ былъ выждать, какое направленіе приметъ политика его преемника. За то не разъ посылалъ онъ въ Оберштейнъ своего агента, аббата Бернарди, бывшаго наставникомъ дѣтей его зятя, литовскаго великаго кухмистра (т.-е. оберъ-гофмаршала), графа Михаила Віельгорскаго [1]. Принцесса черезъ этого аббата

[1]) Онъ былъ женатъ на сестрѣ Огинскаго, Елизаветѣ. Воспитывавшіяся у аббата Бернарди дѣти графа Віельгорскаго были: Михаилъ и Іосифъ. Старшій, Юрій, впослѣдствіи бывшій польскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, а потомъ, по принятіи русскаго подданства, сенаторомъ

всячески уговаривала графа Огинскаго присоединиться къ ней и даже вмѣстѣ съ Радзивиломъ ѣхать въ Венецію, а оттуда въ Константинополь. Теперь это было возможно для Огинскаго, ибо онъ не былъ болѣе посланникомъ; постъ его занялъ графъ Віельгорскій. Но Огинскій медлилъ.

Между тѣмъ, князь Лимбургъ продолжалъ переписку съ своею возлюбленною. Повидимому, эта переписка была между ними предварительно условлена, чтобы показывать ее родственникамъ князя и другимъ лицамъ, въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній съ ихъ стороны или недобрыхъ толковъ о принцессѣ и ея поѣздкѣ съ Радзивиломъ, когда она огласитси. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, посланномъ къ князю въ Бартенштейнъ, принцесса, успокаивая въ немъ чувства ревности, снова возникшей по поводу таинственныхъ посѣщеній ея какимъ то молодымъ полякомъ (то былъ, если не Доманскій, то князь Іеронимъ Радзивилъ, братъ князя Карла), извѣщала его, что готова принести въ жертву своему милому князю свою блестящую карьеру, но должна предпринять небольшое путешествіе, для устраненія послѣднихъ препятствій къ ихъ браку. Къ этому она прибавляла, что, по зрѣломъ обсужденіи, она рѣшилась познакомиться съ его родными не прежде, какъ сдѣлается его женой и уплатитъ издержанныя имъ на нее деньги. Въ отвѣтъ на это Лимбургъ написалъ, что, не имѣя возможности вознаградить часть рода человѣческаго (то есть Россію) за потерю такой прекраснѣйшей принцессы, онъ не можетъ принять отъ нея такой жертвы. Письма свои князь Лимбургъ уже адресовалъ: *ея Императорскому Высочеству принцессѣ Елизаветѣ Всероссійской*.

(женатый на Матюшкиной), въ это время кончилъ уже воспитаніе. Ему было тогда болѣе 20 лѣтъ.

XIII.

Князь Лимбургъ на послѣднія оставшіяся у него средства устроилъ отъѣздъ своей возлюбленной, доставъ ей, хотя съ большимъ трудомъ, на дорогу денегъ, кромѣ того, открылъ ей кредитъ у находившагося въ Аугсбургѣ трирскаго министра Горнштейна и даже отдалъ ей деньги, приготовленныя на собственную поѣздку въ Вѣну къ императору, по дѣламъ притязаній на Шлезвигъ-Гольштейнъ. За то принцесса обѣщала сама впослѣдствіи съѣздить къ императору и выхлопотать это дѣло. Князь Лимбургъ далъ ей письменное на то полномочіе.

Изъ Оберштейна принцесса выѣхала 13-го мая 1774 года вмѣстѣ съ княземъ Лимбургомъ. Онъ провожалъ ее до Цвейбрюккена. Здѣсь они разстались; на прощаньи князь далъ ей торжественное обѣщаніе быть ея супругомъ. Въ письмахъ, послѣ того писанныхъ, они называли другъ друга супругами. Она и въ Петропавловской крѣпости называла князя Лимбурга своимъ супругомъ, хотя и объясняла, что по церковному чиноположенію они не были вѣнчаны. Изъ Цвейбрюккена принцесса поѣхала въ Аугсбургъ, для свиданія съ Горнштейномъ, а печальный, разстроенный разлукой съ своею очаровательною «супругой» князь возвратился въ Оберштейнъ, теперь сдѣлавшійся столь дорогимъ ему по воспоминанію о пребываніи въ немъ прекрасной Алины. По пріисканіи денегъ на путевыя издержки, князь обѣщался ей немедленно пріѣхать въ Венецію, а оттуда сопровождать принцессу въ Турцію.

Въ Оберштейнѣ князь засталъ Бернарди, посланнаго отъ графа Огинскаго къ принцессѣ съ просьбой, чтобъ она разъяснила ему свои намѣренія и таинственные намеки, сдѣланные ею въ письмѣ относительно

будущности Польши. Князь убѣдилъ Бернарди въ дѣйствительности царственнаго происхожденія своей возлюбленной и разсказалъ ему о сношеніяхъ ея съ княгиней Сангушко. Этого было достаточно для убѣжденія французскаго аббата. Бернарди былъ ревностный поклонникъ прусскаго короля Фридриха II, человѣкъ, вполнѣ ему преданный. Онъ пришелъ въ восхищеніе, когда князь Лимбургъ, повѣряя ему планы мнимой наслѣдницы русскаго престола, увѣрялъ его, что какъ скоро она надѣнетъ на голову принадлежащую ей корону дѣда своего, Петра Великаго, то немедленно приступитъ къ политикѣ прусскаго короля, передъ которымъ благоговѣетъ, что она теперь же, посредствомъ сношеній съ Пугачевымъ, постарается способствовать расширенію владѣній Фридриха II на востокѣ, для чего отклонитъ вмѣшательство Австріи турецкими дѣлами, а вниманіе Россіи—войной со шведскимъ королемъ, который, такимъ образомъ, будетъ помогать и ей, и Пугачеву. Бернарди, выслушавъ князя Лимбурга, далъ ему слово, при содѣйствіи Віельгорскаго, убѣдить Огинскаго къ немедленному отъѣзду въ Венецію, куда же отправился князь Радзивилъ со множествомъ поляковъ, приверженцевъ Барской конфедераціи.

Принцесса торопилась ѣхать въ Венецію; тамъ ожидалъ ее князь Радзивилъ. Чтобы не имѣть остановки въ Аугсбургѣ, гдѣ Горнштейнъ долженъ былъ достать ей денегъ, она еще изъ Вирцбурга послала передового курьера къ трирскому министру, прося его поторопиться пріисканіемъ денегъ, и увѣдомляя, что ѣдетъ въ Венецію, а вслѣдъ за нею отправится туда и князь Лимбургъ. Горнштейнъ бросился къ своему другу уговаривать его не путаться въ опасное дѣло, не ѣздить въ Венецію. Князь поколебался, но оставался, однако, при своемъ намѣреніи. Тогда Горнштейнъ поскакалъ на свиданіе съ принцессой. Не же-

лая возбуждать общаго вниманія на свои сношенія съ претенденткой на русскій престолъ, чтобы тѣмъ не скомпрометтировать своего государя, курфирста Трирскаго, у котораго былъ главнымъ министромъ, Горнштейнъ не поѣхалъ въ Аугсбургъ, и свидѣлся съ принцессой въ Зусмаргаузенѣ. Здѣсь онъ настоятельно убѣждалъ ее отказаться отъ своихъ замысловъ, не идти на вѣрную погибель, не связываться съ поляками, которые только желаютъ имѣть ее своимъ орудіемъ для достиженія собственныхъ замысловъ, умолялъ ее возвратиться въ Оберштейнъ и жить съ княземъ Лимбургомъ, удаляясь отъ всякихъ политическихъ интригъ. Принцесса поколебалась и дала ему слово пробыть въ Венеціи самое короткое время, а потомъ возвратиться въ Германію и хлопотать въ Вѣнѣ по Шлезвигъ-Гольштейнскому дѣлу. Горнштейнъ выдалъ ей, за счетъ князя Лимбурга, 200 червонцевъ, и она уѣхала. Въ Бриксенѣ къ ней присоединился Доманскій съ разными лицами, большею частію поляками. Она сообщила имъ, что, обдумавъ всѣ шансы затѣяннаго ею предпріятія, она не рѣшается ѣхать въ Константинополь, и намѣрена пробыть въ Венеціи самое короткое время, а потомъ воротиться въ Германію. Это озадачило поляковъ, особенно Доманскаго. Но «Мосбахскій незнакомецъ» имѣлъ на принцессу вліяніе: онъ сталъ уговаривать не оставлять задуманнаго предпріятія, блестящими красками разрисовалъ будущее ея положеніе, когда скипетру ея будутъ повиноваться милліоны. Къ этому присоединены были нѣжныя ласки, и Алина не устояла. Она рѣшилась идти, куда поведетъ ее геній Польши, нарушила данное Горнштейну слово и увѣдомила его, что пробудетъ въ Венеціи нѣсколько долѣе, чѣмъ обѣщалась. Зная слабую струну ревностнаго католика Горнштейна, Алина приписала, что намѣрена воспользоваться пребыва-

ніемъ въ Венеціи для основательнаго изученія догматовъ римско-католической вѣры, которую намѣрена принять.

Горнштейнъ былъ крайне удивленъ, получивъ чрезъ нѣсколько дней два письма: одно отъ князя, съ просьбой передать присланное письмо «ея Императорскому Высочеству, принцессѣ Елизаветѣ Всероссійской», а другое отъ нея, съ просьбой доставить приложенное письмо къ *ея супругу*. До сихъ поръ онъ не придавалъ особеннаго значенія слухамъ и разговорамъ о царственномъ происхожденіи любовницы своего друга, но теперь увидѣлъ, что самъ князь признаетъ ее, дѣйствительно, за дочь императрицы Елизаветы. Ему, главному министру одного изъ германскихъ курфирстовъ, неловко было передавать такія письма: они могли навлечь не мало хлопотъ его государю; съ другой стороны, Горнштейнъ могъ заключить, что бракъ князя Лимбурга, противъ котораго онъ такъ усердно дѣйствовалъ, совершился... Онъ написалъ къ принцессѣ письмо, въ которомъ обращалъ ея вниманіе на множество противорѣчій, встрѣчающихся, какъ въ прежнемъ, такъ и въ настоящемъ ея поведеніи, а, впрочемъ, обѣщалъ ей зависящую отъ него помощь и настоятельно уговаривалъ выбрать въ Венеціи хорошаго католическаго священника, которому бы она могла вполнѣ довѣриться.

Князь Лимбургъ получилъ между тѣмъ извѣстіе, что король Людовикъ XV умеръ, и вступившій на престолъ Людовикъ XVI сочувственно отозвался о предпріятіи князя Радзивила. Онъ немедленно увѣдомилъ о столь радостной вѣсти свою возлюбленную. Но вскорѣ онъ разочаровался въ ожидаемомъ успѣхѣ.

. .

XIV.

Денежныя дѣла князя Радзивила были теперь не въ блистательномъ положеніи. Когда король Станиславъ Понятовскій въ 1772 г. объявилъ амнистію всѣмъ оставившимъ предѣлы отечества участникамъ Барской конфедераціи и прочимъ противникамъ королевскимъ, князь Карлъ съ насмѣшкой отвергнулъ предлагаемое прощеніе и не воротился въ Литву. Въ 1773 году виленскій епископъ Мосальскій писалъ къ нему, уговаривая возвратиться и примириться съ королемъ и напоминая, что, въ противномъ случаѣ, будетъ наложенъ секвестръ на его обширныя имѣнія. Радзивилъ, будучи въ Парижѣ, поколебался было: ему, обладателю столь громадныхъ богатствъ, страшно было разстаться съ ними, но, построивъ уже планъ поѣздки въ Константинополь, онъ посовѣтовался съ французскимъ министромъ, герцогомъ Эгильйономъ, и, по его внушенію, рѣшительно отказался отъ покорности королю Понятовскому. Въ началѣ января 1774 г., отправился онъ въ Венецію, куда и прибылъ въ концѣ февраля. Между тѣмъ, имѣнія Радзивила попали подъ секвестръ, и онъ изъ Литвы не сталъ получать ни копѣйки. Приходилось жить на остававшіяся въ шкатулкѣ деньги и продавать брильянты. Принцессѣ онъ не могъ давать значительныхъ суммъ. Такимъ образомъ, «персидскій дядя» исчезъ. Но на такое дѣло, за какое взялась принцесса, необходимо было имѣть немалый запасъ денегъ. Находчивая женщина тотчасъ придумала средство получить милліоны: она составила проектъ русскаго внѣшняго займа отъ своего имени, какъ единственной законной наслѣдницы Русской Имперіи. Этотъ проектъ она послала въ Парижъ, къ графу Огинскому, который долженъ былъ пригласить тамошнихъ банки-

ровъ къ подпискѣ. Но Огинскій рѣшительно отказался отъ участія въ этомъ замыслѣ. Въ письмѣ къ принцессѣ онъ въ весьма изящныхъ фразахъ говорилъ ей о предстоящемъ ей блистательномъ поприщѣ, когда она сдѣлается повелительницей огромной Имперіи, но не безъ сарказма извинился, что не можетъ содѣйствовать успѣшному ходу ея займа.

Князь Лимбургъ, прочитавъ письмо графа Огинскаго и зная, что безъ денегъ любезная его не можетъ достигнуть осуществленія своихъ замысловъ, сильно поколебался. Въ то же время нѣмецкія газеты извѣщали, что счастіе, доселѣ благопріятствовавшее *союзнику принцессы*, *Пугачеву*, измѣнило ему. Бибиковъ успѣшно подавилъ мятежъ, Оренбургъ былъ освобожденъ, Яицкій Городокъ занятъ вѣрными императрицѣ войсками, и Пугачевъ, какъ писали, совершенно разбитъ.

Сообщая всѣ эти новости своей возлюбленной, князь Лимбургъ умолялъ ее бросить опасные и едва ли при теперешнихъ обстоятельствахъ возможные къ исполненію замыслы и скорѣе воротиться въ Оберштейнъ, гдѣ ждутъ ее объятія и горячіе поцѣлуи очарованнаго ея прелестями жениха. Но принцесса уже не могла идти назадъ. Ее и Радзивила хотя и смутили было слухи о совершенномъ подавленіи Пугачевскаго бунта, но не надолго. Скоро до Венеціи дошли благопріятные для поляковъ и самозванки извѣстія: дѣла Пугачева поправились. Бибиковъ внезапно умеръ. Въ Россіи распространился слухъ, что онъ отравленъ однимъ изъ польскихъ конфедератовъ. Конфедераты, дѣйствительно, были тогда въ восточной Россіи, были и въ шайкахъ Пугачева [1]).

[1]) Нельзя отвергать возможности сношеній, посредствомъ этихъ конфедератовъ, князя Радзивила и подставной принцессы Елизаветы съ пьянымъ казакомъ, котораго въ Европѣ представляли человѣкомъ образованнымъ, бывшимъ прежде пажомъ при дворѣ Елизаветы, учившимся

По смерти Бибикова (9-го апрѣля 1774 г.), дѣла Пугачева, дѣйствительно, поправились: онъ снова явился на Уральскихъ заводахъ, еще болѣе страшный, чѣмъ прежде. Принцесса вскорѣ была утѣшена извѣстіемъ, что отъ Сибири до Волги «ея союзникъ» властвуетъ.

Она пріѣхала въ Венецію въ послѣднихъ числахъ мая, подъ именемъ графини Пиннебергъ. Графство Пиннебергъ находилось въ Голштиніи, и она приняла фамилію по его имени, какъ будущая герцогиня Голштейнъ-Лимбургъ. Въ Венеціи же пошли слухи, что подъ этимъ именемъ скрывается уже настоящая его супруга. Дошедшіе о томъ до Оберштейна слухи сильно встревожили князя Лимбурга, и онъ написалъ къ возлюбленной, чтобъ она отнюдь не выдавала себя за жену его. Но въ то же время онъ послалъ въ Венецію своимъ резидентомъ барона Кнорра и повелѣлъ ему быть гофмаршаломъ при дворѣ графини Пиннебергъ. Непослѣдовательность дѣйствій недалекаго князя Лимбурга являлась на каждомъ шагу.

Князь Радзивилъ съ сестрой своею, Теофилой Моравской [1]), уже два мѣсяца жилъ въ Венеціи, когда пріѣхала въ эту республику давно ожидаемая имъ принцесса. Для нея приготовлена была пышная квартира—домъ французскаго посольства при Венеціанской республикѣ. Ясное доказательство, что новый король Франціи и Наварры, Людовикъ XVI, благопріятствовалъ предпріятію самозванки. При графинѣ Пинне-

въ Берлинѣ математикѣ и отличавшимся въ знаніи тактики. Нельзя отвергать этихъ сношеній до тѣхъ поръ, пока дѣло о Пугачевѣ не сдѣлается вполнѣ извѣстнымъ. Нельзя отвергать и сношеній шведскаго короля съ Пугачевымъ и съ мнимою княжной Таракановой. Не даромъ же Екатерина въ письмахъ своихъ къ Вольтеру называла Густава III «другомъ *маркиза* Пугачева».

[1]) Княжна Теофила Радзивилъ была замужемъ за польскимъ генералъ-лейтенантомъ Моравскимъ.

бергъ былъ свой дворъ: баронъ Кнорръ, какъ мы уже замѣтили, сдѣланъ былъ гофмаршаломъ «Ея Высочества».

На третій день по пріѣздѣ принцессы, князь Карлъ Радзивилъ сдѣлалъ ей пышный офиціальный визитъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, и представилъ бывшихъ съ нимъ знатныхъ поляковъ: своего дядю, князя Радзивила, графа Потоцкаго, стоявшаго во главѣ польской генеральной конфедераціи, графа Пржездецкаго, старосту Пинскаго, Чарномскаго, одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ генеральной конфедераціи и многихъ другихъ. Радзивилъ и Потоцкій были въ лентахъ. На другой день, принцесса сдѣлала визитъ графинѣ Моравской, у которой въ то время находился и братъ ея. Затѣмъ князь Карлъ Радзивилъ часто посѣщалъ принцессу, являясь къ ней обыкновенно въ сопровожденіи своего секретаря Микошты. Графиня Пиннебергъ жила роскошно и открыто въ палатахъ французскаго резидента и искала новыхъ знакомствъ [1]). Толпа польскихъ и французскихъ офицеровъ, собравшихся вокругъ князя Радзивила, чтобъ ѣхать съ нимъ на подмогу туркамъ противъ Россіи, ежедневно наполняла пріемныя комнаты графини. Кромѣ Радзивиловъ, чаще другихъ у нея бывали: графъ Потоцкій, графъ Пржездецкій и Эдуардъ Вортли Монтегю, англичанинъ, долго путешествовавшій по Востоку, сынъ

[1]) Въ № 38 *Московскихъ Вѣдомостей* 1774, отъ 13-го мая, напечатано извѣстіе изъ Венеціи отъ 18-го марта: «Князь Радзивилъ и *его сестра* учатся по-турецки и поѣдутъ въ Рагузу, откуда, какъ сказываютъ, турецкая эскадра проводитъ ихъ въ Константинополь». М. Н. Лонгиновъ (*Русскій Вѣстникъ*, 1859, № 24 стр. 723) думаетъ, что подъ именемъ сестры Радзивила должно разумѣть княжну Тараканову, но теперь мы знаемъ, что въ мартѣ 1774 года въ Венеціи, дѣйствительно, жила родная сестра Радзивила, графиня Моравская, а самозванной дочери императрицы Елизаветы Петровны до конца мая еще не было въ Венеціи.

извѣстной англійской писательницы, леди Мэри, дочери герцога Кингстонъ. Нерѣдко посѣщали ее два капитана изъ Варварійскихъ владѣній султана, Гассанъ и Мехеметъ, корабли которыхъ стояли въ то время въ Венеціанскомъ портѣ. На одномъ изъ этихъ кораблей графиня Пиннебергъ намѣревалась ѣхать къ султану. Но роскошная жизнь ея въ Венеціи скоро истощила ея средства. Съ обычною ловкостію принялась она за прежнее: искать денегъ. Несмотря, однако, на новоизобрѣтенные разсказы о богатыхъ агатовыхъ копяхъ, находящихся будто бы въ принадлежащемъ ей Оберштейнѣ, несмотря на знакомство графини съ венеціанскими банкирами, она никакъ не могла доставать много денегъ; венеціанскій банкъ ссудилъ ей только 200 червонцевъ. Тогда графиня Пиннебергъ стала торопить Радзивила отъѣздомъ въ Константинополь, куда 16-го мая они вмѣстѣ и отправились.

Пріѣздъ графини въ Венецію надѣлалъ не мало шума. Сначала было приняли ее за жену графа Гольштейнъ-Лимбурга, но, получивъ отъ него запрещеніе называться его женой, она отрицала это; безъ сомнѣнія, и резидентъ князя при Венеціанской республикѣ старался о разсѣяніи этихъ слуховъ. Стали обращаться къ князю Карлу Радзивилу, находившемуся съ ней въ ежедневныхъ почти сношеніяхъ, и «панъ коханку», подъ условіемъ строжайшей тайны, каждому разсказывалъ, что это дочь русской императрицы Елизаветы, рожденная отъ тайнаго брака, и пріѣхала изъ Германіи, чтобы подъ его покровительствомъ ѣхать въ Константинополь. Сама самозванка старалась о распространеніи такихъ слуховъ.

Варварійскіе капитаны, 16-го іюня 1774 года, посадили на корабли свои князя Карла Радзивила съ его дядей, съ графиней Моравскою и многочисленнымъ сборищемъ польскихъ и французскихъ офицеровъ. Съ

ними же сѣла и графиня Пиннебергъ со всѣмъ дворомъ своимъ, кромѣ гофмаршала, барона Кнорра, оставшагося въ Венеціи для устройства ея дѣлъ и для веденія переписки. Когда графиня Пиннебергъ пріѣхала на рейдъ, Радзивилъ со своими былъ уже на палубѣ. Ее встрѣтили съ большимъ почетомъ. Ей всѣ представились, и, по придворному этикету, цѣловали ея руку. Радзивилы обходились съ ней самымъ почтительнымъ образомъ, равно какъ и графиня Моравская.

Путешествіе сначала шло при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Варварійскіе корабли плыли на югъ по Адріатикѣ, но вдругъ подулъ противный вѣтеръ, и они едва добрались до острова Корфу. Вышедши съ корфіотскаго рейда, Гассанъ, опасаясь бѣдствій на морѣ, рѣшился возвратиться въ Венецію. Этимъ воспользовались сестра и дядя Карла Радзивила, намѣреваясь изъ Венеціи сухимъ путемъ отправиться въ Польшу. Принцессѣ также совѣтовали воротиться, но роковая судьба влекла ее. Съ Карломъ Радзивиломъ перешла она на корабль Мехемета, который брался довезти ихъ до Константинополя. Противные вѣтры, однако, понесли корабль назадъ, къ сѣверу, и въ послѣднихъ числахъ іюля 1774 года Мехеметъ принужденъ былъ бросить якорь у Рагузы.

Рагузская республика не питала симпатіи къ Екатеринѣ II: графъ Орловъ-Чесменскій, начальствовавшій русскимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ, не мало надѣлалъ досады ея сенату. Потому «великая княжна Елизавета» принята была съ радостью, хотя сенатъ и воздержался офиціально признать ее въ присвоиваемомъ ею званію. Такъ же какъ и въ Венеціи, принцессѣ уступленъ былъ для помѣщенія домъ французскаго консула при Рагузской республикѣ, де-Риво. Этотъ домъ сдѣлался, такъ сказать, главною квартирой польско-французской экспедиціи. Радзивилъ съ знатнѣйшими

членами своей свиты ежедневно обѣдалъ у «великой княжны Всероссійской». Расходы платилъ Радзивилъ.

Въ Рагузѣ «великая княжна Елизавета» оставалась до ноября 1774. Отсюда она писала письма къ султану, къ Орлову-Чесменскому и къ воспитателю Павла Петровича, графу Никитѣ Ивановичу Панину.

XV.

Планъ дѣйствій «принцессы Елизаветы» окончательно созрѣлъ въ Рагузѣ. Поляки на ежедневныхъ обѣдахъ внушали ей мысль—торжественно объявить о правахъ своихъ на престолъ, и въ этомъ смыслѣ послать воззваніе въ русскую армію, находившуюся тогда въ Турціи, и другое—на русскую эскадру, стоявшую подъ начальствомъ графа Алексѣя Орлова и адмирала Грейга въ Ливорно. Не болѣе какъ черезъ недѣлю по прибытіи въ Рагузу (10-го іюля) принцесса писала уже къ Горнштейну, что намѣрена объявить о своемъ происхожденіи русскимъ морякамъ, и что это тѣмъ болѣе нужно, что недоброжелатели уже распространили ложные слухи, будто она умерла. «Постараюсь, писала она, овладѣть русскимъ флотомъ, находящимся въ Ливорно; это не очень далеко отсюда. Мнѣ необходимо объявить, кто я, ибо уже постарались распустить слухъ о моей смерти. Провидѣніе отмстить за меня. Я издамъ манифесты, распространю ихъ по Европѣ, а Порта открыто объявитъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Друзья мои уже въ Константинополѣ; они работаютъ, что̀ нужно. Сама я не теряю ни минуты, и готовлюсь объявить о себѣ всенародно. Въ Константинополѣ я не замѣшкаю, стану во главѣ моей арміи, и меня признáютъ.» Далѣе «великая княжна» упоминала о документахъ, доказавшихъ будто бы права ея на корону.

Документы эти были составлены, по всей вѣроятности, поляками. Хотя при дѣлѣ находятся они, переписанные рукой самой претендентки[1]), но, по сличеніи ихъ съ письмами ея и съ другими бумагами, не остается сомнѣнія, что они вышли изъ-подъ редакціи не самозванки, а другого лица, лучше ея владѣвшаго французскимъ языкомъ. Одинъ изъ документовъ (духовное завѣщаніе императрицы Елизаветы Петровны) найденъ въ бумагахъ принцессы въ двухъ экземплярахъ: одинъ переписанъ ея рукой, а на другомъ, съ котораго, вѣроятно, она списывала копіи, находится ея собственноручная надпись: «*Testament d'Elisabeth, Princesse impériale de toutes les Russies*». По удостовѣренію составителя *Записки о Самозванкѣ*, помѣщенной въ *Чтеніяхъ*, почеркъ послѣдняго не имѣетъ сходства ни съ почеркомъ князя Лимбурга, ни съ почеркомъ лицъ, составлявшихъ его общество, стало быть, означенные документы были писаны не въ Оберштейнѣ. По всей вѣроятности, они были приготовлены поляками заблаговременно и вручены принцессѣ въ Рагузѣ. Можетъ быть, это была работа Доманскаго или Чарномскаго. Такъ полагаетъ графъ В. Н. Панинъ, доставившій свѣдѣнія о самозванкѣ въ Императорское Общество Исторіи и Древностей.

Вручившіе принцессѣ копіи съ духовныхъ завѣщаній увѣрили ее, что русскіе подлинники хранятся въ надежныхъ рукахъ. Такъ впослѣдствіи сама она писала графу Орлову.

Документы эти состояли изъ подложныхъ духовныхъ завѣщаній Петра I и Елизаветы Петровны и изъ экстракта дѣйствительнаго завѣщанія Екатерины I.

[1]) Два экземпляра завѣщанія Петра I, экземпляръ завѣщанія Екатерины I и одинъ изъ двухъ экземпляровъ завѣщанія Елизаветы Петровны переписаны рукой самой самозванки.

Завѣщаніе Петра I состоитъ изъ шести пунктовъ. Первымъ назначается преемницей императорскаго престола Екатерина (la czarine), въ остальныхъ находятся слѣдующія распоряженія: Екатеринѣ наслѣдуетъ великій князь Петръ Алексѣевичъ и его потомство, а дочери ея получаютъ завоеванныя Петромъ области: островъ Эзель, Эстляндію и Лифляндію, а также доходъ съ рижской таможни. Великій князь Петръ Алексѣевичъ долженъ жениться на принцессѣ изъ дома Любекскаго. Если онъ не оставитъ потомства, русская корона переходитъ къ Аннѣ Петровнѣ и ея наслѣдникамъ, съ тѣмъ, однако, что тотъ изъ нихъ, кто будетъ на шведскомъ престолѣ, не можетъ быть русскимъ императоромъ. Если Анна Петровна не оставитъ наслѣдниковъ, престолъ переходитъ къ Елизаветѣ Петровнѣ и ея потомству.

Экстрактъ изъ духовнаго завѣщанія Екатерины I во всемъ согласенъ съ дѣйствительнымъ завѣщаніемъ этой императрицы.

Вотъ мнимое завѣщаніе императрицы Елизаветы Петровны.

„Елизавета *Петровна* (?), дочь моя, наслѣдуетъ мнѣ и управляетъ Россіей такъ же самодержавно, какъ и я управляла. Ей наслѣдуютъ дѣти ея, если же она умретъ бездѣтною—потомки Петра, герцога Голштинскаго [1]).

„Во время малолѣтства дочери моей Елизаветы, герцогъ Петръ Голштинскій будетъ управлять Россіей съ тою же властію, съ какою я управляла. На его обязанность возлагается воспитаніе моей дочери; преимущественно она должна изучить русскіе законы и установленія. По достиженіи ею возраста, въ которомъ можно будетъ ей принять въ свои руки бразды правленія, она будетъ всенародно признана Императрицею Всероссійскою, а герцогъ Петръ Голштин-

[1]) Императоръ Петръ III.

скій пожизненно сохранитъ титулъ императора, и если принцесса Елизавета, великая княжна Всероссійская, выйдетъ замужъ, то супругъ ея не можетъ пользоваться титуломъ императора ранѣе смерти Петра, герцога Голштинскаго. Если дочь моя не признаетъ нужнымъ, чтобы супругъ ея именовался императоромъ, воля ея должна быть исполнена какъ воля самодержицы. Послѣ нея престолъ принадлежитъ ея потомкамъ, какъ по мужской, такъ и по женской линіи.

„Дочь моя Елизавета учредитъ (верховный) совѣтъ и назначитъ членовъ его. При вступленіи на престолъ она должна возстановить прежнія права этого совѣта. Въ войскѣ она можетъ дѣлать всякія преобразованія, какія пожелаетъ. Черезъ каждые три года всѣ присутственныя мѣста, какъ военныя, такъ и гражданскія, должны представлять ей отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ, а также счеты. Все это разсматривается въ совѣтѣ дворянъ (Conseil des Nobles), которыхъ назначитъ дочь моя Елизавета.

„Каждую недѣлю должна она давать публичную аудіенцію. Всѣ просьбы подаются въ присутствіи императрицы, и она одна производитъ по нимъ рѣшенія. Ей одной предоставляется право отмѣнять или измѣнять законы, если признаетъ то нужнымъ.

„Министры и другіе члены совѣта рѣшаютъ дѣла по большинству голосовъ, но не могутъ приводить ихъ въ исполненіе до утвержденія постановленія ихъ императрицею Елизаветою Второй.

„Завѣщаю, чтобы русскій народъ всегда находился въ дружбѣ съ своими сосѣдями. Это возвыситъ богатство народа, а безполезныя войны ведутъ лишь къ уменьшенію народонаселенія.

„Завѣщаю, чтобъ Елизавета послала посланниковъ ко всѣмъ дворамъ, и каждые три года перемѣняла ихъ.

„Никто изъ иностранцевъ, а также изъ непринадлежащихъ къ православной церкви, не можетъ занимать министерскихъ и другихъ важныхъ государственныхъ должностей.

„Совѣтъ дворянъ назначаетъ уполномоченныхъ ревизоровъ, которые будутъ черезъ каждые три года обозрѣвать отдаленныя провинціи и вникать въ мѣстное положеніе дѣлъ духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ, въ состояніе таможенъ, рудниковъ и другихъ принадлежностей короны.

„Завѣщаю, чтобы губернаторы отдаленныхъ провинцій, Сибири, Астрахани, Казани и др., отъ времени до времени представляли отчеты по своему управленію въ высшія учрежденія въ Петербургъ или въ Москву, если въ ней Елизавета утвердитъ свою резиденцію.

„Если кто сдѣлаетъ какое-либо открытіе, клонящееся къ общенародной пользѣ или къ славѣ императрицы, тотъ о своемъ открытіи секретно представляетъ министрамъ и, шесть недѣль спустя, въ канцелярію департамента, завѣдывающаго тою частію; черезъ три мѣсяца послѣ того дѣло поступаетъ на рѣшеніе императрицы въ публичной аудіенціи, а потомъ въ продолженіе девяти дней объявляется всенародно съ барабаннымъ боемъ.

„Завѣщаю, чтобы въ азіатской Россіи были установлены особыя учрежденія для споспѣшествованія торговлѣ и земледѣлію и заведены колоніи, при непремѣнномъ условіи совершенной терпимости всѣхъ религій. Сенатомъ будутъ назначены особые чиновники для наблюденія въ колоніяхъ за каждою народностію. Поселены будутъ разнаго рода ремесленники, которые будутъ работать на императрицу и находиться подъ непосредственною ея защитой. За трудъ свой они будутъ вознаграждаемы ежемѣсячно изъ мѣстныхъ казначействъ. Всякое новое изобрѣтеніе будетъ вознаграждаемо по мѣрѣ его полезности.

„Завѣщаю завести въ каждомъ городѣ на счетъ казны народное училище. Черезъ каждые три мѣсяца мѣстные священники обозрѣваютъ эти школы.

„Завѣщаю, чтобы всѣ церкви и духовенство были содержимы на казенное иждивеніе.

„Каждый налогъ назначается не иначе, какъ самою дочерью моею Елизаветой.

„Въ каждомъ уѣздѣ ежегодно будетъ производимо исчисленіе народа, и черезъ каждые три года будутъ посылаемы на мѣста особые чиновники, которые будутъ собирать составленныя чиновниками переписи.

„Елизавета Вторая будетъ пріобрѣтать, промѣнивать, покупать всякаго рода имущества, какія ей заблагоразсудится, лишь бы это было полезно и пріятно народу.

„Должно учредить военную академію для обученія сыновей всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Отдѣльно отъ нея должна быть устроена академія граж-

данская. Дѣти будутъ приниматься въ академію девяти лѣтъ.

„Для подкидышей должны быть основаны особыя постоянныя заведенія. Для незаконнорожденныхъ учредить сиротскіе дома, и воспитанниковъ выпускать изъ нихъ въ армію или къ другимъ должностямъ. Отличившимся императрица можетъ даровать право законнаго рожденія, пожаловавъ кокарду красную съ черными каймами и грамоту за собственноручнымъ подписаніемъ и приложеніемъ государственной печати.

„Завѣщаю, чтобы вся русская нація отъ перваго до послѣдняго человѣка исполнила сію нашу послѣднюю волю и чтобы всѣ, въ случаѣ надобности, поддерживали и защищали Елизавету, мою единственную дочь и единственную наслѣдницу Россійской Имперіи.

„Если до вступленія ея на престолъ будетъ объявлена война, заключенъ какой-либо трактатъ, изданъ законъ или уставъ, все это не должно имѣть силы, если не будетъ подтверждено согласіемъ дочери моей Елизаветы, и все можетъ быть отмѣнено силою ея высочайшей воли.

„Предоставляю ея благоусмотрѣнію уничтожать и отмѣнять все сдѣланное до вступленія ея на престолъ.

„Сіе завѣщаніе заключаетъ въ себѣ послѣднюю мою волю. Благословляю дочь мою Елизавету во имя Отца и Сына и Святаго Духа“.

Съ первыхъ же дней пребыванія въ Рагузѣ, графиня Пиннебергъ, на ежедневныхъ обѣдахъ въ ея квартирѣ, такъ разсказывала французскимъ и польскимъ сотрапезникамъ исторію своихъ приключеній: «Я дочь императрицы Елизаветы Петровны отъ брака ея съ казацкимъ гетманомъ (grand hetman de tous les Cosaques [1]), княземъ Разумовскимъ. Я родилась въ 1753 году

[1]) Отецъ княжны Таракановой никогда не былъ казацкимъ гетманомъ; въ это званіе избранъ въ 1750 году и утвержденъ въ немъ императрицей меньшой братъ его, графъ Кириллъ Григорьевичъ. Оба Разумовскіе были только графами, а не князьями. Княжеское достоинство изъ Разумовскихъ получилъ сынъ гетмана, графъ Андрей Кирилловичъ, первый посолъ на Вѣнскомъ конгрессѣ ноября 24-го. 1814 года.

и до девятилѣтняго возраста жила при матери. Когда она скончалась, правленіе Русскою Имперіей принялъ племянникъ ея, принцъ Голштейнъ-Готторпскій, и, согласно завѣщанію моей матери, былъ провозглашенъ императоромъ подъ именемъ Петра III. Я должна была лишь по достиженіи совершеннолѣтія вступить на престолъ и надѣть русскую корону, которой не надѣлъ Петръ, не имѣя на то права. Но черезъ полгода по смерти моей матери, жена императора, Екатерина, низложила своего мужа, объявила себя императрицей и короновалась въ Москвѣ мнѣ принадлежащею, древнею короной царей московскихъ и всея Россіи. Лишенный власти императоръ Петръ, мой опекунъ, умеръ. Меня, девятилѣтняго ребенка, сослали въ Сибирь. Тамъ я пробыла годъ. Одинъ священникъ сжалился надъ моею судьбой и освободилъ меня изъ заточенія. Онъ вывезъ меня изъ Сибири въ главный городъ донскихъ казаковъ (la capitale de Donskoï). Друзья отца моего укрыли меня въ его домѣ, но обо мнѣ узнали, и я была отравлена. Принятыми своевременно медицинскими средствами была я, однако, возвращена къ жизни. Чтобъ избавить меня отъ новыхъ опасностей, отецъ мой, князь Разумовскій, отправилъ меня къ своему родственнику, шаху Персидскому [1]). Шахъ осыпалъ меня благодѣяніями, пригласилъ изъ Европы учителей разныхъ наукъ и искусствъ и далъ мнѣ, сколько было возможно, хорошее воспитаніе. Въ это же время научилась я разнымъ языкамъ, какъ европейскимъ, такъ и восточнымъ. До семнадцатилѣтняго возраста (1760 г.) не знала я тайны моего рожде-

[1]) Въ письмѣ къ англійскому посланнику въ Неаполѣ, сэръ-Вильямсу Гамильтону изъ Рима, отъ 12-го декабря 1774 года, принцесса называетъ этого шаха Жамасъ: «Schah Jamas était encore roi de Perse.» Можетъ быть, она хотѣла сказать Тахмасъ (Надиръ-шахъ), но онъ умеръ ранѣе этого времени.

нія; когда же достигла этого возраста, персидскій шахъ открылъ ее мнѣ и предложилъ свою руку. Какъ ни блистательно было предложеніе, сдѣланное мнѣ богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ государемъ Азіи, но какъ я должна бы была, въ случаѣ согласія, отречься отъ Христа и православной вѣры, къ которой принадлежу съ рожденія, то и отказались отъ сдѣланной мнѣ чести. Шахъ, надѣливъ меня богатствами, отправилъ меня въ Европу, въ сопровожденіи знаменитаго своею ученостью и мудростью Гали. Я переодѣлась въ мужское платье, объѣздила всѣ наши (живущіе въ Россіи) народы христіанскіе и нехристіанскіе, проѣхала черезъ всю Россію, была въ Петербургѣ и познакомилась тамъ съ нѣкоторыми знатными людьми, бывшими друзьями покойнаго отца моего. Отсюда отправилась я въ Берлинъ, сохраняя самое строгое инкогнито, здѣсь была принята королемъ Фридрихомъ II и начала называться принцессой. Тутъ умеръ Гали, я отправилась въ Лондонъ, оттуда въ Парижъ, наконецъ, въ Германію, гдѣ пріобрѣла покупкой у князя Лимбурга графство Оберштейнъ. Здѣсь я рѣшилась ѣхать въ Константинополь, чтобъ искать покровительства и помощи султана. Приверженцы мои одобрили такое намѣреніе, и я отправилась въ Венецію, чтобы вмѣстѣ съ княземъ Радзивиломъ ѣхать въ столицу султана».

Свита князя Радзивила, состоявшая изъ восьмидесяти офицеровъ, была въ восхищеніи отъ разсказовъ графини Пиннебергъ. Французскіе искатели приключеній и польская шляхта уже мечтали о почестяхъ и богатствахъ, ожидающихъ ихъ въ Петербургѣ, если, при ихъ содѣйствіи, очаровавшая всѣхъ милою любезностію, своимъ умомъ и разнообразными талантами ежедневная ихъ собесѣдница надѣнетъ на свою красивую головку русскую императорскую корону. Нельзя

думать, чтобы *всѣ* эти люди знали о самозванствѣ принцессы и такимъ образомъ сознательно участвовали въ обманѣ. Вполнѣ владѣли тайной, конечно, только князь Радзивилъ да самые ближайшіе его совѣтники.

Графиня Пиннебергъ увѣряла, что въ Россіи есть сильная партія, преданная ей и желающая видѣть ее на престолѣ. Во главѣ этой партіи, по словамъ ея, находится родной братъ ея, князь Разумовскій, извѣстный подъ именемъ Пугачева. По словамъ ея, Пугачевъ былъ сынъ князя Разумовскаго отъ перваго брака. Такъ писала самозванка верховному визирю. Другимъ принцесса говорила, что Пугачевъ человѣкъ знатнаго происхожденія, изъ донскихъ казаковъ, искусный генералъ, хорошій математикъ и отличный тактикъ, одаренный замѣчательнымъ талантомъ привлекать къ себѣ народныя толпы, потому что умѣетъ убѣдительно говорить съ простонародьемъ. «Когда Разумовскій, отецъ мой, продолжала она, пріѣхалъ въ Петербургъ, этотъ Пугачевъ, тогда еще очень молодой человѣкъ, находился въ его свитѣ. Императрица Елизавета Петровна пожаловала Разумовскому Андреевскую ленту и сдѣлала его великимъ гетманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, а Пугачева назначила пажемъ при своемъ дворѣ. Замѣтивъ, что молодой человѣкъ выказываетъ большую склонность къ изученію военнаго искусства, она отправила его въ Берлинъ, гдѣ онъ и получилъ блистательное военное образованіе». Еще находясь въ Берлинѣ, Пугачевъ, по разсказамъ принцессы, дѣйствовалъ, насколько было ему возможно, въ пользу своей сестры, законной наслѣдницы русскаго престола, скрывавшейся подъ разными именами сначала въ Персіи, а потомъ въ разныхъ государствахъ Европы. Въ свою очередь, дѣйствовалъ въ ея пользу и персидскій шахъ, другой ея родственникъ и воспитатель. Такъ какъ Персія ведетъ обширную торговлю со всѣми восточ-

ными странами и въ томъ числѣ съ азіатскими провинціями Русской Имперіи, то шахъ, посредствомъ торговцевъ, успѣлъ склонить на сторону «великой княжны Елизаветы» многихъ изъ обитателей этихъ провинцій. Съ одной стороны шахъ, съ другой—князь Разумовскій подъ именемъ Пугачева тайными путями успѣли, наконецъ, привлечь все населеніе сосѣднихъ съ Персіей и другихъ восточныхъ областей Россіи на ея сторону. Тогда, чтобы быть въ безопасности, она поѣхала въ Европу, а Пугачевъ, оставивъ Берлинъ, сталъ во главѣ населенія, возставшаго противъ Екатерины. Онъ рѣшился на этотъ подвигъ, говорила «великая княжна Елизавета», чтобъ избавить множество невинно сосланныхъ Екатериной, томившихся въ хижинахъ Сибири. Когда восточныя провинціи возстали, желая видѣть на престолѣ Елизавету II, Пугачевъ объявилъ себя регентомъ Имперіи. Такъ какъ, по смыслу завѣщанія императрицы Елизаветы Петровны, регентомъ назначенъ былъ принцъ Петръ Голштинскій съ титломъ императора, то и Пугачевъ офиціально принялъ на себя имя Петра и титулъ императора. Но главная цѣль его возстанія состоитъ въ возведеніи на престолъ сестры своей, законной наслѣдницы русскаго престола. Такъ какъ она достигла уже совершеннолѣтія, то онъ, свергнувъ съ престола Екатерину, немедленно передастъ ей самодержавную власть надъ всѣми областями Русской Имперіи.

Такія росказни разсказывала въ Рагузѣ «принцесса Владимірская». Несмотря на очевидную ихъ сказочность, имъ вѣрили, и обо всемъ разсказываемомъ принцессою распространяли слухи по Европѣ. Нѣкоторые изъ этихъ слуховъ нашли себѣ мѣсто на столбцахъ *Франкфуртской* и *Утрехтской* газетъ. Герцогъ Ларошфуко и графъ Бюсси, пріѣзжавшіе въ Оберштейнъ къ скучавшему по своей подругѣ князю Лимбургу,

увѣряли его, что въ парижскихъ салонахъ много толкуютъ о принцессѣ и представляютъ будущность ея въ самомъ блестящемъ видѣ, ибо полагаютъ за несомнѣнное, что она, по законно ей принадлежащему праву, рано или поздно надѣнетъ корону Россійской Имперіи [1]. Въ *Gazette d'Utrecht* [2] была напечатана корреспонденція изъ Неаполя отъ 4-го августа, въ которой много говорилось о почестяхъ, оказываемыхъ въ Рагузѣ «польскимъ княземъ» — «неизвѣстной принцессѣ».

Въ самой Рагузѣ слухъ о наслѣдницѣ русскаго престола, «Елизаветѣ II», сдѣлался до того общимъ, что тамошній сенатъ встревожился. Хотя Рагузская республика и была недовольна Екатериной, но сенаторы не могли не опасаться вредныхъ для ихъ отечества послѣдствій, если русское правительство обратитъ серіозное вниманіе на происки претендентки. Въ такомъ случаѣ, слабой республикѣ, которой русскіе уже одинъ разъ дали сильный урокъ, предстояла бы неминуемая опасность. Рагузскій сенатъ отнесся въ Петербургъ къ своему повѣренному по дѣламъ о домогательствахъ неизвѣстной женщины, называющей себя «великою княжной Всероссійской», предписавъ сообщить объ этомъ графу Никитѣ Ивановичу Панину, завѣдывавшему иностранными дѣлами. Но Панинъ не счелъ нужнымъ придавать этому дѣлу какую-либо важность: онъ просилъ рагузскаго повѣреннаго увѣдомить сенатъ, что нѣтъ никакой надобности обращать вниманіе на «эту побродяжку».

Само собою разумѣется, что графъ Панинъ о сообщеніи рагузскаго сената докладывалъ императрицѣ, и самый отвѣтъ повѣренному данъ былъ по ея повелѣ-

[1] Де-Маринъ писалъ объ этомъ принцессѣ въ Рагузу.

[2] *Gazette d'Utrecht*, 1774 г. № 68.

нію. Екатерина не желала дѣлать изъ этого громкой исторіи и придумала иное средство уничтожить самозванку съ ея замыслами. Она рѣшилась безъ шума и огласки захватить ее въ чужихъ краяхъ. Для исполненія такого плана императрица избрала графа Алексѣя Орлова, котораго рѣшительность и находчивость въ подобныхъ случаяхъ были ей очень хорошо извѣстны.

XVI.

Въ первые дни пребыванія въ Рагузѣ, князь Радзивилъ и свита его относились къ «принцессѣ Елизаветѣ» чрезвычайно почтительно и соблюдали относительно нея строгій этикетъ. Она была центромъ польско-французской колоніи, жившей въ Рагузѣ, самъ «панъ коханку», казалось, отошелъ на второй планъ. Опутанная сѣтями интриги, искусно сплетенной поляками, при несомнѣнномъ участіи достопочтенныхъ отцовъ іезуитовъ, такъ называемая великая княжна, не зная ничего положительнаго о своемъ рожденіи, отчасти сама вѣрила тому, что́ о ней разсказывали и что́, съ голосу совѣтниковъ, сама она разсказывала и писала къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ и даже къ государямъ. Оказываемое ей почтеніе принимала она какъ должное, и къ самому Радзивилу стала относиться съ тономъ покровительства. Вѣроятно, «пану коханку» наскучила эта комедія, при томъ же получавшіяся извѣстія о мирныхъ переговорахъ Порты съ Россіей и о пораженіи Пугачева разрушили надежды поляковъ; такъ или иначе отношенія князя Радзивила къ принцессѣ вскорѣ измѣнились. Іюля 23-го, въ письмѣ къ князю Лимбургу, принцесса уже жаловалась на Радзивила. Она хотѣла напечатать въ газетахъ прокламацію о притязаніяхъ своихъ на русскую корону,

хотѣла обнародовать завѣщаніе императрицы Елизаветы Петровны, на Радзивилъ тайно этому воспрепятствовать: увѣрилъ принцессу, что онъ отправилъ статьи къ журналистамъ, а въ самомъ дѣлѣ уничтожилъ ихъ.

Еще изъ Венеціи отправленъ былъ Радзивиломъ въ Константинополь одинъ изъ его агентовъ, Радзишевскій. Ему поручено было собрать нужныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и испросить у султана фирманъ на поѣздку Радзивила съ поляками и французами въ Турцію. Долго Радзишевскій не возвращался, и въ Рагузѣ не имѣли никакихъ достовѣрныхъ извѣстій съ театра войны. Наконецъ, получено было письмо Радзишевскаго Онъ писалъ изъ Адріанополя, отъ 13-го іюля (2-го по старому стилю, то есть за восемь дней до заключенія Кучукъ-Кайнарджискаго мира), что турецкая армія находится въ самомъ жалкомъ состояніи, средства Турціи истощены, и, устрашенная побѣдами русскихъ, она склоняется къ миру. Полякамъ, находящимся въ турецкомъ лагерѣ,—писалъ агентъ Радзивила,—очень плохо, а Версальскій дворъ, на который возлагали такую надежду польскіе конфедераты, самъ предложилъ теперь султану свое посредничество для заключенія мира съ Екатериной. Что касается до фирмана Радзивилу и его свитѣ, онъ не былъ изготовленъ, и потому Радзишевскій, не могъ и хлопотать о выдачѣ собравшимся въ Рагузѣ какого-либо пособія со стороны Порты—деньгами или жизненными припасами. Невыдача фирмана произошла, впрочемъ, вслѣдствіе интригъ самихъ поляковъ. Находившійся при турецкомъ войскѣ офиціальный агентъ польской конфедераціи Косаковскій сильно интриговалъ въ Портѣ, чтобы не выдавали князю Радзивалу фирмана, и вполнѣ успѣлъ въ своихъ проискахъ. Радзивилъ не сообщилъ письма Радзишевскаго окружавшимъ его; онъ еще надѣялся

перехитрить Косаковскаго, достать султанскій фирманъ, и, пріѣхавъ въ Константинополь, возбудить турокъ къ продолженію войны съ Россіей. Сообщилъ ли онъ извѣстія, полученныя отъ Радзишевскаго, принцессѣ— неизвѣстно, но съ этого времени она въ письмахъ своихъ въ Германію стала настойчиво увѣрять, что слухи о предлагаемомъ мирѣ Турціи съ Россіей и о пораженіи Пугачева не имѣютъ никакого основанія, что, напротивъ, все благопріятствуетъ ея предпріятію, и что она въ скоромъ времени отправится въ Константинополь и присоединится къ турецкой арміи.

Между тѣмъ, въ Кучукъ-Кайнарджи происходили мирные переговоры. Извѣстіе объ этомъ, хотя и не скоро, достигло Рагузы. Радзивилъ увидѣлъ, что предпріятіе его рушилось, и сталъ придумывать средства, какъ бы выйти изъ комическаго положенія, въ которое онъ поставилъ себя передъ всею Европой, а особенно передъ поляками. Но принцесса не унывала. Самообольщенная до крайней степени, она еще надѣялась отклонить султана отъ ратификаціи мира предложеніемъ своей помощи. Доходившіе до нея слухи о всеобщемъ недовольствѣ въ Турціи условіями Кучукъ-Кайнарджискаго мира, о томъ, что султанъ Ахметъ и его правительство смотрятъ на него лишь какъ на кратковременное перемиріе, и что Порта, при первомъ удобномъ случаѣ, намѣрена нарушить его и начать новую войну противъ Екатерины—была совершенно справедливы. Они то и поддерживали увѣренность «принцессы Елизаветы» въ успѣхѣ ея предпріятія. Она написала къ султану Ахмеду (24-го августа) письмо, въ которомъ, объявляя себя законною наслѣдницей русскаго престола, просила снадбить ее и князя Радзивила фирманомъ. «Принцесса Елизавета, дочь покойной Императрицы Всероссійской Елизаветы Петровны,—писала она,—умоляетъ императора Оттома-

новъ о покровительствѣ». Далѣе она упоминала, что несчастія, доселѣ преслѣдовавшія ее, препятствовали ей занять принадлежащій ей престолъ: ссылка въ Сибирь была первымъ препятствіемъ, затѣмъ ее отравили, и приверженцы принцессы долгое время отчаивались за ея жизнь, наконецъ, она бѣжала къ родственнику своего отца, казацкаго гетмана, и теперь, соединясь въ Венеціи съ княземъ Карломъ Радзивиломъ, ожидаетъ въ Рагузѣ султанскаго фирмана. Предлагая союзъ Портѣ, принцесса увѣряла султана, что имѣетъ въ Россіи много приверженцевъ, которые уже одержали значительныя побѣды надъ войсками Екатерины, и что русскій флотъ, находящійся въ Средиземномъ морѣ, въ самомъ непродолжительномъ времени призна́етъ ее императрицей, что она уже послала въ Ливорно воззваніе къ морякамъ. Склоняя султана къ союзу, принцесса говорила, что Швеція, которой она уступаетъ нѣкоторыя изъ завоеванныхъ у нея провинцій, присоединится къ ихъ союзу, равно и Польша, которую они сообща возстановятъ въ старинныхъ ея предѣлахъ. Подъ письмомъ она подписала: «*Вашего Императорскаго Величества вѣрный другъ и сосѣдка Елизавета*» (De votre majesté impériale la fidèle amie et voisine Elisabeth).

Копія съ этого письма къ султану послана была принцессой, при весьма привѣтливомъ письмѣ, къ верховному визирю. Она просила его переслать эту копію къ «сыну Разумовскаго, monsieur de Puhaczew», и оказывать ему всевозможную помощь [1]). Еще не зная, что «любезный братецъ ея», Пугачевъ, въ это время уже разбитый и по пятамъ преслѣдуемый Михельсономъ, бѣжалъ въ заволжскія степи, гдѣ вскорѣ и выданъ былъ сообщниками своими коменданту Яицкаго

[1]) Письмо принцессы къ верховному визирю находится теперь у извѣстнаго піаниста Аполлинарія Контскаго.

городка, «великая княжна Елизавета», посылкой къ нему копіи съ письма своего къ султану, хотѣла, вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ связать предпріятіе свое съ дѣломъ самозванца, возмутившаго восточныя области Европейской Россіи [1]).

Письма были отправлены въ Константинополь. Князь Радзивилъ, при перемѣнѣ обстоятельствъ, не желая компрометтировать себя предъ султаномъ и предъ лицомъ всей Европы, приказалъ находившемуся въ Царьградѣ своему агенту не отдавать по назначенію посланій «великой княжны Всероссійской». Она этого не знала и съ нетерпѣніемъ ожидала султанскаго фирмана.

XVII.

Принцесса Елизавета, говоря въ письмѣ къ повелителю Османовъ, что она послала воззваніе къ русскому флоту, находившемуся въ Ливорно, сказала правду. Дѣйствительно, еще за четыре дня до отправленія письма къ султану (18-го августа 1774 года), она набросала мысли для составленія воззванія къ рус-

[1]) Въ то время, какъ въ Россіи, такъ и за границей, ходили слухи о сношеніяхъ турецкаго правительства съ Пугачевымъ. Вольтеръ, въ письмѣ къ императрицѣ Екатеринѣ II (2-го февраля 1774 года), говоритъ, что, повидимому, Пугачевское возмущеніе затѣяно кавалеромъ Тоттомъ (который во время войны турокъ съ Россіей устраивалъ имъ артиллерію, лилъ пушки, укрѣплялъ города и пр.). О сношеніяхъ турецкихъ сановниковъ и г. Тотта съ Пугачевымъ говорилось и въ европейскихъ газетахъ. Екатерина, отвѣчая Вольтеру (4-го марта 1774 года), писала: «однѣ только газеты распространяютъ молву о разбойникѣ Пугачевѣ; онъ не имѣетъ съ г. Тоттомъ ни явного, ни тайнаго сношенія. Я, съ своей стороны, презираю, какъ пушки, выливаемыя однимъ изъ нихъ, такъ и предпріятіе другого. Впрочемъ, Пугачевъ и Тоттъ имѣютъ между собой одно общее: одинъ готовитъ себѣ петлю изъ пеньковой веревки, а другой подвергается опасности получить въ подарокъ петлю шелковую». Принцесса, жадно ловившая всѣ газетныя новости, знала, конечно, о разглашавшейся поддержкѣ Пугачева турками. Это, вѣроятно, и подало ей мысль установить сношенія съ «любезнымъ братцемъ» черезъ перваго сановника Оттоманской имперіи.

скимъ морякамъ и написала письмо къ графу Алексѣю Орлову. Запечатавъ то и другое въ одинъ пакетъ, она передала его новому своему любовнику, варварійскому капитану Гассану, который долженъ былъ доставить его въ Венецію англичанину Монтегю. Въ письмѣ къ Монтегю, принцесса просила его доставить прилагаемый пакетъ графу Орлову и прислать ей денегъ, въ которыхъ она нуждалась. Монтегю взялся исполнить ея порученіе относительно пересылки пакета, но денегъ достать не могъ. Отвѣчая ей, онъ совѣтовалъ быть какъ можно осторожнѣе съ французскими офицерами, находившимся въ Рагузѣ, присовокупляя, что французскій резидентъ при Венеціанской республикѣ вдругъ перемѣнилъ тонъ и сталъ отзываться о принцессѣ чрезвычайно странно и, какъ кажется, дѣлаетъ это по приказанію Версальскаго двора.

Въ *манифестикѣ*, какъ называла принцесса бумагу, посланную къ графу Орлову, набросаны были мысли, развить которыя долженъ былъ самъ графъ Орловъ въ большомъ, въ офиціальномъ, такъ сказать, манифестѣ, назначенномъ для флотскаго экипажа. Вотъ этотъ манифестикъ: «Въ духовномъ завѣщаніи Императрицы Всероссійской Елизаветы, сдѣланномъ въ пользу дочери ея, Елизаветы *Петровны* (?), сказано: «дочь моя, Елизавета Петровна, наслѣдуетъ мнѣ и будетъ управлять такъ же самодержавно, какъ и я управляла». Принцесса Елизавета не могла доселѣ обнародовать сего манифеста, потому что находилась въ заключеніи въ Сибири, была отравляема ядомъ, словомъ, подвергалась тысячѣ опасностей. Теперь, когда русскій народъ рѣшился поддерживать законныя права наслѣдницы престола, она признала благовременнымъ торжественно объявить, что ей принадлежатъ права наслѣдія, извѣстныя всей Европѣ. Духовное завѣщаніе, на которомъ основываются эти права, за-

ключаетъ въ себѣ статьи, направленныя къ благоденствію народа русскаго. Всѣ вѣрные наши подданные рѣшились принять сторону великой княжны, находившейся въ гоненіи со времени кончины матери ея, покойной Императрицы Елизаветы Петровны. Сіе и насъ побудило сдѣлать рѣшительный шагъ, дабы вывести народъ нашъ изъ настоящихъ его злоключеній на степень, подобающую ему среди народовъ сосѣднихъ, которые навсегда пребудутъ мирными нашими союзниками. Мы рѣшились на сіе, имѣя единственною цѣлію благоденствіе отечества и всеобщій покой. Божіею милостію, мы, Елизавета Вторая, принцесса Всероссійская, объявляемъ всенародно, что русскому народу предстоитъ одно изъ двухъ: стать за нее или противъ нея. Мы имѣемъ всѣ права на похищенный у насъ престолъ и въ непродолжительномъ времени обнародуемъ духовное завѣщаніе блаженной памяти императрицы Елизаветы Петровны, и тѣ, которые откажутся принести намъ вѣрноподданскую присягу, подвергнутся заслуженному наказанію, на основаніи законовъ, постановленныхъ самимъ народомъ и возстановленныхъ Петромъ I, Императоромъ Всероссійскимъ».

Вѣроятно, для того, чтобы скрыть до времени отъ Орлова настоящее свое мѣстопребываніе, принцесса подъ этимъ документомъ написала, что онъ посылается изъ средины Турціи, и въ письмѣ сказала, что онъ находится на турецкой эскадрѣ.

Къ графу Орлову она писала слѣдующее:

„Принцесса Елизавета Всероссійская желаетъ знать, чью сторону примете вы, графъ, при настоящихъ обстоятельствахъ? Духовное завѣщаніе блаженной памяти императрицы Елизаветы Петровны, составленное въ пользу дочери ея, цѣло и находится въ надежныхъ рукахъ. Князь Разумов-

скій, подъ именемъ Пугачева, находясь во главѣ нашей партіи, благодаря всеобщей преданности русскаго народа къ законнымъ наслѣдникамъ престола, имѣетъ блистательные успѣхи. Ободряемые этимъ, мы рѣшились предъявить права свои и выйти изъ печальнаго положенія, въ какое поставлены. Всему народу извѣстно, что принцесса Елизавета была сослана въ Сибирь и потомъ перенесла много другихъ бѣдствій. Избавясь отъ людей, посягавшихъ на самую жизнь ея, она находится теперь внѣ всякой опасности, ибо многіе монархи ее поддерживаютъ и оказываютъ ей свое содѣйствіе.

„Торжественно провозглашая законныя права свои на Всероссійскій престолъ, принцесса Елизавета обращается къ вамъ, графъ. Долгъ, честь, слава—словомъ, все обязываетъ васъ стать въ ряды ея приверженцевъ.

„Видя отечество разореннымъ войной, которая съ каждымъ днемъ усиливается, а если и прекратится, то развѣ на самое короткое время, внимая мольбамъ многочисленныхъ приверженцевъ, страдающихъ подъ тяжкимъ игомъ, принцесса, приступая къ своему дѣлу, руководится не однимъ своимъ правомъ, но и стремленіями чувствительнаго сердца. Она желала бы знать, примете ли вы, графъ, участіе въ ея предпріятіи.

„Если вы желаете перейти на нашу сторону, объявите манифестъ, на основаніи прилагаемыхъ при семъ статей. Если вы не захотите стать за насъ, мы не будемъ сожалѣть, что сообщили вамъ о своихъ намѣреніяхъ. Да послужитъ это вамъ удостовѣреніемъ, что мы дорожили вашимъ участіемъ. Прямодушный характеръ вашъ и обширный умъ внушаетъ намъ желаніе видѣть васъ въ числѣ своихъ. Это желаніе искренно, и оно тѣмъ болѣе должно быть лестно для васъ, графъ, что идетъ не отъ коварныхъ людей, преслѣдующихъ невинныхъ.

„Мы находимся въ союзѣ съ имперіей Оттоманскою. Не вдаваясь въ подробныя разсужденія о нашемъ предпріятіи, торжественно, предъ лицомъ всего міра, возвѣстимъ о себѣ, о томъ, какъ похитили у насъ корону, какъ хотѣли погубить насъ, и какъ правосудный Богъ чудеснымъ образомъ исхитилъ насъ изъ рукъ враговъ, посягавшихъ на жизнь нашу. Нужнымъ считаемъ присовокупить, что всѣ попытки противъ насъ, которыя бы въ настоящее время враги наши вздумали предпринять, будутъ безуспѣшны, ибо мы без-

опасны, находясь въ Турецкой имперіи на эскадрѣ его величества, султана.

„Какое рѣшеніе примете вы, графъ, мы узнаемъ изъ реляцій, которыя будутъ вами опубликованы. Отъ васъ зависитъ стать на ту или другую сторону, но можете судить, какъ высоко будемъ мы цѣнить заслугу вашу, если вы перейдете въ ряды нашихъ приверженцевъ. Мы бы никогда не рѣшились отыскивать корону, если бы друзья покойной императрицы Елизаветы Петровны не умоляли насъ о томъ. На основаніи законовъ, считая себя въ правѣ начать сіе предпріятіе, мы тѣмъ паче считаемъ себя къ тому обязанными, что видимъ несчастіе цѣлаго народа русскаго, ввергнутаго въ бездну злоключеній со времени кончины императрицы Елизаветы Петровны. Вы понимаете, графъ, что мы не обязаны писать вамъ такъ откровенно, но мы полагаемся на ваше благоразуміе и правильный взглядъ на вещи. Они убѣдятъ васъ, что причины, вызвавшія насъ къ дѣйствію, вполнѣ законны и совершенно достаточны для того, чтобы возбудить русскихъ къ исполненію ихъ долга передъ отечествомъ и передъ самими собой: ихъ святой долгъ — поддержать права законной наслѣдницы русскаго престола, которая стремится къ нему съ единственною цѣлію сдѣлать счастливымъ страдающій народъ свой. Вполнѣ уповаемъ на успѣхъ нашего начинанія. Главное сдѣлано, остается лишь торжественно объявить о себѣ.

„Увѣренные въ вашей честности, графъ, имѣли мы намѣреніе лично побывать въ Ливорно, но обстоятельства тому воспрепятствовали. Неоднократно доказанная вами при разныхъ обстоятельствахъ честность свидѣтельствуетъ о прекрасномъ вашемъ сердцѣ. Подумайте, графъ, поразмыслите: если присутствіе наше въ Ливорно, по вашему мнѣнію, нужно, увѣдомьте насъ о томъ съ подателемъ этого письма. Онъ не знаетъ отъ кого и откуда привезено имъ письмо, и и потому можете ему довѣрить отвѣтъ, а чтобы не возбуждать его любопытства, адресуйте на имя г. Флотирана—это мой серкетарь.

„Завѣщаніе императрицы Елизаветы Петровны сдѣлано въ пользу одной ея дочери, въ немъ не упоминается о моемъ братѣ. Было бы слишкомъ долго объяснять здѣсь причину этого, достаточно сказать, что онъ въ настоящее время предводительствуетъ племенами, всегда вѣрными за-

коннымъ своимъ государямъ и теперь поддерживающими права Елизаветы II.

„Время дорого. Пора энергически взяться за дѣло, иначе русскій народъ погибнетъ. Сострадательное сердце наше не можетъ оставаться покойнымъ при видѣ его страданій. Не обладаніе короной побуждаетъ насъ къ дѣйствію, но кровь, текущая въ нашихъ жилахъ. Наша жизнь, полная несчастій и страданій, да послужитъ тому доказательствомъ. Впослѣдствіи дѣлами правленія мы еще болѣе докажемъ это. Вашъ безпристрастный взглядъ на вещи, графъ, достойно оцѣнитъ сіи слова наши.

„Если вы считаете благовременнымъ распространеніе сущности прилагаемаго при семъ манифестика (ce petit manifeste), то располагайте имъ по своему усмотрѣнію, можете въ немъ прибавлять и убавлять, что хотите, но предварительно разузнайте хорошенько расположеніе умовъ. Если сочтете нужнымъ перемѣнить мѣсто вашего пребыванія, сдѣлайте это, ибо вы лучше знаете обстоятельства, могущія мѣшать успѣху нашего предпріятія.

„Удостовѣряемъ васъ, графъ, что въ какихъ бы обстоятельствахъ вы ни находились, во всякое время вы найдете въ насъ опору и защиту. Было бы излишне говорить о нашей къ вамъ признательности: она есть неотъемлемая принадлежность чувствительнаго сердца. Просимъ вѣрить искренности чувствъ нашихъ".

Ни подписи, ни означенія мѣста и дня на этомъ письмѣ не было.

XVIII.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ имѣлъ подъ главнымъ начальствомъ своимъ русскій флотъ, плававшій въ Средиземномъ морѣ подъ флагомъ флагмана, контръ-адмирала Самуила Карловича Грейга. Въ 1774 году этотъ флотъ или, вѣрнѣе сказать, эскадра находилась въ Адріатикѣ и стояла на рейдѣ города Ливорно. Здѣсь жилъ и Орловъ. Съ 1770 года Чесменскій герой неоднократно живалъ въ этомъ городѣ и имѣлъ

тамъ большія знакомства, особенно между англичанами. Съ англійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Ливорно, сэромъ Дикомъ, онъ былъ особенно въ короткихъ отношеніяхъ. Этотъ Дикъ оказывалъ намъ большія услуги во время войны нашей съ турками, и, по заключеніи мира въ Кучукъ-Кайнарджи, по ходатайству Орлова, получилъ Аннинскую ленту. [1]) Орловъ жилъ въ Италіи по-царски, въ его распоряженіи находились огромныя суммы для веденія военныхъ, дипломатическихъ и другихъ дѣлъ. При немъ находился огромный штатъ офицеровъ, сухопутныхъ и морскихъ, онъ набиралъ въ русскую службу способныхъ иностранцевъ, особенно изъ единоплеменныхъ славянъ, и по предоставленной ему императрицей власти, производилъ въ чины до штабъ-офицерскаго чина.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ графъ Орловъ получилъ пакетъ отъ Монтегю, онъ переѣхалъ изъ Ливорно въ Пизу, гдѣ и провелъ всю зиму 1774—1775 года. Ливорно мало представляло удовольствій, а Чесменскій герой любилъ пожить на славу. Полученное письмо и приложенный къ нему «манифестикъ» должны были не мало озадачить Орлова. Онъ, по собственнымъ словамъ его, [2]) до тѣхъ поръ не зналъ будто бы, что существуютъ на свѣтѣ дѣти, рожденныя императрицей Елизаветой отъ законнаго брака, и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о «всклепавшей на себя имя» принцессы Елизаветы. Болѣе четырехъ лѣтъ не бывъ въ Россіи (онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ лишь на самое короткое время, во время Фокшанскихъ переговоровъ),

[1]) Единственный примѣръ полученія англійскимъ подданнымъ русскаго ордена въ XVIII столѣтіи. Получилъ еще въ 1763 г. графъ Билау Александровскую ленту, но не какъ англичанинъ, а какъ камергеръ двора Брауншвейгъ-Люнебургскаго.

[2]) *Донесеніе императрицѣ Екатеринѣ графа Алексѣя Орлова* отъ 27-го сентября 1774 г.

Орловъ не зналъ хорошо обо всемъ, что́ дѣлается внутри ея: московскій чумный бунтъ 1771 года, цѣлый рядъ самозванцевъ, принимавшихъ на себя имя Петра III, яицкій бунтъ, наконецъ, Пугачевъ, все это было безъ него. Проницательный Орловъ догадывался, что пугачевскій бунтъ не безъ связи съ враждебными Россіи замыслами нѣкоторыхъ западныхъ державъ, и въ бытность свою въ Петербургѣ, во время начала пугачевщины, прямо говорилъ Екатеринѣ, что «онъ въ подозрѣніи, не замѣшались ли тутъ французы», поддерживавшіе и поляковъ. Теперь вдругъ получаетъ онъ письмо женщины, помышляющей о русской коронѣ. Она такъ положительно увѣряетъ его, что находится въ союзѣ съ султаномъ и имѣетъ пребываніе на его корабляхъ. Орловъ узнаетъ изъ этого письма, что нѣкорые государи европейскіе поддерживаютъ искательницу русской короны, что Пугачевъ дѣйствуетъ въ ея пользу, что онъ не простой казакъ, а князь Разумовскій. Это невольно должно было озадачить Орлова, хотя онъ и довольно на своемъ вѣку искусился въ политическихъ интригахъ.

Извѣстна дѣятельность братьевъ Орловыхъ во время переворота, совершившагося 28-го іюня 1762 года въ Петербургѣ. Болѣе всѣхъ другихъ оказали они усердія при возведеніи на престолъ Екатерины. И цѣлые десять лѣтъ они были самыми ближайшими ея совѣтниками, были всесильны, всемогущи. Но кредитъ ихъ сталъ падать съ 1772 года, когда Алексѣй находился въ Средиземномъ морѣ, а Григорій отправился съ царскою пышностью на конгрессъ въ Фокшаны. Пользуясь ихъ отсутствіемъ, противники ихъ, графъ Никита Ивановичъ Панинъ, Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій и другіе, успѣли найти соперника Григорію Орлову въ лицѣ молодого конногвардейскаго офицера, Александра Семеновича Василь-

чикова. Екатерина сдѣлала его своимъ камергеромъ и довѣреннымъ человѣкомъ. Григорій Орловъ встревожился, безъ разрѣшенія оставилъ конгрессъ и поскакалъ въ Петербургъ. Но его не допустили ко двору, и онъ, подъ предлогомъ карантина, долженъ былъ жить въ принадлежавшей ему Гатчинѣ. Ему предлагали подарки, угрожали мѣрами строгости, лишили его всѣхъ должностей, объявили ему повелѣніе отправиться въ путешествіе. Непреклонный Орловъ все отвергалъ, прося одного: личнаго объясненія съ императрицей. Дѣло уладилось: онъ получилъ княжескій Римской имперіи титулъ и явился при дворѣ. Но вліяніе Орловыхъ сильно поколебалось: новопожалованный князь уѣхалъ въ Ревель и прожилъ тамъ цѣлый годъ. Васильчиковъ былъ добрый, но весьма ограниченный человѣкъ. Хотя онъ и былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ выведшихъ его въ люди царедворцевъ, но не могъ совершенно уничтожить Орловыхъ. Въ апрѣлѣ 1774 года мѣсто его заступилъ Потемкинъ. Это былъ не дюжинный человѣкъ, какъ Васильчиковъ. Съ первыхъ же дней его возвышенія, кредитъ Орловыхъ палъ совершенно.

Но противникамъ Орловыхъ этого было недостаточно: имъ хотѣлось доконать ихъ. Стали нашептывать императрицѣ, что Орловы люди опасные, что они куютъ противъ нея крамолу и замышляютъ что то недоброе. Къ Алексѣю Орлову были подсылаемы разныя лица, убѣждавшія его измѣнить императрицѣ. Такъ, въ 1774 году, незадолго до полученія письма отъ мнимой великой княжны Елизаветы, онъ получилъ письмо отъ неизвѣстной госпожи изъ Пароса, которая хотѣла увлечь его въ измѣну. Получивъ отъ принцессы письмо съ приложеннымъ «манифестикомъ», онъ могъ подумать, что это новый подсылъ къ нему, направленный врагами его фамиліи, что «его хотятъ пробовать, до

чего вѣрность его простирается къ особѣ Ея Величества», какъ онъ выразился въ донесеніи своемъ къ императрицѣ.

Были въ то время толки (и до сихъ поръ они не прекратились), будто графъ Алексѣй Орловъ, оскорбленный паденіемъ кредита, самъ вошелъ въ сношенія съ самозванкой, принялъ искреннее участіе въ ея предпріятіи, хотѣлъ возвести ее на престолъ, чтобы, сдѣлавшись супругомъ императрицы Елизаветы II, достичь того положенія, къ которому тщетно стремился братъ его вскорѣ по воцареніи Екатерины.[1]. Но это не имѣетъ и тѣни вѣроятія. Какъ бы ни былъ недоволенъ Алексѣй Орловъ измѣнившеюся къ нему и къ брату его Екатериной, онъ не могъ рѣшиться на предпріятіе, не обѣщавшее ни малѣйшаго успѣха. Если ограниченный «пане коханку» и легкомысленные поляки, да не знавшіе Россіи иностранцы могли мечтать о возможности достиженія принцессой Владимірскою русскаго престола, то Орлову ли, хорошо знавшему ходъ дѣлъ и расположеніе умовъ въ Россіи, можно было увлечься до такой степени? Могъ ли русскій народъ признать своею государыней женщину, не знавшую по-русски, «великую княжну», о которой до

[1]) М. Н. Лонгиновъ въ статьѣ своей «Княжна Тараканова», напечатанной въ *Русском Вѣстникѣ* 1859 г., № 24, говоритъ, будто Алексѣй Орловъ, еще въ январѣ 1774 года, то есть за десять мѣсяцевъ до полученія повелѣнія Екатерины захватить самозванку (12-го ноября 1774 г.), посылалъ къ ней въ Римъ офицера Христенека съ приглашеніемъ пріѣхать къ нему, и что такимъ образомъ онъ въ 1774 году игралъ въ двойную игру. Это несправедливо: въ январѣ 1774 г. принцесса Владимірская находилась еще въ Германіи, и графъ Алексѣй Орловъ еще не имѣлъ о ней никакихъ свѣдѣній. Пребываніе ея въ Римѣ и сношенія съ ней Христенека относятся къ началу не 1774, а 1775 года. Впрочемъ, г. Лонгиновъ былъ введенъ въ заблужденіе *Русскою Бесѣдой*, отнесшею донесеніе Орлова императрицѣ отъ 5-го (16 го) января 1775 года къ тому же числу и мѣсяцу 1774 года (*Русская Бесѣда* 1859 г. № VI, стр. 69).

того никто не слыхивалъ, ибо ни о бракѣ императрицы Елизаветы, ни о рожденіи ею дочери, никогда не было объявлено, а если и ходили о томъ слухи, то одни имъ вѣрили, а другіе, составлявшіе громадное большинство, или не вѣрили, или вовсе не знали о существованіи княжны Таракановой? Всѣмъ памятно было объявленіе въ 1742 г. наслѣдникомъ русскаго престола великаго князя Петра Ѳеодоровича, котораго, до самой смерти Елизаветы, во всѣхъ церквахъ ежедневно поминали на эктеніяхъ какъ ея наслѣдника. Притязаніями своими принцесса Владимірская могла представить затрудненія Екатеринѣ, могла даже обезпокоить ее, но быть опасною никогда не могла. Не зная по-русски, она бы не могла даже разыграть роли Пугачева. Алексѣй Орловъ хорошо понималъ все это, и какъ скоро получилъ свѣдѣніе о существованіи самозванки, не дожидаясь повелѣній изъ Петербурга, принялъ мѣры, чтобъ овладѣть ею и отправить въ Россію. Этимъ, быть можетъ, онъ надѣялся хотя нѣсколько возстановить свой кредитъ.

Принцесса написала свой «манифестикъ» 18-го августа (7-го, по старому стилю). Съ письмомъ къ Орлову онъ былъ отправленъ изъ Рагузы сначала въ Венецію, оттуда при удобномъ случаѣ въ Ливорно, изъ Ливорно въ Пизу. Такимъ образомъ, ранѣе двадцатыхъ чиселъ сентября, по старому стилю, Орловъ не могъ получить письма «великой княжны Елизаветы». Что же онъ сдѣлалъ? Тотчасъ же (сентября 27-го) отправилъ и письмо, и манифестикъ къ императрицѣ.

Вотъ что, между прочимъ, онъ писалъ при этомъ случаѣ Екатеринѣ: »Желательно, Всемилостивѣйшая Государыня, чтобъ искорененъ былъ Пугачевъ, а лучше бы того, если бы пойманъ былъ живой, чтобъ изыскать чрезъ него сущую правду. Я все еще въ подозрѣніи,

не замѣшались ли тутъ французы, о чемъ я въ бытность мою докладывалъ, а теперь меня еще болѣе подтверждаетъ полученное мною письмо отъ неизвѣстнаго лица. Есть ли этакая (то есть дочь императрицы Елизаветы) или нѣтъ, я не знаю, а буде есть, и хочетъ не принадлежащаго себѣ, то-бъ я навязалъ камень ей на шею да въ воду. Сіе-жъ письмо прислано, изъ котораго ясно увидѣть изволите желаніе. Да мнѣ помнится, что и отъ Пугачева нѣсколько сходствовали въ слогѣ сему его обнародованія, а можетъ быть и то, что меня хотѣли пробовать, до чего моя вѣрность простирается къ особѣ Вашего Величества. Я-жъ на оное ничего не отвѣчалъ, чтобы чрезъ то не утвердить болѣе, что есть такой человѣкъ на свѣтѣ, и не подать о себѣ подозрѣнія. Еще извѣстіе пришло изъ Архипелага, что одна женщина пріѣхала изъ Константинополя въ Паросъ и живетъ въ немъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ на англійскомъ суднѣ, платя слишкомъ по тысячѣ піастровъ на мѣсяцъ корабельщику, и сказываетъ, что она дожидается меня; только за вѣрное еще не знаю; отъ меня же посланъ нарочно вѣрный офицеръ, и ему приказано съ оною женщиной переговорить, и буде найдетъ что-нибудь сомнительное, въ такомъ случаѣ обѣщалъ бы на словахъ мою услугу, а изъ-за того звалъ бы для точнаго переговора сюда, въ Ливорно. И мое мнѣніе, буде найдется такая сумасшедшая, *тогда, заманя ее на корабли, отослать прямо въ Кронштадтъ*, и на оное буду ожидать повелѣнія: какимъ образомъ повелите мнѣ въ ономъ случаѣ поступить, то все наиусерднѣйше исполнять буду». Изъ этого ясно видно, что планъ Орлова заманить самозванку на русскій корабль и отправить въ Кронштадтъ явился у него при первомъ извѣстіи о ея существованіи

Bayerische
Staatsbibliothek
München

XIX.

Отправивъ къ императрицѣ донесеніе, Орловъ послалъ находящагося въ русской службѣ серба, подполковника графа Марка Ивановича Войновича[1]), на особомъ фрегатѣ въ Паросъ, поручивъ ему войти въ личные переговоры съ таинственною женщиной. Орловъ предполагалъ, что эта женщина есть та самая принцесса, которая прислала ему письмо и воззваніе къ флоту. Онъ приказалъ Войновичу, если эта женщина станетъ называть себя наслѣдницей русскаго престола, увѣрить ее въ полной готовности Орлова содѣйствовать осуществленію ея плановъ и просить ее на фрегатъ, на которомъ бы она могла отправиться въ Ливорно; если же это другая женщина, оставить ее въ покоѣ. Войновичъ засталъ незнакомку въ Паросѣ и нѣсколько разъ видѣлся съ нею. Оказалось, что это была жена какого то константинопольскаго купца, женщина заносчиваго характера и вздорнаго нрава, охотно мѣшавшаяся въ дѣла политической интриги и увѣрявшая, будто она находится въ перепискѣ со всѣми европейскими дворами. Она была лично извѣстна султану Ахмету и его предшественнику Мустафѣ, и, пользуясь правомъ свободнаго входа въ сераль, гдѣ продавала султаншамъ и одалискамъ французскія галантерейныя вещи, находилась въ связяхъ со всѣми государственными людьми Оттоманской Порты. Они давали ей деньги за то, чтобъ она, бывая въ сералѣ, посредствомъ любимыхъ султаншъ, поддерживала ихъ кредитъ у падишаха. Они то, вѣроятно, не безъ вѣдома самого Ахмета, и послали ее, еще до Кучукъ-Кайнарджискихъ переговоровъ, обольстить Орлова и по-

[1]) Впослѣдствіи онъ былъ контръ-адмираломъ русскаго флота.

средствомъ подкупа увлечь его въ измѣну Екатеринѣ и уговорить передаться съ флотомъ султану. Она сама предложила Войновичу ѣхать въ Ливорно, но онъ не взялъ ея. Не она нужна была Чесменскому герою.

Не ограничиваясь посылкой Войновича на островъ Паросъ, графъ Орловъ, вскорѣ по отправленіи донесенія къ императрицѣ, то есть въ началѣ октября 1774 года, послалъ развѣдывать о самозванкѣ другого надежнаго человѣка. Въ донесеніи императрицѣ отъ 23-го декабря, онъ такъ пишетъ объ этой посылкѣ: «Отъ меня вскорѣ послѣ отправленія курьера ко двору Вашего Величества посланъ былъ человѣкъ для развѣдыванія объ ономъ дѣлѣ, и тому уже болѣе двухъ мѣсяцевъ никакого извѣстія о немъ не имѣю, и я сомнѣваюсь объ немъ, либо умеръ онъ, либо гдѣ удержанъ, что не можетъ о себѣ извѣстить, а человѣкъ былъ надежный и доказанъ былъ многими опытами въ его вѣрности». Это былъ Осипъ Михайловичъ Рибасъ, впослѣдствіи адмиралъ русскаго флота и основатель города Одессы. [1]) Онъ былъ родомъ испанецъ, уроженецъ Неаполя, куда отецъ его, кузнецъ, переселился изъ Барселоны. Молодой Рибасъ былъ на неаполитанской службѣ, но почему то долженъ былъ бѣжать изъ Неаполя. Въ 1772 году явился онъ къ графу Алексѣю Орлову въ Ливорно, прося его о принятіи въ русскую службу. Орловъ принялъ его съ чиномъ лейтенанта, и, замѣтивъ въ немъ большія способности, давалъ ему важныя порученія. Получивъ порученіе отыскать претендентку на русскій престолъ, Рибасъ разъѣзжалъ по Италіи, и, попавъ на слѣдъ ея въ Венеціи, отправился въ Рагузу, но, не

[1]) Это былъ чрезвычайно тонкій и хитрый человѣкъ. Его разумѣлъ князь Суворовъ въ извѣстномъ отзывѣ своемъ о Кутузовѣ: «его и Рибасъ не проведетъ».

заставъ ея тамъ, поѣхалъ по слѣдамъ ея въ Неаполь, потомъ въ Римъ, гдѣ и открылъ ея мѣстопребываніе уже въ началѣ 1775 года.

Въ декабрѣ пріѣхалъ къ Орлову изъ Петербурга курьеръ Миллеръ. Онъ привезъ наставленіе императрицы, какъ ему дѣйствовать относительно самозванки. Изъ объясненія повѣреннаго по дѣламъ Рагузской республики съ графомъ Панинымъ, Екатерина уже знала, что самозванка находится въ Рагузѣ. Она сообщила о томъ Орлову отъ 12-го ноября, приказывая «поймать *всклепавшую на себя имя* во что бы то ни стало». Орловъ былъ даже уполномоченъ Екатериной подойти къ Рагузѣ съ флотомъ, потребовать выдачи самозванки, и если сенатъ Рагузской республики откажетъ ему въ томъ, бомбардировать городъ. [1])

Мы уже упомянули, что канцлеръ Россійской Имперіи, графъ Н. И. Панинъ, съ пренебреженіемъ отозвался объ искательницѣ русскаго престола повѣренному по дѣламъ Рагузской республики, назвавъ ее «побродяжкой» и сказавъ, что не сто́итъ обращать вниманія на эту женщину. Такъ поступилъ онъ, безъ сомнѣнія, по наставленію императрицы Екатерины. Извѣстно также, что Екатерина не принимала никакихъ мѣръ противу разглашеній иностранныхъ газетъ о мнимой «великой княжнѣ»: иностранная печать была не опасна; въ Россіи въ то время, кромѣ двора и коллегіи иностранныхъ дѣлъ, никто не выписывалъ иностранныхъ газетъ, за исключеніемъ развѣ гамбургскихъ. Екатерина казалась равнодушною, но на самомъ дѣлѣ была озабочена новою продѣлкой своихъ недоброжелателей. Приказаніе Орлову «поймать всклепавшую

[1]) Такъ разказывалъ сэръ Дикъ, слышавшій это отъ самого Орлова. Текстъ письма императрицы графу Орлову, отъ 12-го ноября 1774 года, неизвѣстенъ.

на себя имя во что бы то ни стало» и даже бомбардировать Рагузу служитъ тому доказательствомъ.

Графъ Орловъ, получивъ повелѣніе Екатерины, тотчасъ же отправилъ для поисковъ надежнаго офицера и еще одного славянина, венеціанскаго подданнаго. «Ничего имъ въ откровенности не сказано,—доносилъ онъ императрицѣ,—а показалъ имъ любопытство, что я желаю знать о пребываніи *давно мнѣ знакомой* женщины, а офицеру приказано, буде можетъ, и въ службу войти къ ней или къ князю Радзивилу, волонтеромъ, чего для и абшидъ (отставка) ему данъ чтобы можно было лучше ему прикрыться». Къ этому графъ Орловъ прибавилъ: «А случилось мнѣ разспрашивать одного маіора, который посыланъ былъ отъ меня въ Черную Гору и проѣзжалъ Рагузы и дни два въ оныхъ останавливался, и онъ тамъ видѣлъ князя Радзивила и сказывалъ, что *она* еще въ Рагузахъ, гдѣ, какъ Радзивилу, такъ и оной женщинѣ, великую честь отдавали и звали его, чтобъ онъ шелъ на поклонъ, но оный, услышавъ *такое вклепанное имя*, поопасся идти къ злодѣйкѣ, сказавъ при томъ, что эта женщина плутовка и обманщица, а самъ старался изъ оныхъ мѣстъ уѣхать, чтобы не подвергнуть себя опасности». Орловъ, исполняя приказъ государыни, хотѣлъ отправиться въ Рагузу съ эскадрой, чтобы потребовать отъ тамошняго сената, хорошо знавшаго рѣшительность дѣйствій русскаго графа, выдачи самозванки, живущей подъ покровительствомъ республики, и въ случаѣ отказа бомбардировать городъ. «Если слабое мое здоровье дозволитъ на кораблѣ ѣхать, — писалъ онъ императрицѣ,—то я не упущу самъ туда отправиться, чтобы таковую злодѣйку постараться всячески достать». Но вскорѣ онъ узналъ, что ея съ начала ноября нѣтъ болѣе въ Рагузѣ.

XX.

Мѣжду тѣмъ въ Рагузѣ были получены непріятныя извѣстія. Мобюссонъ, агентъ князя Радзивила во Франціи и Германіи, увѣдомлялъ, что какія то письма «пана коханка» вскрыты въ Австріи, и замыслы его сдѣлались извѣстными. Пришло вѣрное извѣстіе о заключеніи мира между Россіей и Турціей. Газеты возвѣстили о поимкѣ Пугачева. Напрасно принцесса продолжала настаивать, что все это неправда, что эти ложныя извѣстія съ умысломъ распускаются ея врагами; наконецъ, и она должна была увѣриться: во всѣхъ европейскихъ газетахъ напечатаны были извѣстія о мирѣ и совершенномъ подавленіи Пугачевскаго бунта. Ко всему этому присоединилось безденежье и совершенная невозможность отыскать новыя денежныя средства. Радзивилъ денегъ не давалъ, у него самого ихъ не было. Обѣды у принцессы прекратились. Ея венеціанскій гофмаршалъ, баронъ Кнорръ, и англичанинъ Монтегю напрасно искали денегъ у банкировъ. Кнорръ досталъ только двѣнадцать червонцевъ, съ ними отправился въ Оберштейнъ, везя письмо принцессы къ Горнштейну, отъ котораго она требовала полторы тысячи червонцевъ. Но и тамъ денегъ не нашли. «Горнштейнъ не хочетъ имѣть съ вами никакого дѣла», писалъ Кнорръ. Въ Оберштейнѣ между тѣмъ носятся о принцессѣ самые неблагопріятные слухи, возникшіе вслѣдствіе полученныхъ изъ Рагузы писемъ объ ея любовныхъ связяхъ. Пылкой и никогда не сдерживавшей свою страстную натуру женщинѣ въ Рагузѣ много было соблазна. Тамъ были и «мосбахскій незнакомецъ» Доманскій, и варварійскій капитанъ Гассанъ; въ одномъ изъ писемъ князю Лимбургу сама принцесса писала, что Радзивилъ у ногъ

ея. Кромѣ того, цѣлая толпа красивыхъ офицеровъ, польскихъ и французскихъ, были къ ея услугамъ. Въ разныхъ газетахъ появились извѣстія о любовныхъ похожденіяхъ въ Рагузѣ мнимой великой княжны.

Между тѣмъ князь Лимбургъ уединенно жилъ въ Оберштейнѣ, тоскуя по милой очаровательницѣ. Недостатокъ денегъ, а потомъ неблагопріятныя для успѣха его возлюбленной извѣстія о Кучукъ-Кайнарджискомъ мирѣ удержали его отъ поѣздки въ Рагузу. Долгое молчаніе прелестной Алины сокрушало бѣднаго князя. Онъ писалъ ей письмо за письмомъ, настоятельно совѣтуя ей оставить свои замыслы и возвратиться въ Оберштейнъ. Алина не отвѣчала.

Принцесса съ нетерпѣніемъ ожидала въ Рагузѣ отвѣтовъ отъ султана и отъ графа Орлова, еще довольно дружно живя съ Радзивиломъ и французскими офицерами, а также съ консулами французскимъ и неаполитанскимъ. Наскучивъ ждать, она 11-го сентября написала новое письмо къ султану, стараясь отклонить его отъ утвержденія мирнаго договора, еще не ратификованнаго, и прося о немедленной присылкѣ фирмана на проѣздъ въ Константинополь.

Принцесса и это письмо вручила князю Радзивилу для препровожденія по назначенію. Радзивилъ теперь прямо отказался исполнить ея желаніе, и между ними произошла открытая ссора. Неудачи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, особенно же заключеніе Кучукъ-Кайнарджискаго мира и охлажденіе новаго короля Франціи къ польскому дѣлу сильно поколебали неугомоннаго «пана коханка» и навели уныніе на польско-французскую колонію въ Рагузѣ. Въ виду суровой дѣйствительности, приходилось покинуть обольстительныя, блестящія мечты. Недостатокъ денегъ, секвестръ литовскихъ маетностей, обнаруженные въ Австріи посредствомъ перлюстраціи политическіе замыслы Радзивила, по-

явившіяся по этому случаю въ газетахъ статьи, все это чрезвычайно обезкуражило «пана коханка». Теперь онъ уже помышлялъ о промѣнѣ своихъ литовскопольскихъ имѣній на германскія, чтобы, покинувъ отечество, сдѣлаться княземъ Римской имперіи не по одному титулу, которымъ Радзивилы пользовались уже болѣе двухъ вѣковъ [1]), но и по владѣтельнымъ правамъ [2]). Пріѣзжавшіе въ Рагузу изъ Парижа гости также совѣтовали ему бросить несбыточные замыслы и поселиться въ Германіи. Бросая политическую интригу, онъ долженъ былъ бросить и созданную польскою интригой и въ особенности имъ наслѣдницу Всероссійскаго престола. Поэтому онъ и отказалъ ей рѣшительно въ отправкѣ новаго письма къ султану, не дѣлая еще, однако, совершеннаго съ ней разрыва. Принцесса была больна: ея кипучая дѣятельность, ея неумѣренность въ чувственныхъ наслажденіяхъ, огорченія, неудачи — все это разстроило до крайности небогатое здоровье. Еще въ Венеціи открылись у ней несомнѣнные признаки чахотки, морское путешествіе въ Рагузу еще болѣе разстроило ея здоровье. Она бодрилась, шутила надъ болѣзнью, но болѣзнь брала свое. Принцесса сдѣлалась раздражительна. Послѣ

[1]) Германскій императоръ Карлъ V еще въ 1547 году возвелъ Радзиловъ въ княжеское Римской имперіи достоинство съ титломъ герцога Олыкскаго (Herzog von Olyka) для старшаго въ родѣ, которымъ въ описываемую эпоху пользовался князь Карлъ. Радзивилы первые изъ невладѣтельныхъ фамилій получили княжеское достоинство Римской имперіи, если не считать Чарторыйскихъ, (получили княжеское Римской имперіи достоинство въ 1433 г.) имѣвшихъ это достоинство по праву происхожденія отъ Гедимина.

[2]) Во время пребыванія князя Карла Радзивила въ Рагузѣ, младшій братъ его, князь Іеронимъ, сватался къ родственницѣ князя Лимбурга, принцессѣ Гогенлое-Бартенштейнъ, при чемъ предполагался промѣнъ Лимбургскихъ и Бартенштейнскихъ владѣній на маетности Радзивиловъ въ Литвѣ. Ни бракъ, ни промѣнъ не состоялись.

сцены съ Радзивиломъ, по поводу отказа его отправить письмо въ Константинополь, она пришла въ отчаяніе и нѣсколько дней провела въ постели, упрекая Радзивила и жалуясь на него окружающимъ. «Пане коханку», чтобъ утѣшить больную, далъ ей слово послать письмо къ султану. Но, отправивъ его, онъ попрежнему извѣстилъ своего повѣреннаго, чтобъ онъ присланный пакетъ оставилъ у себя. Такимъ образомъ, ни султанъ, ни министры Порты не получили посланій, адресованныхъ къ нимъ искательницей русской короны.

Несогласіе Радзивила съ принцессой увеличивалось съ каждымъ днемъ. Не мало содѣйствовали тому распространявшіеся слухи о любовныхъ связяхъ мнимой великой княжны. Французскіе офицеры, бывшіе въ Рагузѣ, получили о ней изъ Парижа невыгодныя извѣстія. Тамъ уже считали ее искательницей приключеній. Несмотря на то, Радзивилъ и находившіеся въ его свитѣ оказывали принцессѣ глубокое почтеніе, относясь къ ней какъ къ дочери императрицы. Къ этому, по всей вѣроятности, времени относится посѣщеніе Рагузы русскимъ майоромъ, который, какъ мы уже видѣли, сообщилъ графу Алексѣю Орлову, что находившіеся тамъ французы и поляки считали самозванку за великую княжну, предлагали ему представиться ей, и что когда онъ сталъ называть ее обманщицей, то долженъ былъ поскорѣе оставить Рагузу, дабы избѣгнуть самыхъ непріятныхъ послѣдствій.

Принцесса не унывала. Въ письмѣ отъ 21-го сентября она сильно жаловалась князю Лимбургу на рѣзкое обращеніе съ ней Радзивила, но увѣряла своего возлюбленнаго, что успѣхъ предпріятія ея не подлежитъ сомнѣнію, что Порта держитъ ея сторону, что успѣхи партіи ея въ Россіи блистательны, и что она,

для довершенія этого успѣха, входитъ въ сношенія съ королемъ шведскимъ. Дѣйствительно, въ началѣ октября она послала къ Горнштейну письмо къ королю Густаву, прося отправить его по назначенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ послано было ею и письмо къ русскому канцлеру, графу Панину. Принцесса, повидимому, была увѣрена, что Панинъ, какъ одинъ изъ недоброжелателей Екатерины, не замедлитъ принять ея сторону. Она начинаетъ письмо заявленіемъ увѣренности своей въ томъ, что предпріятіе ея будетъ встрѣчено графомъ съ сочувствіемъ, и что успѣхъ ея можетъ отвратить перуны, готовые поразить его. «Вы въ Петербургѣ,— писала она,—не довѣряете никому, другъ друга подозрѣваете, боитесь, сомнѣваетесь, ищите помощи, но не знаете, гдѣ ее найти: можно найти ее во мнѣ и въ моихъ правахъ. Знайте, что ни по характеру, ни по чувствамъ, я не способна дѣлать что-либо безъ вѣдома народа, не способна къ лукавству и коварной политикѣ, напротивъ, вся жизнь моя будетъ посвящена народу. Знайте и то, что я до послѣдней минуты жизни буду отстаивать права свои на корону». О заключенномъ съ турками мирѣ она замѣчаетъ русскому канцлеру: «я не стану говорить о заключенномъ мирѣ, онъ самъ по себѣ весьма непроченъ; вы не знаете того, чтó я знаю, но благоразуміе заставляетъ меня молчать». Въ заключеніе она изъявляетъ готовность *возвратиться* въ Петербургъ, но съ условіемъ, чтобъ о пріѣздѣ ея никому не было извѣстно, и чтобъ она была безопасна. «Если я не скоро явлюсь въ Петербургѣ, это будетъ ваша ошибка, графъ», прибавила принцесса, и просила его прислать кого-нибудь въ Кобленцъ, гдѣ посланный узнаетъ ея адресъ. Вѣроятно, она разумѣла Горнштейна, который, зная о пребываніи ея въ Рагузѣ, могъ сообщить адресъ ея агенту Панину, если бы тотъ прислалъ его.

Судьба писемъ къ королю шведскому и русскому канцлеру была одинакова съ судьбой писемъ къ султану. Осторожный Горнштейнъ не отправилъ ихъ и увѣдомилъ о томъ князя Лимбурга. Съ самою принцессой онъ еще прежде прервалъ переписку.

Въ октябрѣ курьеръ привезъ письмо къ Радзивилу изъ Константинополя: миръ ратификованъ. Радзивилъ, видя, что планы его окончательно рушились, рѣшился возвратиться въ Венецію. Съ принцессой произошелъ у него совершенный разрывъ. Созданная польскою интригой самозванка теперь была не нужна ей. Радзивилъ бросилъ завлеченную имъ въ сѣти женщину на произволъ судьбы, объявивъ на прощанье, что и второе письмо ея къ султану не дошло по назначенію. Свита Радзивила измѣнила обращеніе съ принцессой: ей болѣе не оказывали великокняжескихъ почестей, надъ ней подсмѣивались, даже въ лицо говорили ей дерзости. Въ газетахъ появились корреспонденціи изъ Рагузы, гдѣ разсказывались любовныя похожденія принцессы; корреспонденціи эти не могли принадлежать никому другому, кромѣ французскихъ и польскихъ офицеровъ, которые еще такъ недавно оказывали ей царскія почести. Французское правительство, измѣнившее, по заключеніи Кучукъ-Кайнарджискаго мира, политику относительно Россіи, послало запросы въ Оберштейнъ относительно таинственной незнакомки. Такіе же запросы приходили и отъ другихъ дворовъ. Наконецъ, Версальскій кабинетъ публично отрекся отъ всякаго участія въ дѣйствіяхъ самозванки, и де-Риво не могъ держать ее долѣе въ домѣ французскаго консульства въ Рагузѣ. Радзивилъ уѣхалъ въ Венецію. «Великая княжна» осталась одна и безъ всякихъ средствъ.

XXI.

Князь Лимбургъ все еще любилъ свою очаровательную Алину. Страсть его не охладѣла ни отъ безпрестанныхъ измѣнъ ея, ни отъ скандаловъ, которые случались съ ней въ Рагузѣ и были передаваемы на весь міръ посредствомъ газетъ, ни отъ непріятныхъ столкновеній съ правительствами сильныхъ державъ, требовавшихъ объясненій о загадочной женщинѣ, жившей такъ долго у него въ Оберштейнѣ. Даже распространившійся слухъ о намѣреніи ея выйти замужъ за какого то ничтожнаго польскаго шляхтича не поколебалъ привязанности къ ней князя Лимбурга. Въ то время когда Радзивилъ бросилъ созданную имъ «великую княжну» въ Рагузѣ на произволъ судьбы, князь Лимбургъ, еще не зная о плачевной участи своей возлюбленной, писалъ къ ней (отъ 30-го октября) письмо, въ которомъ, напомнивъ обо всѣхъ ея продѣлкахъ, обвинялъ ее, что она совершенно разстроила его состояніе, навлекла на него презрѣніе всей Европы, такъ какъ близкія его къ ней отношенія сдѣлались всѣмъ извѣстными и заставили Версальскій кабинетъ публично отречься отъ всякаго участія въ ея дѣйствіяхъ. Далѣе князь Лимбургъ писалъ, что ему представлялись весьма выгодныя партіи, на которыя онъ, по причинѣ связи съ нею, не могъ изъявить ни согласія, ни отказа, и что до него, наконецъ, дошли слухи, что она находится съ кѣмъ то въ связи и даже располагаетъ выйти замужъ. «Я нисколько не думаю мѣшать вашему счастію,—прибавлялъ князь,—если только желанія ваши согласны съ честію; впрочемъ, если вы готовы отказаться отъ своего прошлаго и никогда не будете поминать ни о Персіи, ни о Пугачевѣ, ни о прочихъ такого же рода глупостяхъ, то есть еще время вер-

нуться ко мнѣ въ Оберштейнъ». Но письмо это не застало уже принцессы въ Рагузѣ. Она сѣла на корабль возлюбленнаго своего Гассана черезъ четыре дня по отъѣздѣ Радзивила. Князь Лимбургъ, не получивъ отвѣта на свое посланіе, полагалъ, что возлюбленная его находится въ Рагузѣ и написалъ къ ней въ Рагузу (20-го декабря) новое письмо, адресуя его какъ и прежнее: *Ея Высочеству, принцессѣ Елизаветѣ*. Въ этомъ письмѣ онъ отказывался отъ всякихъ правъ на нее, такъ какъ она надѣялась найти счастіе въ бракѣ съ другимъ, но обѣщалъ сохранить къ ней непоколебимую дружбу, вполнѣ увѣренный, что она его не опозоритъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь передавалъ ей, что газеты дозволяютъ себѣ довольно унизительныя и постыдныя выраженія о сношеніяхъ ея съ «мосбахскимъ незнакомцемъ», о которомъ онъ узналъ отъ его же земляковъ (поляковъ), живущихъ въ Пфальцѣ. «Впрочемъ, я готовъ допустить,—поспѣшилъ оговориться князь, — что и въ низшихъ слояхъ общества можно встрѣтить людей, заслуживающихъ уваженія, и такъ какъ избранный вашимъ сердцемъ едва ли имѣетъ доказательства на дворянское происхожденіе, нужныя для пожалованія его большимъ крестомъ ордена «*de l'Ancienne Noblesse*», то я намѣренъ дать ему другой орденъ, освободивъ его отъ платежа установленной пошлины въ 300 червонцевъ. Да послужитъ это вамъ доказательствомъ, что я желаю остаться вашимъ другомъ. Хотя меня со всѣхъ сторонъ уговаривали жениться, но я этимъ совѣтамъ не послѣдовалъ». Изъ тона этого письма ясно видно, что князь Лимбургъ писалъ его подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго волненія и досады на свою «милую Алину», которая предпочла князю священной Римской имперіи безвѣстнаго шляхтича Доманскаго. Онъ любилъ ее, кажется, попрежнему, и хотя намекалъ въ письмѣ, что

счастіе зависитъ не отъ высокаго званія (какое она приняла), а отъ непорочности (отъ которой она далека), хотя заявлялъ, что онъ равнодушно смотритъ на различныя наименованія, какія она принимала, но заключилъ свое посланіе увѣреніемъ, что до самой смерти не перестанетъ любить ни съ кѣмъ несравненную, милую Алину.

Черезъ три дня князь Лимбургъ снова писалъ къ своей возлюбленной, рѣшившись, кажется, прервать съ ней всякія сношенія, которыя его скомпрометтировали, помѣшали выгодно промѣнять Стирумъ на Радзивиловскія имѣнія въ Литвѣ и разстроили бракъ его родственницы съ княземъ Іеронимомъ Радзивиломъ. Вѣроятно, для того, чтобы перо не измѣнило ему при воспоминаніи о страстно любимой женщинѣ, онъ поручилъ написать письмо довѣренному своему Гальйо. Оно заключается въ однихъ упрекахъ ея безумію, ея чрезвычайному легкомыслію и неосторожности въ перепискѣ, которая могла быть прочтена и послужить поводомъ къ ея обвиненію, какъ со стороны поляковъ, такъ и со стороны властей. Гальйо именемъ князя умолялъ ее какъ можно скорѣе сыскать себѣ надежное убѣжище въ Италіи или Германіи, прибавляя, что она всегда можетъ разсчитывать на участіе князя и возвратиться къ нему, *какъ къ отцу*, но ни въ какомъ случаѣ не должна разсчитывать на его деньги.

Этимъ прекратилась переписка князя Лимбурга съ возлюбленною его Алиной.

XXII.

Видя замыслы свои разрушенными, покинутая поляками принцесса все-таки не хотѣла отказаться отъ принятой роли. Она пришлась ей по вкусу. «Вскле-

павшая на себя имя» вздумала достичь русскаго престола при помощи Ватикана, обѣщая за то не только сама принять римско-католическую вѣру, но и ввести ее во всей Россіи. Она на первый разъ надѣялась получить посредствомъ этого хорошія деньги, съ которыми намѣревалась отправиться въ Константинополь и оттуда, при помощи турецкаго правительства, дѣйствовать на Россію посредствомъ воззваній. Мирныя отношенія, возникшія между Портой и Россіей, ея не смущали. Писавъ къ графу Панину, что заключенный миръ непроченъ, она писала по искреннему убѣжденію. Въ это время въ Европѣ многіе не вѣрили въ его прочность, и поляки, какъ жившіе въ Турціи, такъ и бывшіе членами генеральной конфедераціи, энергически дѣйствовали для побужденія Порты произвести новый разрывъ съ Екатериной и начать новую войну. Миръ, дѣйствительно, былъ непроченъ.

Изъ свиты князя Радзивила только три поляка остались при «т[illegible]ой княжнѣ» въ Рагузѣ: Чарномскій [1]), намѣревавшійся ѣхать съ нею въ Константи-

[1]) Чарномскій, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ польской генеральной конфедераціи, еще въ 1768 году находился въ перепискѣ съ Бениславскимъ, Красинскимъ и Потоцкимъ. Въ 1769 году онъ перешелъ съ конфедератами изъ Польши черезъ австрійскую границу и былъ посылаемъ Потоцкимъ къ сераскиру турецкому и къ крымскому хану съ просьбой о помощи. Затѣмъ онъ явился въ Парижѣ и здѣсь близко сошелся съ Потоцкимъ, который съ того времени былъ постояннымъ его покровителемъ, и съ Красинскимъ. Въ февралѣ 1774 года онъ былъ въ Веронѣ у Потоцкаго, въ маѣ этого же года Потоцкій и Путкаммеръ уполномочили его вмѣстѣ съ Каленскимъ (офиціальнымъ агентомъ польской конфедераціи въ турецкомъ лагерѣ) побуждать турокъ къ поданію помощи полякамъ. При этомъ велѣно было ему посовѣтоваться съ княземъ Радзивиломъ, находившимся въ Венеціи и собиравшимся въ Константинополь. Потоцкій вручилъ ему формальныя письма конфедераціи, за подписями Красинскаго и Паца (подписаны 15-го апрѣля 1774 года), на имя султана и верховнаго визиря, и далъ отъ себя рекомендательное письмо къ послѣднему, равно какъ различные манифесты и другія бумаги.

нополь, гдѣ надѣялся сдѣлаться офиціальнымъ агентомъ конфедераціи; Ганецкій, бывшій іезуитъ, имѣвшій обширныя знакомства въ Римѣ, намѣревавшійся провезти ее къ святѣйшему отцу и ввести въ лоно римской церкви, и, наконецъ, — «мосбахскій незнакомецъ», Доманскій, который не въ силахъ былъ оставить прекрасную принцессу, въ которую былъ страстно влюбленъ. Кромѣ того, у Чарномскаго и Доманскаго были и другіе разсчеты оставаться при «великой княжнѣ»: они дали ей значительныя суммы денегъ, въ надеждѣ на ея агатовыя копи въ Оберштейнѣ, а еще болѣе на сокровища русской короны. Чарномскій, котораго Потоцкій послалъ съ офиціальнымъ письмомъ къ султану и верховному визирю отъ польской конфедераціи еще въ маѣ 1774 года, получилъ для исполненія возложенныхъ на него въ Турціи порученій весьма значительную сумму денегъ. Эти то деньги, по всей вѣроятности, и выманила у него принцесса. Безъ денегъ ему нельзя было ни ѣхать въ Константинополь, ни воротиться къ Потоцкому, въ Верону: волей-нево-

Потоцкій проводилъ его до Венеціи. Здѣсь и самъ Потоцкій, и Чарномскій, вмѣстѣ съ Радзивиломъ, представлялись принцессѣ, какъ было сказано. Рѣшено было: Чарномскому отправиться вмѣстѣ съ Радзивиломъ въ Константинополь; вмѣстѣ съ нимъ онъ и попалъ въ Рагузу. Въ концѣ сентября 1774 г. князь Радзивилъ посылалъ Чарномскаго къ Потоцкому въ Верону, вѣроятно, для примиренія съ конфедераціей, такъ какъ у Радзивила съ Потоцкимъ возникли передъ тѣмъ большія разногласія, и для полученія чрезъ то денегъ, въ которыхъ Радзивилъ начиналъ нуждаться, а быть-можетъ и для прекращенія пронырствъ Каленскаго, воспрепятствовавшаго высылкѣ султанскаго фирмана на имя Радзивила. Составитель *Записки о самозванкѣ*, напечатанной въ *Чтеніяхъ*, говоритъ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что Чарномскій просилъ Потоцкаго о назначеніи его вмѣсто Каленскаго офиціальнымъ агентомъ конфедераціи въ Турціи. Еще въ Венеціи, а еще болѣе въ Рагузѣ, онъ близко сошелся съ принцессой, пользовался ея довѣренностію и имѣлъ на нее большое вліяніе». Въ Константинополь онъ не попалъ: онъ взятъ былъ вмѣстѣ съ самозванкой; письмо къ султану и другія бумаги были отъ него отобраны. Онѣ находятся теперь при дѣлѣ о самозванкѣ.

лей онъ былъ прикованъ къ своей должницѣ. При слѣдствіи, произведенномъ въ Петербургѣ фельдмаршаломъ, княземъ Голицынымъ, Доманскій далъ показаніе, что самозванка была должна ему значительную сумму, которую отчасти онъ самъ ей далъ изъ своихъ денегъ, отчасти же занялъ въ Рагузѣ, поручившись за нее.

Еще изъ Рагузы принцесса писала къ Монтегю, что намѣрена достать неаполитанскій паспортъ и съ нимъ пробраться въ Турцію, что заключеніе мира чистая ложь, и что приверженцы ея въ Россіи (то есть Пугачевъ) одержали будто бы вездѣ блистательныя побѣды. «Радзивилъ одинъ виновенъ въ продолжительномъ и совершенно безполезномъ пребываніи въ Рагузѣ,—писала она:—это замедленіе всѣхъ привело на край погибели». Неаполитанскій паспортъ она, дѣйствительно, успѣла достать и съ нимъ на кораблѣ Гассана, въ сопровожденіи Ганецкаго, Чарномскаго, Доманскаго и одной только служительницы Франциски фонъ-Мешеде, «великая княжна Елизавета» переплыла Адріатическое море и вышла на неаполитанскій берегъ въ Барлеттѣ. Отсюда она немедленно отправилась въ Неаполь. Въ этомъ городѣ она пробыла недолго, жила скромно, никуда почти не показывалась. Недостатокъ ли денегъ, усилившаяся ли отъ морской поѣздки болѣзнь, желаніе ли не возбуждать о себѣ толковъ были причиной такого несвойственнаго ей образа жизни, — навѣрное сказать нельзя. По всей вѣроятности, все сказанное вмѣстѣ заставило расточительную принцессу отказаться на время отъ открытой и шумной жизни. Въ Неаполѣ принцесса познакомилась съ англійскимъ посланникомъ Гамильтономъ и упросила его выхлопотать для нея съ спутниками паспорты на проѣздъ въ Римъ. Гамильтонъ обратился съ просьбой о паспортахъ къ неаполитанскому министру Таннучи и полу-

чилъ ихъ въ началѣ декабря. Получивъ ихъ, принцесса немедленно оставила Неаполь.

Въ Римѣ она называлась польскою дамой знатнаго происхожденія, но слухъ, что это русская «великая княжна», соблюдающая строжайшее инкогнито, немедленно распространился по городу. Спутники ея почему то сочли нужнымъ перемѣнить фамиліи: Чарномскій сталъ называться Линовскимъ, а «мосбахскій незнакомецъ»—Станишевскимъ. Ганецкій сдѣлался гофмейстеромъ и капелланомъ и принималъ имѣвшихъ надобность до принцессы. Сама она вела себя чрезвычайно скрытно, не бывала ни въ чьемъ домѣ, никому не показывалась, даже въ каретѣ ѣздила по городу не иначе, какъ съ закрытыми стеклами. Аббатъ Рокотани въ одномъ изъ писемъ своихъ (отъ 3-го января 1775 года) въ Варшаву къ канонику Гиджіотти, съ которымъ переписывался разъ или два въ недѣлю о польскихъ дѣлахъ, говоритъ слѣдующее: «Иностранная дама польскаго происхожденія, живущая въ домѣ г. Жуяни, на Марсовомъ полѣ, прибыла сюда въ сопровожденіи одного польскаго эксъ-іезуита, двухъ другихъ поляковъ и одной польской (?) служанки. Она платитъ за квартиру по 50 цехиновъ въ мѣсяцъ, да 35 за карету; держитъ при себѣ одного учителя-поляка, пріѣхавшаго съ нею, и одного италіанца, нанятаго по пріѣздѣ ея въ Римъ. Она ни съ кѣмъ не имѣетъ знакомства и ѣздитъ на прогулку въ каретѣ съ закрытыми стеклами. На квартирѣ ея эксъ-іезуитъ даетъ аудіенціи приходящимъ». Во франкфуртскихъ газетахъ появилась корреспонденція о переѣздѣ принцессѣ изъ Рагузы въ Римъ.

Кромѣ спутниковъ, прибывшихъ изъ Неаполя, «принцесса Елизавета» проводила время съ духовными только лицами: эксъ-іезуитами Воловичемъ и Вонсовичемъ. Кромѣ того, часто бывалъ у нея италіанскій

докторъ Саличетти. Здоровье ея было уже такъ сильно разстроено, что необходимо было серіозное лѣченіе: она безпрестанно кашляла, и часто съ ней случались лихорадочные припадки. Чахотка развивалась въ ея организмѣ, и смерть уже грозила принцессѣ. Въ Рагузѣ не было порядочныхъ врачей. Пріѣхавъ въ Римъ, она вздумала хорошенько заняться своимъ здоровьемъ, и пригласила Саличетти, пользовавшагося въ то время большою извѣстностью. Скромная жизнь принцессы продолжалась, однако, не долго. Ганецкій, имѣвшій, какъ мы уже упомянули, обширное знакомство въ Римѣ, досталъ значительную сумму денегъ для овечки, которую надѣялся привести изъ мрака греческой схизмы въ ограду папской вѣры. На эти деньги принцесса повела привычную ей блестящую, роскошную жизнь. Серіозное лѣченье оставлено до поры до времени.

XXIII.

Еще въ сентябрѣ 1774 года умеръ папа Климентъ XIV. Конклавъ все еще продолжался. Уже нѣсколько мѣсяцевъ кардиналы сидѣли взаперти въ Ватиканскомъ дворцѣ. Это представляло сильное препятствіе замысламъ принцессы: ей нужно было видѣться съ папой, а папы не было. Даже ни къ одному изъ кардиналовъ доступъ былъ невозможенъ. Джіованни-Александро Альбани, кардиналъ-протекторъ королевства Польскаго, былъ деканомъ священной коллегіи, и по Риму ходили положительные слухи, что выборъ остановится на немъ. Принцесса послала съ Доманскимъ письмо къ этому молодому кардиналу [1]),

[1]) Альбани въ это время было уже 54 года,—возрастъ довольно молодой для кандидатства въ святѣйшіе отцы. Онъ сдѣлался кардиналомъ еще въ 1747 году, то есть будучи только двадцати семи лѣтъ отъ рожденія.

въ которомъ просила назначить ей время для свиданія, но такъ, чтобъ это осталось неизвѣстнымъ для публики. Доманскій не могъ пробраться къ кардиналу. Тогда принцесса послала въ Ватиканъ Ганецкаго, надѣясь, что ему, какъ лицу духовному и при томъ имѣвшему большія связи въ папской столицѣ, будетъ несравненно удобнѣе пробраться къ запертому кардиналу, чѣмъ «мосбахскому незнакомцу». Посылая Ганецкаго, она приказала ему во что бы ни стало добиться для нея у Альбани дозволенія видѣться съ нимъ въ конклавѣ. Напрасно увѣряли принцессу, что это невозможно, что кардиналы до избранія папы заперты, что даже къ окну конклава не могутъ приблизиться самыя знатныя дамы. «Если такъ,—отвѣчала принцесса,—сегодня же достать мужское платье; я въ немъ проберусь къ кардиналу». Едва успѣли уговорить ее оставить такое намѣреніе, представляя всю опасность, которой можетъ она подвергнуться, если узнаютъ объ этомъ переодѣваньѣ.

Въ день новаго 1775 года Ганецкому удалось пробраться къ одному изъ оконъ тѣхъ аппартаментовъ Ватикана, въ которыхъ заключенъ былъ кардиналъ Альбани. Онъ передалъ ему записку отъ «принцессы Елизаветы». Она извѣщала кардинала о своемъ пріѣздѣ въ Римъ. Альбани сказалъ, чтобы Ганецкій обратился къ аббату Рокотани, человѣку къ нему приближенному и занимавшемуся тайною перепиской съ Варшавой. Января 3-го Рокотани, конечно, по приказанію кардинала, получилъ отъ римской полиціи извѣщеніе, что въ домѣ Жуяни, на Марсовомъ полѣ, живетъ знатная польская дама, недавно пріѣхавшая въ Римъ, и въ тотъ же день принесли ему приглашеніе на вечеръ къ графинѣ Пиннебергъ. Аббатъ не замедлилъ воспользоваться приглашеніемъ.

Ганецкій и Станишевскій (Доманскій) представили

аббата графинѣ и немедленно удалились. Они остались вдвоемъ. «Между нами,—пишетъ Рокотани,—начался оживленный разговоръ о политикѣ, объ іезуитахъ (орденъ которыхъ былъ уничтоженъ покойнымъ папой); о нихъ графиня отозвалась не слишкомъ благосклонно, впрочемъ, говорила больше всего о польскихъ дѣлахъ». «Долго ли вы намѣрены оставаться въ Римѣ?»—спросилъ графиню аббатъ. «Не знаю,—отвѣчала она,—я бы желала лично познакомиться съ кардиналомъ Альбани, который, безъ сомнѣнія, будетъ папой, но боюсь, что конклавъ еще надолго замедлится, а состояніе моего здоровья не дозволяетъ мнѣ долго оставаться въ Римѣ». Аббатъ былъ обвороженъ умомъ и обращеніемъ графини. Уходя, онъ встрѣтился съ докторомъ Саличетти, сообщившимъ ему, что здоровье графини чрезвычайно разстроено.

Принцесса вручила аббату письмо къ кардиналу Альбани. Въ немъ спрашивала его, можетъ ли она во всемъ довѣриться Рокотани, сказать ему о своемъ высокомъ происхожденіи и о своихъ намѣреніяхъ. При этомъ она замѣтила, что положеніе ея требуетъ самой строгой тайны, что пріѣздъ ея въ столицу римскаго католичества можетъ имѣть весьма важное для ватиканскаго двора послѣдствіе, ибо ей предназначена Провидѣніемъ корона Великой имперіи, не только для благоденствія многочисленныхъ, отдаленныхъ отъ Рима народовъ, но и для блага церкви. Кардиналъ былъ чрезвычайно заинтересованъ этимъ письмомъ, и отозвался объ аббатѣ Ракотани какъ о человѣкѣ, заслуживающемъ совершеннаго ея довѣрія. Записка эта была составлена самимъ Рокотани, и вечеромъ 6-го января онъ лично передалъ ее принцессѣ. Но она была больна и не могла бесѣдовать съ аббатомъ. Доманскій и докторъ сказали ему, что весь день пролежала она въ постели, изнуряемая сильнымъ кашлемъ и лихора-

дочными припадками. Чахотка развивалась въ ней. На другой день (7-го января), по утру, Рокотани снова явился къ принцессѣ. Она объявила ему, что оставила прежніе планы ѣхать въ Константинополь и изъ Турціи дѣйствовать посредствомъ преданной ей партіи въ Россіи; но рѣшилась отправиться въ Польшу, чтобы въ Варшавѣ, соблюдая строжайшее инкогнито, повидаться съ королемъ Станиславомъ-Августомъ. «Въ Россіи,—сказала она между прочимъ аббату,—недавно умеръ мой намѣстникъ (она разумѣла, конечно, Пугачева, казненнаго черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора), но я возьму часть своего войска для конвоированія и проѣду въ Константинополь. Я очень больна, но если Провидѣнію угодно сохранить дни мои, я достигну престола и возтановлю Польшу въ прежнихъ ея предѣлахъ, —возстановлю прежде, чѣмъ исполнится полгода. Екатеринѣ отдамъ прибалтійскія провинціи съ Петербургомъ, съ нея будетъ и этого довольно». Разговорившись о польской конфедераціи, принцесса неодобрительно высказалась о князѣ Карлѣ Радзивилѣ. «Я его уговаривала помириться съ королемъ Станиславомъ-Августомъ,—сказала она,—но онъ меня не послушался, и я въ томъ не виновата, что онъ остается въ раздорѣ съ королемъ; графа Огинскаго успѣла же я помирить съ Его Величествомъ» [1]). Этотъ разговоръ до такой степени обворожилъ аббата, что, какъ самъ онъ пишетъ, кардиналъ Альбани долженъ былъ обратить его вниманіе на несообразность въ нѣкоторыхъ словахъ принцессы.

Несмотря на то, что принцесса такъ сильно увлекала аббата необыкновеннымъ умомъ своимъ и любез-

[1]) Огинскій, дѣйствительно, въ это время, примирившись съ королемъ, уже воротился въ Польшу, но посредничество самозванки, конечно, ея выдумка.

ностью, хитрый италіанецъ сначала думалъ, что она изыскиваетъ только средства для полученія денегъ, и, разсказывая о русской коронѣ, о своихъ владѣніяхъ въ Германіи, объ агатовыхъ копяхъ ея въ Оберштейнѣ, думаетъ объ одномъ: какъ бы половчѣе да поскорѣе выманить у кардинала денегъ. Но патеръ Ліадей, служившій нѣкогда офицеромъ въ русскомъ войскѣ, утверждалъ положительно, что онъ знаетъ принцессу. «Я помню ее,—говорилъ онъ,—я видалъ ее въ Зимнемъ дворцѣ на выходахъ; ее прочили тогда за голштинскаго принца, двоюроднаго брата тогдашняго наслѣдника, а послѣ перемѣны правительства, въ 1762 г., всѣ говорили, что она уѣхала въ Пруссію». Рокотани вполнѣ повѣрилъ Ліадею и сдѣлался ревностнымъ приверженцемъ принцессы. И она съ нимъ сблизилась: неоднократно жаловалась аббату на лицъ своего придворнаго штата. Она исключала только Станишевскаго, то есть Доманскаго: его она очень хвалила. Вскорѣ Рокотани замѣтилъ нѣжныя отношенія искательницы русскаго престола къ этому молодому, страстному человѣку. Однажды онъ, сидя у аббата, распространялся объ умѣ, любезности и красотѣ принцессы, объ ея богатствѣ и связахъ, и сказалъ, что далъ ей клятву сопровождать ее повсюду. При этомъ онъ далъ почувствовать, что современемъ, если предпріятіе принцессы увѣнчается успѣхомъ, ему самому предстоитъ одно изъ самыхъ значительныхъ положеній въ свѣтѣ. Въ заключеніе, онъ высказалъ аббату желаніе свое посовѣтоваться о своемъ положеніи съ кардиналомъ Альбани. Рокотани именемъ кардинала отклонилъ это, совѣтовалъ отъ себя молодому человѣку не увлекаться, указывалъ ему на бѣдствія, которымъ онъ легко можетъ подвергнуться, если свяжетъ судьбу свою съ судьбой этой женщины.

На слѣдующій день, 8-го января, Рокотани опять

былъ у принцессы. Она вручила ему письмо къ кардиналу и для свѣдѣнія копію съ писемъ своихъ къ султану и графу Орлову, не говоря, что до владыки Оттоманской имперіи ея посланія не дошли. Въ письмѣ къ кардиналу, послѣ длинныхъ комплиментовъ талантамъ и мудрости его, она выразила соболѣзнованіе къ несчастному положенію Польши. «Оно давно было бы улучшено, если бы въ Рагузѣ не разстроили моихъ плановъ. «Какъ скоро я достигну цѣли, какъ скоро получу корону, писала она, я немедленно войду въ сношенія съ римскимъ дворомъ и приложу всѣ старанія, чтобы подчинить народъ мой святѣйшему отцу. Только вамъ одному рѣшаюсь сообщить эту завѣтную тайну. Примите въ уваженіе опасное положеніе, въ которомъ я нахожусь, и поймите, насколько я нуждаюсь въ вашихъ совѣтахъ и помощи. Въ настоящую минуту, когда я во что бы то ни стало должна ѣхать въ Польшу, а оттуда въ Россію, у меня, къ сожалѣнію, недостаетъ наличныхъ денежныхъ средствъ. Но я не теряю надежды и утѣшаю себя мыслію, что ваше высокопреосвященство будете избраны въ папы».

На другой день, 9-го января, принцесса черезъ аббата Рокотани получила отвѣтъ кардинала. Онъ писалъ, что его чрезвычайно занимаетъ все высказанное ею какъ о Польшѣ, такъ и о римско-католическомъ исповѣданіи. «Провидѣніе будетъ руководить вашими благими намѣреніями, и если правда на вашей сторонѣ, вы достигнете своей цѣли», прибавилъ къ этому кардиналъ.

Кардиналу желательно было обстоятельно узнать о правахъ навязавшейся на знакомство съ нимъ русской «великой княжны». Повѣренный его аббатъ сообщилъ объ этомъ Елизаветѣ, и она обѣщала доставить копію съ духовнаго завѣщанія своей матери. При этомъ она

показала Рокотани письма къ ней князя Лимбурга и министра Горнштейна. Казалось бы, сватовсто князя, о которомъ говорилось въ этихъ письмахъ, не имѣло никакого отношенія до притязаній ея на императорскую корону, но у нея умыселъ другой тутъ былъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. «Непремѣннымъ условіемъ предложеннаго мнѣ брака съ княземъ Римской имперіи», сказала при этомъ принцесса аббату Рокотани, «поставляли мнѣ переходъ въ римско-католическую вѣру, но публично отречься отъ греческаго исповѣданія въ моемъ положеніи все равно, что отречься отъ правъ на русскій престолъ. Если я буду имѣть счастіе побѣдить враговъ моихъ и получу похищенную у меня корону, непремѣнно заключу конкордатъ съ римскимъ дворомъ и употребляю всѣ возможныя для меня средства, чтобы русскій народъ призналъ власть римской церкви. Но для успѣха дѣла намѣреніе мое должно быть скрыто отъ всего свѣта». То же самое писала она и кардиналу. Января 14-го принцесса послала къ нему обѣщанную копію съ извѣстнаго уже намъ духовнаго завѣщанія Елизаветы Петровны и писала: «Наконецъ, я рѣшилась объявить себя изъ Польшѣ, и ѣду въ Кіевъ. Преданныя намъ войска всего въ 50 миляхъ отъ этого города, и я отправлю ихъ на помощь королю Станиславу-Августу. Прежде я долго колебалась: мнѣ казалось удобнѣе ѣхать черезъ неаполитанскія владѣнія до Тарента, переѣхать море, высадиться въ Албаніи и оттуда сухимъ путемъ пробраться въ Константинополь, ибо теперь вся Европа обратила взоры на Турцію; но теперь я убѣдилась, что ѣхать черезъ Польшу будетъ выгоднѣе». Въ концѣ письма принцесса, будто мимоходомъ, упомянула о надеждѣ занять у графа Ланьяско, посланника Трирскаго курфирста, до семи тысячъ червонцевъ и просила кардинала замолвить за нее сло-

вечко при свиданіи съ этимъ посланникомъ. Для этого то, вѣроятно, искательница короны, денегъ и приключеній и показывала аббату Рокотани дружескую переписку свою съ Трирскимъ конференцъ-министромъ.

XXIV.

Разорвавъ связи съ конфедератами, принцесса, повидимому, приняла намѣреніе дѣйствовать въ союзѣ съ другими поляками, съ тѣми, что́ держали сторону короля Понятовскаго, и во что бы ни стало хотѣла добиться свиданія съ Станиславомъ-Августомъ. Зная, что онъ крайне недоволенъ раздѣломъ Польши, она не сомнѣвалась, кажется, что король и магнаты воспользуются ею, выставятъ ее противъ остававшейся безъ надежныхъ союзниковъ Екатерины, и произведя такимъ образомъ въ Россіи замѣшательство, возстановятъ прежніе предѣлы Рѣчи Посполитой. Екатерина, дѣйствительно, не имѣла тогда искренно расположенныхъ къ ней союзниковъ. Вѣнскій кабинетъ сильно досадовалъ на скорое и при томъ безъ его посредства заключеніе Кучукъ-Кайнарджискаго мира; свободное плаваніе русскихъ кораблей по Черному морю и Архипелагу и независимость кубанскихъ татаръ, особенно же Крыма, установленныя этимъ миромъ, не мало безпокоили Австрію, ибо она видѣла, что это ведетъ къ преобладенію Россіи на югѣ, къ явному ущербу государства Габсбурговъ. Императоръ и прусскій король ничего такъ не желали, какъ ослабленія Россіи, принимавшей грозное положеніе. Версальскій кабинетъ еще болѣе досадовалъ на Екатерину за то, что неудались его козни противъ Россіи. Султанъ, возбужденный французами къ войнѣ съ Екатериной, хотя и поспѣшилъ заключить невыгодный для себя

миръ, но Порта считала этотъ миръ краткимъ перемиріемъ. Испанія послѣдовала за Франціей, а шведскій король мечталъ о балтійскомъ прибрежьи и желалъ отмстить за Полтаву. Одни только англичане, желавшіе усилить свою торговлю съ Россіей, изъ разсчета держали нашу сторону.

Какъ ни блистательны были военныя дѣйствія Екатерининскихъ орловъ, какъ ни громки были побѣды ихъ, какъ ни много надѣлали онѣ шума по всей Европѣ, однако, всѣ хорошо понимали, что внутреннія силы Россіи крайне истощены. И дѣйствительно, безпрерывные рекрутскіе наборы изнурили народъ, весь цвѣтъ его былъ отвлеченъ отъ сохи и промысловъ. Пугачёвщина и другія внутреннія волненія, безпрестанные пожары, отъ которыхъ гибли тысячи селеній и выгорали цѣлые города, не сообразные съ силами податного состоянія налоги довели страну почти до нищеты, которую не трудно было замѣтить сквозь покрывало блеска, славы и роскоши, которое искусная рука Екатерины набрасывала на положеніе дѣлъ. Самое войско, столь грозное для внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, было далеко не въ блестящемъ видѣ. Дурно одѣтое, полуголодное, оно страдало отъ казнокрадства начальниковъ, которому не было предѣловъ. Если Петербургъ и ликовалъ при извѣстіяхъ о блистательныхъ побѣдахъ русскаго войска, то внутри Россіи, въ самой даже Москвѣ, мало тому радовались. Недовольство росло съ каждымъ днемъ. Такое положеніе дѣлъ въ Россіи было извѣстно «великой княжнѣ Елизаветѣ». Со всѣхъ сторонъ она получала о томъ свѣдѣнія, быть можетъ даже преувеличенныя. По свойству своего характера, она, на основаніи этихъ извѣстій, вообразила, что теперь, при помощи Польши и другихъ европейскихъ державъ, ей легко будетъ сдѣлаться Всероссійскою императрицей. Но она не

знала того, что поляки, доставлявшіе ей свѣдѣнія о положеніи Россіи, скрывали положеніе своего отечества, находившагося еще болѣе въ бѣдственномъ состояніи, чѣмъ Россія. Она не знала, что, посредствомъ своихъ посланниковъ и штыковъ своихъ солдатъ, Екатерина распоряжается въ Польшѣ какъ у себя дома. Безъ Екатерины Понятовскому никогда бы не владѣть короною Сигизмундовъ и Баторія, безъ ея помощи эта корона давно бы слетѣла съ головы его и, конечно, если бы до императрицы дошли теперь свѣдѣнія, что онъ принимаетъ участіе въ химерическихъ замыслахъ «всклепавшей на себя имя», онъ бы ранѣе положеннаго судьбой срока лишился государства.

Но этого и въ голову не приходило принцессѣ. Она искала знакомства съ польскимъ резидентомъ въ столицѣ католичества, маркизомъ д'Античи. Сначала онъ уклонялся отъ свиданія съ нею, ссылаясь на свое офиціальное положеніе, но аббату Рокотани удалось убѣдитъ его познакомиться съ претенденткой. Января 16-го назначено было свиданіе въ церкви Santa Maria degli Angeli. «Великая княжна» разсказала маркизу о судьбѣ своей, о планѣ и намѣреніяхъ, и онъ пришелъ въ восхищеніе отъ необыкновеннаго ея ума и любезности. Она просила д'Античи дать ей рекомендательное письмо къ королю польскому, но резидентъ отказался; голосомъ холоднаго разсудка совѣтовалъ онъ восторженной до экзальтаціи красавицѣ оставить химерическія намѣренія. Онъ доказывалъ ей несбыточность ея плановъ и сказалъ, что, ни мало не сомнѣваясь въ царственномъ ея происхожденіи, онъ полагаетъ, однако, что борьба ея съ Екатериной немыслима, и что въ ея положеніи лучше всего отыскать надежное убѣжище, въ которомъ бы могла она безмятежно продолжать жизнь свою. Не понравился принцессѣ добрый совѣтъ маркиза, она написала къ нему письмо,

исполненное блистательнѣйшими для Польши политическими соображеніями, и обѣщала золотой вѣкъ этой странѣ, если достигнетъ короны. Польскій резидентъ отвѣчалъ ей въ томъ же смыслѣ, какъ говорилъ въ церкви Св. Маріи, и настоятельно совѣтовалъ ей скорѣе удалиться въ скромное уединеніе и тѣмъ избѣгнуть вредныхъ послѣдствій, которыя не считалъ неизбѣжными, если она не покинетъ своихъ замысловъ. Послѣ того, она написала къ маркизу письмо, въ которомъ говорила между прочимъ слѣдующее: «Въ послѣднее свиданіе наше я нашла въ васъ столько благородства, ума и добродѣтели, что по сію пору нахожусь въ океанѣ размышленій и удивленія... Но вчера ввечеру получила я множество писемъ, адресованныхъ ко мнѣ въ Рагузу, и въ то же время получила извѣстіе, что миръ не будетъ ретификованъ султаномъ; невозможно вообразить, какія смятенія царствуютъ теперь въ Портѣ. Я намѣрена обратиться съ извѣстнымъ вамъ предложеніемъ къ Польшѣ, и съ тою же цѣлію пошлю курьера въ Берлинъ, къ королю Фридриху. Для себя я ничего не желаю: хочу достичь одной славы — слава возстановительницы Польши. Средства къ этому у меня есть, и я не замедлю доставить Его Величеству, королю Станиславу-Августу, эти средства для веденія войны противъ Екатерины. Какъ скоро онъ подниметъ оружіе, русскій народъ, страдающій подъ настоящимъ правленіемъ и вполнѣ намъ преданный, соединится съ польскими войсками. Что касается до короля прусскаго, это мое дѣло: я на себя принимаю уладить съ нимъ соглашеніе. Курьеръ, котораго я отправляю въ Константинополь, поѣдетъ черезъ Европу и завезетъ письмо мое въ Берлинъ. Сама я поѣду отсюда также въ Берлинъ и повидаюсь съ королемъ прусскимъ. Во время путешествія до Берлина мнѣ будетъ достаточно времени поду-

мать о моихъ депешахъ, которыя король Фридрихъ получитъ до прибытія моего въ его столицу. Изъ Берлина поѣду въ Польшу, оттуда въ польскую украйну, тамъ и неподалеку оттуда стоятъ преданныя намъ русскія войска. Здѣсь никто не будетъ подозрѣвать, куда я отправляюсь, всѣ будутъ думать, что я поѣхала въ Германію, въ тамошнія мои владѣнія. Какой бы оборотъ ни приняли дѣла мои, я всегда найду средства воспрепятствовать злу. Небо, намъ поборающее, доставитъ успѣхъ, если будутъ помогать намъ; если же я не увижу помощи, оставлю все и устрою для себя пріятное убѣжище». Черезъ день маркизъ д'Античи отвѣчалъ ей: «Позвольте предложить вамъ избрать то самое намѣреніе, какое вы высказали въ письмѣ вашемъ ко мнѣ: оставьте всякіе политическіе замыслы и удалитесь въ пріятное уединеніе. Всякое другое намѣреніе для людей благомыслящихъ покажется не только опаснымъ, но и противнымъ долгу и голосу совѣсти, оно можетъ показаться имъ химерическимъ или, по крайней мѣрѣ, влекущимъ за собой неизбѣжныя бѣдствія». При свиданіи, маркизъ, кажется, прямо сказалъ ей, что ни король, ни Рѣчь Посполитая ни въ какомъ случаѣ не согласятся принять участія въ ея замыслахъ. Принцесса долго не отвѣчала на письмо д'Античи. Слишкомъ черезъ двѣ недѣли (а въ это время, какъ увидимъ, у нея уже созрѣли иные замыслы) она отвѣчала ему (5-го февраля 1775 года), благодарила за совѣтъ, хвалила его благоразуміе, проницательность, извинялась, что безпокоила его, и обѣщала удалиться въ Германію. Маркизъ д'Античи вѣжливо поздравилъ ее съ этимъ рѣшеніемъ. Принцесса хитрила: она хотѣла, чтобы польскій резидентъ увѣрился самъ и передалъ въ Польшу, что она рѣшилась уединиться въ Оберштейнѣ, тогда какъ она влеклась по другому пути, приведшему ее къ гибели.

XXV.

Получивъ денежныя средства, принцесса стала вести въ Римѣ жизнь роскошную, хотя обширныхъ знакомствъ и избѣгала. Штатъ ея увеличился: у нея находилось всякаго рода служителей болѣе шестидесяти человѣкъ. О ней сильно заговорили въ Римѣ; таинственность, которою принцесса старались до извѣстной степени окружить себя, усиливала разнообразные о ней толки. Простолюдины, которымъ она бросала деньги съ истинно царскою щедростью, болѣе всего разглашали, что въ папской столицѣ нашла пріютъ русская великая княжна, изгнанница изъ своего отечества, имѣющая право на престолъ Великой сѣверной имперіи. Въ тѣ дни, когда усиливавшаяся съ каждымъ днемъ чахотка позволяла принцессѣ выѣзжать, она обозрѣвала картинныя галлереи и памятники классической архитектуры, которыми такъ богатъ Римъ. По отзыву Рокотани, нѣсколько разъ сопутствовавшаго ей при обозрѣніи римскихъ достопримѣчательностей, она сама прекрасно рисовала и имѣла обширныя познанія въ архитектурѣ. До́ма она собирала вокругъ себя небольшой кружокъ близкихъ къ ней людей, и въ это время разговоры о политикѣ перемѣшивались съ милыми, остроумными салонными разговорами, съ исполненіемъ замѣчательными артистами разныхъ музыкальныхъ піесъ; сама принцесса прекрасно играла на арфѣ и каждый разъ доставляла гостямъ своимъ случай восхищаться ея по истинѣ артистическимъ искусствомъ.

Деньги какъ вода утекали изъ рукъ расточительной принцессы. Мы уже не разъ говорили о непомѣрномъ, не знавшемъ никакихъ предѣловъ мотовствѣ ея, мотовствѣ, о которомъ разорившійся ради ея преле-

стей князь Лимбургъ, не безъ горькаго чувства, замѣчалъ, что всѣхъ сокровищъ Персіи не достанетъ на удовлетвореніе всѣхъ прихотей его возлюбленной. Средствъ вскорѣ оказалось недостаточно. Графъ Ланьяско, Трирскій посланникъ, ссудилъ ее только 50 червонцами. Приближенные набирали для нея взаймы деньги по мелочамъ. На Ганецкаго, занимавшаго деньги на короткіе сроки, поступило взысканіе, и онъ, боясь личнаго задержанія, принужденъ былъ скрываться отъ займодавцевъ. Тогда эксъ-іезуитъ сталъ обращаться съ принцессою рѣзко и вмѣстѣ съ собратомъ своимъ по ордену Іисусову, Воловичемъ, распускать слухи объ ея любовныхъ похожденіяхъ и даже выражать сомнѣніе въ дѣйствительности царственнаго ея происхожденія. Она прогнала отъ себя обоихъ іезуитовъ, и Ганецкій отдалъ ее въ руки ростовщиковъ.

Главнымъ источникомъ доходовъ принцессы въ это время служила продажа орденовъ: даже самъ Ланьяско, судя по письму его, далъ 50 червонцевъ за орденъ. Находясь въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, принцесса обращалась съ просьбой о займѣ шести или семи тысячъ червонцевъ то къ графу Ланьяско, то къ маркизу д'Античи, то къ кардиналу Альбани, но отовсюду получала отказы, хотя и вѣжливые. Положеніе ея сдѣлалось крайне затруднительно. И вдругъ нежданно-негаданно, въ то самое время какъ заимодавцы начали уже принимать относительно графини Пиннебергъ полицейскія мѣры, является къ ней осторожнѣйшій изъ римскихъ банкировъ Дженкинсъ и предлагаетъ ей кредитъ безграничный.

Недѣли черезъ двѣ по прибытіи въ Римъ, тщетно отыскивая средства достать денегъ, принцесса вспомнила объ англійскомъ посланникѣ Гамильтонѣ, который съ такою любезною предупредительностью выхлопоталъ ей въ Неаполѣ паспортъ. Она вздумала по-

просить у него семь тысячъ червонцевъ и для подкрѣпленій своего кредита посвятила его въ свои тайны. Декабря 21-го послала она къ нему длинное письмо, изъ котораго мы сдѣлаемъ нѣкоторыя извлеченія: «Съ перваго взгляда на васъ, вы показались мнѣ такимъ благороднымъ, такимъ образованнымъ человѣкомъ, что я невольно почувствовала къ вамъ глубокое уваженіе, и теперь, нимало не сомнѣваясь въ вашей скромности, рѣшаюсь съ вами совершенно откровенно говорить. Не думайте легко о моихъ предпріятіяхъ, помните, что Небо, посылающее въ иныхъ людяхъ бичей рода человѣческаго, посылаетъ и такихъ, которые дѣлаются утѣшеніемъ людей. Я долго колебалась, начинать или не начинать мнѣ предпріятіе, наконецъ, рѣшилась. Прочтите короткій очеркъ обстоятельствъ, приведшихъ меня въ здѣшніе края, и изложеніе причинъ, побуждающихъ меня дѣйствовать, и тѣхъ основаній, которыя, надѣюсь, даютъ мнѣ право обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой о паспортахъ для отъѣзда въ Турцію и рекомендательныхъ письмахъ къ вѣнскому и константинопольскому посланникамъ англійскаго двора». Далѣе принцесса разсказываетъ Гамильтону о Пугачевѣ (тогда уже привезенномъ на казнь въ Москву), котораго, однако, не называетъ своимъ братомъ, но казакомъ, мальчикомъ, вывезеннымъ въ Петербургъ Разумовскимъ, сдѣлавшимся пажемъ императрицы Елизаветы, получившимъ блистательное образованіе въ Берлинѣ и теперь предводительствующимъ преданною ей партіей въ Россіи. Упомянувъ о ссылкѣ своей въ Сибирь, объ отравленіи ядомъ, о воспитаніи, полученномъ при персидскомъ дворѣ, о предложеніи, сдѣланномъ шахомъ, она говоритъ о поѣздкѣ своей въ Европу и о рѣшимости, по совѣту друзей, ѣхать въ Константинополь и тамъ искать покровительства у султана, для чего

она и соединилась съ княземъ Радзивиломъ въ Венеціи. «Передъ отѣздомъ изъ этого города въ Рагузу,—продолжала она,—я познакомилась съ милордомъ Монтегю и воспользовалась совѣтами его благоразумія и прекраснаго сердца; онъ одобрилъ мои намѣренія и сдѣлалъ мнѣ все, что̀ могъ бы сдѣлать родной братъ. Мы пріѣхали съ княземъ Радзивиломъ въ Рагузу. Въ ожиданіи султанскаго фирмана, мы прожили тамъ два мѣсяца, и, имѣя восемьдесятъ человѣкъ свиты, израсходовали всѣ деньги, взятыя на проѣздъ. Въ это время получено было извѣстіе о мирѣ, заключенномъ между Турціей и Россіей. Это извѣстіе застало насъ врасплохъ: еще за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ я послала два письма къ султану, копію съ которыхъ при семъ прилагаю. Я колебалась между страхомъ и надеждой, настоятельно требовала скорѣйшей поѣздки въ Константинополь; но денежныя средства были истощены, и приходилось выжидать время. Со всѣхъ сторонъ встрѣчала я препятствія: морскія непогоды, суровое время года, медленное доставленіе писемъ, которыя недѣль по шести бывали въ дорогѣ; надо было рѣшиться на что-либо другое. Князь Радзивилъ съ своею огромною свитой, собранною изъ разныхъ національностей, которая ему больше вредила, чѣмъ была полезна, отправился въ Венецію, а мнѣ разстроенное здоровье нѣсколько недѣль не дозволяло пуститься въ море. Наконецъ, я рѣшилась ѣхать въ Неаполь. Декабря 7-го пріѣхала я въ Римъ. Здѣсь дошли до моего свѣдѣнія разныя политическія новости и въ томъ числѣ о ратификаціи мира, и что Пугачевъ съ каждымъ днемъ усиливается. Злые языки недоброжелателей распустили молву, перешедшую и въ газеты, будто Пугачевъ взятъ, но мы имѣемъ подлинныя письма, увѣряющія въ противномъ». Затѣмъ принцесса повѣряетъ сэру Гамильтону предпо-

ложенія о дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ, говоритъ, что намѣревается проѣхать въ Константинополь сухимъ путемъ черезъ Венгрію, но замѣчаетъ, что такое путешествіе не безопасно: венгерскій король Іосифъ II находится въ союзѣ съ Екатериной, и, проѣзжая черезъ его владѣнія, она можетъ быть открыта. «Это еще не бѣда,—замѣчаетъ принцесса,—но зачѣмъ возбуждать любопытство и подвергаться излишнимъ расходамъ?... Я въ Римѣ попусту теряю время, но какъ скоро достигну Константинополя, выйду изъ нерѣшительнаго положенія, въ которое поставлена, благодаря коварной политикѣ. Заключенный миръ унизителенъ для Порты. Но я возбужу въ ней стремленіе къ спасенію ея чести и къ защитѣ законныхъ моихъ правъ. Полагаю, что духовное завѣщаніе императрицы Елизаветы сохраняетъ свою силу. При сношеніяхъ съ Портой я не забуду интересовъ вашего двора: вѣдь англійская торговля въ Левантѣ сильно подорвана мирнымъ трактатомъ, подписаннымъ великимъ визиремъ. Заклинаю васъ, милордъ, сдѣлайте для меня все, что̀ для васъ возможно, и вѣрьте, что на всю жизнь я сохраню чувства признательности ко всему англійскому народу. Здѣсь расходы большіе, а я не имѣю денежныхъ средствъ. Милордъ Монтегю ссудилъ меня, сколько ему было возможно, своими деньгами; прилагаю въ доказательство одно изъ его писемъ. Еслибъ я могла достать взаймы небольшую сумму въ 7.000 червонцевъ, я могла бы представить въ обезпеченіе графство Оберштейнъ въ Лотарингіи, которое герцогъ Шлезвигъ-Гольштейнскій, князь и графъ Лимбургскій, получилъ отъ дома Линанжъ. Войдите въ мое положеніе, господинъ министръ, ваше доброе сердце не дозволитъ вамъ отказать мнѣ въ бумагахъ, съ которыми я вездѣ была бы безопасна. Вотъ что̀ вы можете сдѣлать, нисколько себя не ком-

прометтируя: снабдите меня паспортомъ на имя г-жи Вальмодъ или на имя другой ганноверской подданной. Я знаю по-нѣмецки и немножко по-англійски, слѣдовательно, могу убѣдить всѣхъ въ тождествѣ съ названнымъ лицомъ. Напишите въ Вѣну, къ находящемуся тамъ министру вашего двора, чтобъ онъ доставилъ мнѣ средства отправиться въ Константинополь. Я сама хотѣла было отправиться для свиданія съ вами въ Неаполь; но боюсь, что это не понравится вашему превосходительству. Въ Римѣ много англичанъ, напишите къ одному изъ нихъ, которому бы можно довѣрить тайну; черезъ него я буду ожидать вашихъ добрыхъ совѣтовъ. Еслибъ я могла поскорѣе отсюда уѣхать, то еще до исхода зимы пріѣхала бы въ Константинополь, то есть прежде чѣмъ войска могутъ выступить въ походъ. Въ настоящую минуту участь моя зависитъ отъ вашего превосходительства. Сдѣлаю все, чтó вы мнѣ посовѣтуете, и на всю жизнь останусь съ искреннимъ чувствомъ уваженія». Гамильтонъ, получивъ это письмо, подъ которымъ было подписано: «*принцесса Елизавета*», тутъ только увидѣлъ, кому оказалъ онъ услугу выдачей паспорта въ Римъ. Опасаясь, чтобъ это не скомпрометтировало его, какъ въ глазахъ собственнаго правительства, находившагося съ императрицей Екатериной въ добрыхъ отношеніяхъ, такъ и въ глазахъ графа Алексѣя Орлова, съ которымъ онъ находился въ короткихъ сношеніяхъ, англійскій резидентъ рѣшился поправить свою ошибку. Онъ отправилъ подлинное письмо принцессы въ Ливорно, къ тамошнему англійскому консулу Джону Дику, о дружбѣ котораго съ Орловымъ мы уже говорили. Сэръ-Дикъ препроводилъ письмо въ Пизу. Такимъ образомъ, графъ Орловъ, уже болѣе трехъ мѣсяцевъ напрасно отыскивавшій слѣды самозванки, узналъ объ ея мѣстопребываніи.

Въ первыхъ числахъ января 1775 года, по старому стилю, явился къ Орлову офицеръ, котораго въ ноябрѣ онъ посылалъ въ Рагузу. Онъ сказалъ, что «всклепавшая на себя имя», дѣйствительно, не мало времени жила въ Рагузѣ съ княземъ Радзивиломъ, но уѣхала вмѣстѣ съ нимъ въ Венецію. Не мѣшкая нимало, офицеръ поѣхалъ слѣдомъ, но въ Венеціи нашелъ одного Радзивила, принцессы съ нимъ не было. Наконецъ, удалось ему отъ кого то узнать, что она проѣхала въ Неаполь. Съ этою вѣстью онъ и прискакалъ въ Пизу. На другой день послѣ этого, Орловъ получилъ отъ сэра Дика письмо самозванки на имя Гамильтона, и въ тотъ же день послалъ въ Римъ своего генеральсъ-адъютанта Христенека, съ тѣмъ, чтобъ онъ постарался втереться къ принцессѣ Елизаветѣ въ довѣренность и постарался привезти ее въ Пизу. Вотъ что доносилъ объ этомъ графъ Орловъ императрицѣ 5 (16-го) января 1775 года:

„Всемилостивѣйшая Государыня! По запечатаніи всѣхъ моихъ донесеній Вашему Императорскому Величеству, получилъ я извѣстіе отъ посланнаго мною офицера для развѣдыванія о самозванкѣ, что оная больше не находится въ Рагузахъ, и многія обстоятельства увѣрили его, что оная поѣхала вмѣстѣ съ княземъ Радзивиломъ въ Венецію; и онъ, нимало не мѣшкая, поѣхалъ за ними вслѣдъ, но, по пріѣздѣ его въ Венецію, нашелъ только одного Радзивила, а она туда и не пріѣзжала; и объ немъ розно говорятъ: одни, будто онъ намѣренъ ѣхать во Францію, а другіе увѣряютъ, что онъ возвращается въ отечество. А объ ней оный офицеръ развѣдалъ, что она поѣхала въ Неаполь. А на другой день онаго извѣстія получилъ я изъ Неаполя письмо отъ англійскаго министра Гамильтона, что тамъ одна женщина была, которая просила у него паспорта для проѣзда въ Римъ, что̀ онъ для услуги ея и сдѣлалъ, а изъ Рима получилъ отъ нея письмо, гдѣ она себя принцессой называетъ. Я-жъ всѣ оныя письма въ оригиналѣ, какъ мною получены, на разсмотрѣніе Вашему Императорскому

Величеству при семъ посылаю. А отъ меня нарочный того же дня посланъ въ Римъ, штата моего генеральсъ-адъютантъ Иванъ Христенекъ, чтобъ объ ней въ точности навѣдаться и стараться познакомиться съ нею; при томъ, чтобъ онъ обѣщалъ, что она во всемъ можетъ на меня положиться, и, буде уговоритъ, чтобы привезъ ее ко мнѣ съ собою. А министру англійскому я отвѣчалъ, что это надобно быть самой сумасбродной и безумной женщинѣ, однакожъ, при томъ далъ ему знать мое любопытство, чтобъ я желалъ видѣть ее, а при томъ просилъ его, чтобы присовѣтовалъ онъ ѣхать ей ко мнѣ. А между тѣмъ и кавалеру Дику приказалъ писать къ вѣрнымъ людямъ, которыхъ онъ въ Римѣ знаетъ, чтобъ и они совѣтовали ей пріѣхать сюда, гдѣ она отъ меня всякой помощи надѣяться можетъ. И что впредь будетъ происходить, о томъ не упущу доносить Вашему Императорскому Величеству, и всѣ силы употреблю, чтобъ оную достать, а по послѣдней мѣрѣ свѣдому быть о ея пребываньи. Я-жъ, повергая себя къ священнымъ вашимъ стопамъ, пребуду навсегда Вашего Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей моей Государыни, всеподданѣйшій рабъ, *графъ Алексѣй Орловъ*".

Христенекъ тотчасъ же поскакалъ исполнять данное ему порученіе, и, черезъ два дня по отправленіи Орловымъ донесенія, онъ былъ уже въ Римѣ.

XXVI.

На Марсовомъ полѣ въ Римѣ, около дома Жуяни, сталъ бродить таинственный незнакомецъ. Съ большимъ участіемъ разспрашивалъ онъ прислугу о принцессѣ, занимавшей этотъ домъ, и отзывался о ней съ крайнею почтительностію. Это передали принцессѣ; она встревожилась. Въ бесѣдѣ съ аббатомъ Рокотани она высказала подозрѣніе, что незнакомецъ, бродящій подъ ея окнами, долженъ быть тайный агентъ изъ Петербурга, и просила передать кардиналу Альбани

ея просьбу приказать римской полиціи разузнать о немъ. Аббатъ отказался передать это Альбани, говоря, что кардиналу неприлично вмѣшиваться въ такое дѣло, и посовѣтовалъ обратиться лучше къ Трирскому посланнику. Но графъ Ланьяско въ это время только что отказалъ принцессѣ въ деньгахъ, и она не хотѣла болѣе обращаться къ нему съ своими просьбами. «Я приму этого незнакомца», сказала она въ досадѣ аббату. И, дѣйствительно, приказала принять къ себѣ бродившаго подъ окнами таинственнаго человѣка. Онъ былъ допущенъ къ ней и самымъ почтительнѣйшимъ образомъ отрекомендовался лейтенантомъ русскаго флота, Иваномъ Христенекомъ.

Графиня Пиннебергъ приняла его недовѣрчиво; она не высказывалась ему и тогда, какъ Христенекъ сталъ увѣрять «ея свѣтлость» о преданности къ особѣ ея графа Алексѣя Григорьевича и о живѣйшемъ участіи, какое онъ принимаетъ въ ея положеніи. Она прекратила разговоръ, замѣтивъ, что графу надобно высказаться яснѣе. На другой или на третій день является къ принцессѣ англичанинъ, банкиръ Дженкинсъ, предлагая ей сколько угодно денегъ. Онъ только что получилъ объ этомъ порученіе изъ Ливорно отъ сэра Дика, который, какъ изъ этого видно, не замедлилъ исполнить просьбу графа Орлова. Понятно, что принцесса несказанно обрадовалась такому предложенію, вѣроятно, думая, что Дженкинсъ явился къ ней по порученію Гамильтона. Но когда онъ сказалъ ей, что русскій генералъ, графъ Орловъ, поручилъ ему открыть кредитъ графинѣ Пиннебергъ, подозрѣніе блеснуло въ головѣ ея, и, несмотря на то, что она крайне нуждалась, сказала банкиру, что не имѣетъ надобности въ его помощи. Съ улыбкой откланялся ей Дженкинсъ: онъ зналъ, что графиня Пиннебергъ разыгрываетъ передъ нимъ комедію, что она

вся въ рукахъ ростовщиковъ, что полиція уже начинаетъ предпринимать рѣшительныя противъ нея мѣры по просьбѣ кредиторовъ.

Было надъ чѣмъ призадуматься принцессѣ. Пославъ къ графу Орлову письмо изъ Рагузы, она такъ долго ожидала объявленія своего «манифестика» стоявшему на Ливорнскомъ рейдѣ русскому флоту, что, наконецъ, несмотря на свою легкомысленность, могла придти къ заключенію, что предложеніе ея отвергнуто Орловомъ, и что ей не только не должно надѣяться на него, но слѣдуетъ опасаться всѣмъ извѣстной его предпріимчивости. Эти опасенія, по всей вѣроятности, и были причиной, какъ холоднаго пріема Христенеку, такъ и отказа Дженкинсу. Но хитрую принцессу перехитрили. Христенекъ сообщилъ графу Орлову о сдѣланномъ ему пріемѣ и получилъ отъ своего начальника новыя наставленія. До Орлова дошли вѣрныя извѣстія о характерѣ самозванки: «свойство она имѣетъ отважное,—доносилъ онъ императрицѣ,—и своею смѣлостію много хвалится». Этимъ то самымъ свойствомъ характера принцессы и задумалъ графъ Орловъ увлечь ее въ разставленныя сѣти. Онъ не ошибся въ разсчетѣ.

Января 27-го Христенекъ писалъ принцессѣ, что, получивъ отъ графа Орлова письмо, о которомъ нужно переговорить съ «ея свѣтлостью», онъ проситъ назначить ему день и часъ пріема. Принцесса колебалась. Не отвѣчая Христенеку, она послала на другой день черезъ аббата Рокотани еще письмо къ кардиналу Альбани, прося у него хоть одну тысячу червонцевъ. Кардиналъ прислалъ уклончивый отвѣтъ. Полиція между тѣмъ грозила. Принцессу хотѣли завтра или послѣзавтра арестовать за долги. Денегъ не было; положеніе безвыходное; она рѣшилась принять Христенека. Кастера говоритъ, что, при этомъ свиданіи,

Христенекъ, отъ имени Орлова, сказалъ ей, что графъ, признавая ее за дочь Елизаветы Петровны, предлагаетъ ей свою руку и русскій престолъ, на который онъ возведетъ ее, произведя въ Россіи возмущеніе, чтó сдѣлать не трудно, ибо народъ недоволенъ Екатериною [1]) Въ удостовѣреніе своихъ словъ, Христенекъ показалъ письмо Орлова; оно было написано по-нѣмецки, чтобы принцесса могла понять его. Она повѣрила обману и сдѣлала рѣшительный шагъ къ своей погибели.

Склонясь на убѣжденіе Христенека, она послала съ курьеромъ письмо къ Орлову, въ которомъ извѣщала, что письмо къ лейтенанту даетъ ей смѣлость ѣхать въ Пизу и съ полною довѣренностью ввѣрить ему судьбу свою. «Желаніе блага Россіи,—прибавляла она,—во мнѣ такъ искренно, что никакое обстоятельство не въ силахъ остановить меня въ исполненіи своего долга». Въ заключеніе она сказала, что мѣсяца черезъ полтора она ожидаетъ полученія значительныхъ суммъ, а до тѣхъ поръ проситъ снабдить ее 2.000 червонцевъ на поѣздку, такъ какъ скорое свиданіе съ графомъ въ Пизѣ она считаетъ необходимымъ Черезъ день Дженкинсъ вручилъ ей 2.000 червонцевъ. Затѣмъ онъ уплатилъ всѣ ея римскіе и венеціанскіе долги, на что, по словамъ польскаго резидента д'Античи, употреблено было одиннадцать тысячъ червонцевъ.

Января 31-го принцесса увѣдомила кардинала Альбани, что обстоятельства ея измѣнились, и она дней черезъ десять выѣзжаетъ изъ Рима, съ тѣмъ, чтобъ оставить міръ и посвятить жизнь свою Богу. Испрашивая кардинальскаго благословенія на такой подвигъ, она просила о возвращеніи посланныхъ къ Альбани документовъ, но аббатъ Рокотани сказалъ ей, что

[1]) *Histoire de Catherine II.* Paris, II, 82.

бумаги, для бóльшей безопасности, кардиналомъ сожжены. Кардиналъ и принцесса взаимно обманывали другъ друга: документы были цѣлы, а она о монастырѣ и не помышляля. Впрочемъ, 3-го февралѣ она сама объявила аббату, что отреченіе ея отъ свѣта окончательно еще не рѣшено, но что она на дняхъ уѣзжаетъ изъ Рима, по совѣту графа Орлова, оставляя фамилію графини Пиннебергъ, и что вообще дѣла ея неожиданно приняли очень хорошій оборотъ. Вѣроятно, по совѣту Орлова, переданному черезъ Христенека, принцесса никому не сказывала въ Римѣ, никому не писала, что она ѣдетъ къ нему въ Пизу, и что онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ ея предпріятіи. Къ д'Античи она написала, что, слѣдуя его совѣту, она ѣдетъ въ Германію, другимъ говорила про монастырь. Сами домашніе ея не знали навѣрное объ ея намѣреніяхъ.

Простившись 10-го февраля съ аббатомъ Рокотани и сдѣлавъ ему дорогіе подарки, принцесса утромъ на другой день, подъ именемъ графини Селинской, въ двухъ экипажахъ поѣхала изъ Рима. Ее сопровождали Доманскій, Чарномскій, Франциска Мешеде и нѣсколько слугъ. Раздавъ щедрую милостыню нищимъ, собравшимся у церкви Санъ-Карло, она, при шумныхъ благодарныхъ крикахъ толпы, поѣхала по Корсо къ Флорентійской заставѣ и выѣхала изъ вѣчнаго города.

Слѣдомъ за ея экипажемъ ѣхалъ Христенекъ.

XXVII.

Черезъ четыре дня по отъѣздѣ изъ Рима, «принцесса Елизавета», подъ именемъ графини Селинской, пріѣхала въ Пизу, которою владѣлъ тогда сынъ Маріи

Терезіи, братъ императора Іосифа II и самъ по смерти его императоръ Священной Римской имперіи, Леопольдъ. Угодливый и, казалось, совершенно преданный принцессѣ лейтенантъ Христенекъ подвезъ ее къ роскошному палаццо. Заблаговременно извѣщенный, что «всклепавшая на себя имя» сама ѣдетъ въ Пизу, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ не замедлилъ пріискать ей прекрасное помѣщеніе, вполнѣ приличное принятому на себя этою женщиной званію. Принцесса расположилась въ палаццо съ сопровождавшею ея свитой. Слѣдомъ пріѣхали изъ Рима остальные служители ея двора. Весь штатъ этого двора состоялъ въ Пизѣ изъ шестидесяти человѣкъ, какъ писалъ графъ Орловъ императрицѣ.[1])

Графъ Алексѣй Григорьевичъ не замедлилъ представиться «принцессѣ Елизаветѣ». Онъ обращался съ нею почтительно, и почтеніе свое заявлялъ совершенно какъ вѣрноподданный. Съ чрезвычайною заботливостью окружалъ онъ ее всѣми возможными удобствами, являлся къ ней ежедневно не иначе, какъ въ парадной формѣ и въ лентѣ, не садился передъ ней, съ поспѣшностью предупреждалъ каждое ея желаніе; даже съ кавалерами двора принцессы, съ Доманскимъ и Чарномскимъ, обходился не только съ изысканною любезностью, но даже съ глубокимъ почтеніемъ. Принцесса не вдругъ, однако, повѣрила Орлову свои планы и намѣренія. Она только разсказала ему, что еще въ младенчествѣ была унесена однимъ священникомъ и какими то женщинами изъ Россіи, что, по проискамъ ея враговъ, была отравлена, такъ что рвотными едва успѣли спасти ея жизнь. Говорила, что она воспитана въ Персіи, гдѣ до сихъ поръ имѣетъ многочисленную

1) *Донесеніе графа Орлова императрицѣ* отъ 14-го (25-го) февраля 1775 года.

и сильную своимъ вліяніемъ на внутреннія и внѣшнія политическія дѣла партію, что, по достиженіи совершеннолѣтія, она уѣхала въ Европу, проѣзжала при этомъ черезъ мѣста, населенныя татарами, по Волгѣ, была тайно въ Петербургѣ, а отсюда черезъ Ригу проѣхала въ Пруссію. Принцесса разказывала графу Орлову, что въ Потсдамѣ она видѣлась съ королемъ Фридрихомъ и объяснила ему, кто она такая, затѣмъ жила въ Парижѣ, была знакома съ тамошними министрами, но открылась имъ не вполнѣ, называя себя только «принцессой Владимірской» и умалчивая, что покойная императрица Елизавета была ея матерью. Она разсказывала также, что въ Германіи коротко познакомилась съ нѣкоторыми имперскими князьями, особенно же съ курфирстомъ Трирскимъ и княземъ Гольштейнъ-Шлезвигъ-Лимбургскимъ, что она не надѣется на императора Іосифа II, но вполнѣ разсчитываетъ на помощь королей прусскаго и шведскаго, что съ членами польской конфедераціи она хорошо знакома и намѣрена изъ Италіи ѣхать въ Константинополь, чтобы представиться султану Абдулъ-Гамеду, для чего и послала туда напередъ вѣрнаго человѣка. Это,—говорила она,—одинъ преданный ей персіянинъ, знающій восемь или девять языковъ.

Такъ разсказывала принцесса графу Орлову, и такъ Орловъ о всемъ сказанномъ доносилъ императрицѣ. Онъ не упомянулъ, чтобы принцесса говорила ему что-нибудь про Пугачева, чтобъ она сказала ему что-либо о существованіи въ Россіи преданной ей партіи. Вѣроятно, въ это время принцесса Владимірская уже знала, что названный ея «братецъ» 10-го января (ст. ст.) сложилъ буйную свою голову въ Москвѣ на Болотѣ. О партіи въ Россіи она не могла распространяться въ интимныхъ бесѣдахъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ: Орловъ не полякъ, не англичанинъ, не кар-

диналъ, онъ лучше ея самой зналъ всѣ партіи, существовавшія тогда въ Россіи, ему надобно было назвать имена, а кого бы назвала принцесса?

Впрочемъ, вскорѣ по арестованіи ея, Орловъ писалъ императрицѣ: «Я нѣсколько сомнѣнія имѣю *на одного изъ нашихъ вояжировъ*, а легко можетъ быть, что я ошибаюсь, только видѣлъ многія французскія письма безъ подписи, и рука мнѣ знакомая быть кажется». Орловъ подозрѣвалъ Ивана Ивановича Шувалова. Впослѣдствіи къ фельдмаршалу, князю Голицыну, когда онъ производилъ въ Петропавловской крѣпости слѣдствіе надъ «всклепавшею на себя имя», прислана была собственноручная записка Шувалова самаго незначительнаго содержанія для сличенія почерковъ. Оказалось, что почеркъ заподозрѣннаго былъ сходенъ съ почеркомъ князя Лимбурга. Шувалова оставили въ покоѣ, и онъ вскорѣ потомъ воротился въ Россію послѣ столь долговременнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ.

Орловъ такъ описывалъ императрицѣ наружность принцессы Елизаветы: «Оная женщина росту небольшого тѣла очень сухого, лицомъ ни бѣла, ни черна, глаза имѣетъ большіе, открытые, цвѣтомъ темнокаріе, косы и брови темнорусы, а на лицѣ есть и веснушки. Говоритъ хорошо по-французски, по-нѣмецки, немного по-италіански, разумѣетъ по-англійски, думать надобно, что и польскій языкъ знаетъ, только никакъ не отзывается; увѣряетъ о себѣ, что она арабскимъ и персидскимъ языкомъ очень хорошо говоритъ... Свойство она имѣетъ довольно отважное и своею смѣлостью много хвалится».

Отважнымъ свойствомъ этой несчастной женщины и воспользовался графъ Алексѣй Григорьевичъ, чтобы, во исполненіе воли императрицы Екатерины, захватить ее, и живою или мертвою привезти въ Россію. Весьма вѣроятно, что Орловъ еще прежде получилъ отъ кого-

нибудь свѣдѣнія о принцессѣ, объ ея страстной натурѣ, объ ея влюбчивомъ характерѣ и сильной склонности къ чувственнымъ наслажденіямъ. Графъ рѣшился вести съ ней игру въ любовь, чтобъ обыграть легкомысленную красавицу навѣрняка и увлечь ее въ хитро-разставленныя имъ сѣти. Графъ Алексѣй Григорьевичъ былъ большой мастеръ играть въ любовь и съ особеннымъ искусствомъ сыгралъ задуманную теперь партію.

Ему было въ то время тридцать восемь лѣтъ, онъ былъ красавецъ и настоящій богатырь. Огромнаго роста, въ плечахъ, какъ говорится, косая сажень, силы необычайной, съ пріятнымъ, умнымъ, выразительнымъ лицомъ, Чесменскій герой былъ одинъ изъ красивѣйшихъ людей своего времени и не могъ не произвести сильнаго впечатлѣнія на страстную и все для чувственныхъ наслажденій забывавшую принцессу. Всѣ дотолѣ пользовавшіеся сердечнымъ ея расположеніемъ голландцы, нѣмцы, французы, поляки и алжирцы были пигмеи сравнительно съ этимъ русскимъ могучимъ богатыремъ. Съ перваго же свиданія она была очарована графомъ. Онъ, съ своей стороны, прикинулся страстно влюбленнымъ и даже просилъ руки прекрасной княжны. Благосклонно принявъ предложеніе Орлова, она сказала, однако, что о бракѣ думать пока еще рано, но что, достигнувъ того положенія, которое принадлежитъ ей по рожденію, она непремѣнно сдѣлается его женой. Орловъ подарилъ ей свой портретъ, сталъ выѣзжать съ ней въ открытомъ экипажѣ, показывалъ ей достопримѣчательности Пизы, вмѣстѣ съ ней бывалъ въ оперѣ, на гуляньяхъ и проч. Такъ продолжалось съ недѣлю. Изъ Пизы писали въ это время въ Варшаву, что графъ Орловъ, выѣзжая съ «знаменитою иностранкой», постоянно обходится съ нею чрезвычайно почтительно: ни онъ и

никто изъ русскихъ не садится въ ея присутствіи; если же кто говоритъ съ нею, то, кажется, стоитъ передъ нею на колѣняхъ. Въ Пизѣ въ это время жила одна русская красавица Давыдова, находившаяся съ Орловымъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и до пріѣзда принцессы постоянно съ нимъ выѣзжавшая. Теперь она болѣе не являлась съ нимъ ни въ свѣтѣ, ни въ театрѣ, ни на прогулкахъ [1]). Въ Пизѣ открыто говорили, что графъ покинулъ Давыдову, вступивъ въ связь съ очаровательною графиней Селинскою.

Эта любовь была послѣднею любовью принцессы, такъ много любившей и такъ часто мѣнявшей сердечныя привязанности. Связь ея съ Орловымъ возникла быстро, едва ли не съ перваго дня личнаго знакомства, и продолжалась всего одну недѣлю. Въ письмѣ къ императрицѣ, графъ Орловъ не говоритъ прямо о своей связи, но выражается такъ: «Она ко мнѣ казалась быть благосклонною, чего для я и старался предъ нею быть очень страстенъ. Наконецъ, я ее увѣрилъ, что я бы съ охотой и женился на ней, и въ доказательство, хоть сегодня, чему она, обольстясь, болѣе повѣрила. Признаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, что я оное исполнилъ бы, *лишь только достичь бы до того, чтобы волю Вашего Величества исполнить*, но она сказала мнѣ, что теперь не время, потому что еще не счастлива, а когда будетъ *на своемъ мѣстѣ*, тогда и меня сдѣлаетъ счастливымъ». Затѣмъ шутливымъ

[1]) Письмо изъ Пизы отъ 15-го марта 1775 года, найденное въ бумагахъ аббата Рокотани. Г-жа Давыдова, о которой упоминается въ этомъ письмѣ, была, кажется, Екатерина Львовна, жена Александра Николаевича Давыдова. Она урожденная Орлова и едва ли не родственница Чесменскому. Впрочемъ, Орловы не стѣснялись и болѣе близкими узами родства. Извѣстно, какъ поступилъ князь Григорій Григорьевичъ съ юною двоюродною сестрой своей, Екатериной Николаевной Зиновьевой. Императрица заставила его потомъ жениться на ней.

тономъ Орловъ прибавляетъ о какомъ то неизвѣстномъ намъ случаѣ, когда онъ еще прежде хотѣлъ было подобнымъ же образомъ, изъ усердія, жениться на особѣ, которую называетъ въ письмѣ «въ оно время бывшая моя невѣста Шмитша». «Могу теперь похвастать,—прибавляетъ онъ,—что имѣлъ невѣстъ богатыхъ! Извините меня, Всемилостивѣйшая Государыня, что я такъ осмѣливаюсь писать» [1].

XXVIII.

Принцесса была убѣждена, что ея любезный графъ измѣнилъ императрицѣ и вполнѣ сочувствуетъ ея планамъ. Такъ искусно умѣлъ герой Чесменскій притворяться. Христенекъ также сдѣлался близкимъ человѣкомъ къ принцессѣ и прикинулся самымъ ревностнымъ ея приверженцемъ. Елизавета теперь не сомнѣвалась болѣе, что, какъ русская эскадра, стоявшая въ Ливорно, такъ и сухопутное войско, бывшее на ней въ видѣ десанта, по вліянію Орлова, по первому воззванію примутъ ея сторону. Чтобъ еще болѣе убѣдить принцессу въ своей преданности, графъ Алексѣй Григорьевичъ не отказывалъ ей ни въ чемъ. Стоило только пожелать ей чего-нибудь, тотчасъ же все исполнялось согласно ея волѣ. Такъ, однажды Христенекъ просилъ ее похлопотать у Орлова о награжденіи его полковничьимъ чиномъ. Хотя Орловъ и не имѣлъ полномочія производить подчиненныхъ въ штабъ-офицерскіе чины, но, въ угоду принцессѣ, превысилъ свою власть, и Хри-

[1] Г-жа Шмидтъ была въ 1756 году надзирательницей за живущими во дворцѣ фрейлинами. Можетъ быть, въ письмѣ Орлова находится намекъ на нее или на ея дочь. Графъ Орловъ-Чесменскій былъ въ 1775 году еще холостъ. Вскорѣ онъ женился на Авдотьѣ Николаевнѣ Лопухиной (род. 1762, умерла 1786 г.).

стенекъ изъ рукъ принцессы получилъ полковничій патентъ.

Христенекъ, по свидѣтельству самого Орлова, отлично исполнялъ свою роль, обманывая легкомысленную и довѣрчивую женщину. «Могу, Вашему Величеству, яко вѣрный рабъ, увѣрить,—писалъ онъ императрицѣ,—что оный Христенекъ поступаетъ со всею возможною точностью по моимъ повелѣніямъ и *умѣлъ удачно свою роль сыграть*».

Такимъ образомъ, принцессу успѣли завлечь въ разставленныя сѣти. Но какъ овладѣть ею, какъ арестовать ее и отправить въ Россію, чтобъ исполнить волю императрицы? Это было не очень легко. Въ Пизѣ и вообще во владѣніяхъ тосканскихъ ходили уже слухи, что подъ именемъ графини Селинской скрывается дочь покойной русской императрицы, «опасная (?) соперница» Екатерины. Употребить противъ нея какое-либо насиліе на тосканской территоріи было невозможно: Флорентійскій дворъ не дозволилъ бы этого. При томъ же у принцессы были истинные приверженцы: Доманскій, Чарномскій и нѣкоторые изъ ея прислуги; они всѣми силами воспротивились бы самому малѣйшему насилію со стороны графа Орлова. Кромѣ того, іезуиты, принимавшіе дѣятельное участіе въ созданіи самозванки, зорко слѣдили за всѣмъ, что̀ вокругъ нея дѣлается. А они были сильны и способны на все. На открытое сопротивленіе іезуиты, можетъ быть, и не пошли бы, но защитить принцессу помощію мѣстной полиціи, а если нужно, то и употребить противъ ея враговъ ядъ или кинжалъ, почтенные члены Общества Іисусова были очень способны. Графъ Орловъ боялся ихъ даже и послѣ ареста принцессы. «Признаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня,—писалъ онъ Екатеринѣ уже по взятіи самозванки,—что я теперь, находясь внѣ отечества, въ здѣшнихъ мѣстахъ, опасаться долженъ,

чтобы не быть отъ сообщниковъ сей злодѣйки застрѣлѣну или окормлену.... я всего болѣе опасаюсь іезуитовъ, а съ нею нѣкоторые были и остались по разнымъ мѣстамъ».

Орлову много помогъ въ захватѣ «всклепавшей на себя имя» новопожалованный Аннинскій кавалеръ, сэръ Джонъ Дикъ, англійскій консулъ въ Ливорно. Черезъ нѣсколько дней по прибытіи принцессы въ Пизу, Орловъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ сэръ Джонъ извѣщалъ графа о какомъ то столкновеніи, возникшемъ будто бы въ Ливорно между англійскими и русскими чиновниками. Никакого столкновенія не было, письмо сэра Джона Дика нужно было лишь для того, чтобъ Орлову можно было показать его принцессѣ и тѣмъ оправдать въ глазахъ ея поспѣшный отъѣздъ его изъ Пизы. Когда онъ показалъ ей письмо консула и сказалъ, что личное присутствіе его въ Ливорно необходимо для устраненія столкновеній и водворенія порядка, принцесса вполнѣ ему повѣрила. Она спросила своего любезнаго, надолго ли онъ ее покидаетъ. Орловъ отвѣчалъ, что онъ и самъ не знаетъ, на сколько времени задержитъ его въ Ливорно это непріятное дѣло, и долго ли будетъ онъ лишенъ удовольствія находиться въ обществѣ обворожительной принцессы. Грустно стало ей. Разлуку съ милымъ графомъ страстная принцесса считала несчастіемъ. Напрасно умоляла она его не покидать ея, поручить кому-нибудь изъ довѣрѣнныхъ лицъ уладить ливорнское столкновеніе: Орловъ былъ непреклоненъ. «Въ такомъ случаѣ,—рѣшительнымъ тономъ сказала принцесса,—и я поѣду съ вами».

Орлову только этого и хотѣлось. Ливорно находилось на пути въ Геную, куда собиралась принцесса съ тѣмъ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, ѣхать изъ этого города или моремъ въ Константинополь, или сухимъ путемъ въ Оберштейнъ къ старому своему

другу, князю Лимбургскому. Поэтому она хотѣла подняться изъ Пизы всѣмъ домомъ и ѣхать въ сопровожденіи всѣхъ многочисленныхъ своихъ служителей. Но графъ Орловъ и Христенекъ стали ее отговаривать отъ такого намѣренія. «Зачѣмъ вамъ брать съ собой всѣхъ служителей?—говорили они.—Вѣдь мы пробудемъ въ Ливорно лишь нѣсколько дней, а потомъ опять сюда воротимся». Не подозрѣвая, что ей ставятъ ловушку, принцесса согласилась не отправляться изъ Ливорно въ дальнѣйшій путь, но возвратиться въ Пизу, гдѣ въ блаженствѣ взаимной любви жить съ любезнымъ графомъ, сколько поживется. Поэтому она поѣхала въ Пизу какъ на прогулку, взявъ съ собой только Доманскаго, Чарномскаго, свою камермедхенъ Франциску фонъ-Мешеде и двухъ камердинеровъ, Маркезини и Кальтфингера. Всѣ свои вещи и бумаги она оставила въ Пизѣ. Февраля 19-го графъ Орловъ, вмѣстѣ съ принцессой и ея маленькою свитой, выѣхалъ изъ Пизы на легкѣ. Христенекъ былъ съ ними.

На другой день ихъ отъѣзда, февраля 20-го, по-утру, около одиннадцати часовъ, ординарецъ Орлова (вѣроятно, Францъ Вольфъ) пріѣхалъ къ сэру Джону Дику.

— Сегодня къ обѣду будетъ у васъ графъ Орловъ съ обществомъ,—сказалъ нѣмецъ англичанину,—приготовьтесь принять ихъ.

Англичанинъ понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ немедленно приказалъ готовить роскошный обѣдъ и послалъ къ русскому адмиралу Грейгу и къ адмиральшѣ, его женѣ, приглашеніе къ обѣду. Ординарецъ отправился къ адмиралу съ письмомъ Орлова. Немедленно послѣ того, русская эскадра, состоявшая изъ пяти линейныхъ кораблей и одного фрегата, стала готовиться къ смотру

Къ обѣду пріѣхалъ Орловъ съ принцессой и пред-

ставилъ ей жену консула и адмиральшу Грейгъ, при чемъ не называлъ, однако, спутницу свою по имени. Хозяинъ дома и адмиралъ также были представлены ей. Сэру Джону Дику лицо принцессы показалось знакомымъ.

— Вы говорите по-англійски?—спросилъ онъ ее.

— Говорю, но мало,—отвѣчала принцесса.

Консулъ, быть можетъ, видалъ ее гдѣ-нибудь въ Лондонѣ, и, вѣроятно, вопросомъ своимъ хотѣлъ навести ее на этотъ предметъ, но ловкая женщина искусно повела рѣчь о другомъ, и разговоръ ея съ сэромъ Джономъ перешелъ къ постороннимъ предметамъ. За обѣдомъ, къ которому были приглашены Доманскій, Чарномскій и Христенекъ, какъ графъ Орловъ, такъ и англійскій консулъ, обходились съ принцессой чрезвычайно почтительно. Грейгъ больше молчалъ. Принцесса была весела, разговорчива, любезна.

Она осталась въ домѣ гостепріимныхъ англичанъ. Жена консула тотчасъ же втерлась въ ея довѣренность, что́ было не трудно, судя по свойствамъ характера легкомысленной принцессы. Безсознательно стремившаяся къ гибели несчастная женщина вполнѣ довѣрилась новой знакомой, открылась ей въ любви къ Орлову, посвятила ее въ свои тайны, разсказала о своихъ планахъ, и англичанка, по свидѣтельству Кастеры и Гельбига, помогала врагамъ принцессы, питая въ ней довѣренность и обманчивыя надежды [1]). Вообще, сэръ Джонъ Дикъ и супруга его играли въ этомъ дѣлѣ роль неблаговидную и совершенно несообразную съ званіемъ дипломатическаго агента посторонней державы. Графъ Орловъ и другіе, находившіеся на русской службѣ, дѣлали это дѣло, исполняя волю своей

[1]) Castera, *Histoire de Catherine II.* Paris an VIII, II стр. 86. Helbig, *Russische Günstlinge.* Tübingen, 1809 г., стр. 250.

государыни, и дѣйствовали во имя блага своего отечества, гдѣ принцесса могла произвести нѣкоторыя, хотя, конечно, самыя незначительныя замѣшательства, но изъ какихъ разсчетовъ дѣйствовалъ сэръ Джонъ Дикъ съ своею супругой? Конечно, изъ-за денегъ. Мы не знаемъ, много ли заплатили англійскому консулу, и чего стоили брильянты, подаренные его женѣ. Кастера въ своей книгѣ рѣзко порицалъ поведеніе сэра Джона Дика, въ газетахъ также указывали на несоотвѣтственную его званію роль, но англичанинъ промолчалъ. Онъ не могъ, ему нечѣмъ было оправдываться.

Принцесса возбудила въ ливорнскомъ населеніи общее любопытство и даже симпатію. Народъ бѣгалъ за нею по улицамъ. Вечеромъ она была въ оперѣ, взоры всѣхъ обратились на красавицу, сіявшую счастіемъ и довольствомъ [2]). Но это былъ канунъ тюрьмы.

Февраля 21-го у англійскаго консула былъ завтракъ, къ нему приглашено было многочисленное общество. Принцесса была царицей праздника, всѣ обращались съ ней какъ съ особой царственнаго происхожденія; жена консула и адмиральша Грейгъ всячески старались угодить ей. Орловъ не отходилъ отъ предавшейся ему беззавѣтно красавицы, и обращаясь къ ней съ утонченною вѣжливостью, съ вѣрноподданскою преданностью, бросалъ отъ времени до времени страстные взоры на свою обреченную жертву. Принцесса была необыкновенна весела, она утопала въ счастіи. За завтракомъ зашла рѣчь о флотѣ. Принцесса сама изъявила желаніе посмотрѣть на русскіе корабли. Графъ Орловъ отвѣчалъ, что желаніе ея можетъ быть исполнено тотчасъ же, что онъ для ея удовольствія прикажетъ произвести кораблямъ маневры, чтобъ она могла составить нѣкоторое понятіе о морскихъ сраженіяхъ,

[2]) Castera, 86.

словомъ, наобѣщалъ такое множество самыхъ любопытныхъ вещей, если она удостоитъ адмиральскій корабль своимъ посѣщеніемъ, что и не такая женщина, какъ принцесса, ни на минуту не задумалась бы надъ тѣмъ, принять или не принять такое любезное предложеніе. При томъ же принцесса Елизавета считала русскую эскадру уже какъ бы ей принадлежавшею, и потому съ радостью согласилась на предложеніе графа Орлова. Адмиралъ Грейгъ немедленно велѣлъ готовить шлюпки. Послѣ завтрака все веселое общество отправилось на рейдъ. Въ одной шлюпкѣ поѣхала принцесса съ дамами (женой консула и адмиральшей [1]), въ другую сѣли Орловъ и Грейгъ, въ третью вся пріѣхавшая съ принцессой въ Ливорно ея свита. Кромѣ названныхъ лицъ, въ каждой шлюпкѣ находились еще другія, завтракавшія у консула. Христенекъ былъ въ числѣ ихъ.

Еще прицесса съ обществомъ находилась въ домѣ англійскаго консула, какъ вѣсть о предстоящемъ посѣщеніи русскою великою княжной эскадры разнеслась по городу. Корабли и фрегатъ расцвѣтились флагами, флотскіе и сухопутные офицеры надѣли парадные мундиры, принарядились и матросы, готовясь къ большому смотру. Чуть не все населеніе Ливорно высыпало на набережную или размѣстилось на шлюпкахъ въ ожиданіи какого-нибудь необыкновеннаго зрѣлища. Графъ Орловъ былъ хорошо извѣстенъ ливорнцамъ за великаго мастера устраивать великолѣпные и чудовищно дорогіе спектакли. Всѣ помнили, какъ года три передъ тѣмъ онъ для одного италіанскаго художника устроилъ такой спектакль, подобнаго которому не представляютъ

[1]) Такъ говорятъ Кастера, Гельбигъ и другіе. Сэръ Джонъ Дикъ впослѣдствіи разсказывалъ, будто ни жена его, ни адмиральша не участвовали въ этой предательской поѣздкѣ.

лѣтописи всѣхъ европейскихъ флотовъ. Графъ Орловъ заказалъ картину Чесменскаго боя, и для художника, взявшагося нарисовать ее, на Ливорнскомъ рейдѣ были представлены разныя эволюціи. Была сильная пушечная пальба, ломка мачтъ и такелажа—все это сдѣлано было для того, чтобы дать живописцу понятіе о морской битвѣ. Но на картинѣ надо было нарисовать и горѣвшіе турецкіе корабли, и взрывы ихъ. Чтобъ и о нихъ дать понятіе художнику, графъ Орловъ приказалъ взорвать порохъ на одномъ изъ линейныхъ кораблей русской эскадры и потомъ сжечь остатки этого корабля, еще годнаго къ употребленію и далеко еще не выслужившаго срока. Такая потѣха обошлась русскому казначейству, можетъ быть, не въ одну сотню тысячъ рублей, не говоря о томъ, что при взрывѣ погибло нѣсколько матросовъ. За то графъ Орловъ былъ польщенъ италіанскими ласкателями, сравнивавшими его въ подносимыхъ ему стихотвореніяхъ съ самимъ Александромъ Македонскимъ, сожегшимъ также съ эстетическою цѣлію городъ Вавилонъ (?). И теперь жители Ливорно ожидали какого-нибудь необычайнаго, небывалаго зрѣлища. Густая толпа покрывала улицы и набережную при проѣздѣ принцессы къ рейду. Ее привѣтствовали радостными кликами. Ждали великолѣпнаго спектакля, и онъ, дѣйствительно, представленъ былъ Чесменскимъ героемъ, но совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ тотъ, за который онъ удостоился сравненія съ величайшимъ героемъ древняго міра.

На корабляхъ заиграла музыка, раздались пушечные выстрѣлы. То былъ царскій салютъ. Матросы стояли на реяхъ и громко кричали *ура*. Принцесса была въ восхищеніи: мечты ея осуществлялись. Русскіе залпы, русское *ура* привѣтствовали внуку Петра Великаго, создателя русскаго флота! Съ адмиральскаго корабля *Трехъ Іерарховъ* спустили покойное кресло и

на немъ подняли принцессу на палубу. Это сдѣлано было для нея одной, и ей объявили, что это знакъ особенной почести. Контръ-адміралъ Грейгъ принялъ принцессу съ изъявленіями глубокаго почтенія. Идя подъ руку съ графомъ Орловымъ, она привѣтствовала офицеровъ, представляемыхъ ей адмираломъ, ласково кланялась матросамъ. *Ура* не умолкало на эскадрѣ.

Обойдя палубы корабля, принцесса введена была въ адмиральскую каюту. Здѣсь подали роскошный десертъ. Наполнились кубки, и все общество пило здоровье принцессы Елизаветы. Начались маневры, все общество вышло на палубу, подлѣ принцессы стояли въ почтительномъ отдаленіи графъ Орловъ, Грейгъ, Христенекъ и дамы. Елизавета стояла у самаго борта и съ увлеченіемъ смотрѣла на маневры. Долго смотрѣла она и молчала...

Вдругъ слышитъ, что подлѣ нея кто то повелительнымъ тономъ требуетъ у Христенека, Доманскаго и Чарномскаго ихъ шпаги. Принцесса оглянулась: передъ ней стоялъ гвардейскій капитанъ Литвиновъ, объявлявшій ея спутникамъ арестъ. Ни Орлова, ни Грейга, ни дамъ, пріѣхавшихъ съ принцессой, на кораблѣ не было. Вмѣсто нихъ стояли вооруженные солдаты. Таковъ былъ на этотъ разъ блистательный трагическій спектакль, устроенный на кораблѣ *Трехъ Іерархов* усердіемъ и ревностію графа Алексѣя Григорьевича Орлова.

— Что это значитъ?—строгимъ голосомъ спросила принцесса у Литвинова.

— По именному повелѣнію Ея Императорскаго Величества, вы арестованы,—отвѣчалъ капитанъ.

— Гдѣ графъ Орловъ?—вскрикнула принцесса.

— Арестованъ по приказанію адмирала.

Принцесса лишилась чувствъ. Ее взяли подъ руки и отвели въ каюту вмѣстѣ съ Францискою фонъ-Ме-

шеде. Камердинеръ Маркезини оставленъ былъ при ней для прислуги.

Доманскій, Чарномскій, Христенекъ и другой камердинеръ, Кальтфингеръ, были арестованы и перевезены на другой корабль [1]).

XXIX.

Опомнившись въ каютѣ, принцесса принялась за письмо къ адмиралу Грейгу. Оно было написано рѣзко. Графиня Селинская протестовала противъ учиненнаго надъ нею насилія и требовала немедленнаго освобожденія и отчета въ поступкѣ адмирала. Грейгъ не удостоилъ ее отвѣта. Только на словахъ велѣлъ сказать ей, что, арестуя ее, онъ повиновался высочайшей волѣ.

Тогда принцесса написала письмо къ графу Орлову. Выражая удивленіе, для чего онъ, такъ часто увѣрявшій ее въ свой вѣрности и преданности до гроба, незамѣтно удалился отъ нея въ то именно время, когда приготовлялись взять ее подъ стражу, она звала его къ себѣ, чтобъ объяснить ей все случившееся съ нею. Она прибавила, что посѣщеніе графа будетъ для нея большимъ утѣшеніемъ. «Я готова на все, что̀ ни ожидаетъ меня,—писала она,—но постоянно сохраню чувства мои къ вамъ, несмотря даже на то, отняли вы у меня навсегда свободу и счастіе, или еще имѣете возможность и желаніе освободить меня отъ ужаснаго

1) По другимъ извѣстіямъ, принцесса въ Пизѣ рѣшилась вступить въ бракъ съ графомъ Орловымъ, но такъ какъ въ этомъ городѣ не было православнаго священника, то она и согласилась на предложеніе жениха ѣхать въ Ливорно и тамъ обвѣнчаться на адмиральскомъ кораблѣ, гдѣ была церковь.

положенія»[1]). Письмо было отправлено тайнымъ путемъ, (то есть принцессѣ казалось такъ, дѣйствительно же Грейгъ передалъ его Орлову).

Тѣмъ же путемъ принцесса получила и отвѣтъ, написанный Орловымъ по-нѣмецки: «Ахъ! въ какомъ мы несчастіи,—писалъ онъ,—но не надо отчаиваться, будемъ терпѣливы: Всемогущій Богъ не оставитъ насъ. Я нахожусь въ такомъ же печальномъ состояніи, какъ и вы, но преданность моихъ офицеровъ подаетъ мнѣ надежду на освобожденіе. Адмиралъ Грейгъ, по дружбѣ своей, давалъ было мнѣ возможность бѣжать. Я спрашивалъ его, что̀ за причина поступка, сдѣланнаго имъ. Онъ сказалъ, что получилъ повелѣніе и меня, и всѣхъ, кто при мнѣ находится, взять подъ стражу. Я сѣлъ въ шлюпку и проплылъ было уже мимо всѣхъ кораблей. Меня не замѣтили. Но вдругъ увидѣлъ я два корабля передъ собой и два сзади, всѣ они направлялись къ моей шлюпкѣ. Видя, что дѣло плохо, я велѣлъ грести изо всѣхъ силъ, чтобъ уйти отъ кораблей; мои люди хорошо исполнили мое приказаніе; но одинъ изъ кораблей догналъ меня, къ нему подошли другіе, и моя шлюпка была окружена со всѣхъ сторонъ. Я спросилъ: «Что это значитъ? пьяны что ли вы?» Но мнѣ очень учтиво отвѣчали, что они имѣютъ приказаніе просить меня на корабль со всѣми находившимися при мнѣ офицерами и солдатами. Когда я взошелъ на бортъ, командиръ корабля со слезами на глазахъ объявилъ мнѣ, что я арестованъ. Я долженъ былъ покориться своей участи. Но надѣюсь на Всемогущаго Бога, Онъ не оставитъ насъ. Что касается адмирала

[1]) Это письмо, равно какъ и письмо принцессы къ адмиралу Грейгу, были препровождены къ производившему слѣдствіе фельдмаршалу, князю Голицыну, но, по неизвѣстной причинѣ, уничтожены. Ихъ при дѣлѣ нѣтъ, а сохранилось только извлеченіе изъ нихъ, составленное княземъ Голицынымъ.

Грейга, онъ будетъ оказывать вамъ всевозможную услужливость, но прошу васъ, хотя на первое только время, не пользоваться его преданностію къ вамъ; онъ будетъ очень остороженъ. Мнѣ остается просить васъ, чтобы вы берегли свое здоровье, а я, какъ только получу свободу, буду искать васъ по всему свѣту и отыщу, чтобы служить вамъ. Только берегите себя, объ этомъ прошу васъ отъ всего сердца. Ваше письмо я получилъ, ваши строки я читалъ со слезами, видя, что вы меня обвиняете въ своемъ несчастіи. Берегите же себя. Предоставимъ судьбу нашу Всемогущему Богу и ввѣримся Ему. Я еще не увѣренъ, дойдетъ ли это письмо до васъ, но надѣюсь, что адмиралъ будетъ настолько любезенъ и справедливъ, что передастъ его вамъ. Отъ всего сердца цѣлую ваши ручки». Подписи нѣтъ. Графъ Орловъ не счелъ нужнымъ подписывать письмо, адресованное къ обманутой имъ жертвѣ. Онъ боялся. Впрочемъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ тотчасъ же донесъ объ этомъ письмѣ императрицѣ: «у нея есть и моей руки письмо на нѣмецкомъ языкѣ,—писалъ онъ,—только безъ подписанія имени моего, что я постараюсь выйти изъ-подъ караула, послѣ могу спасти ее». Несчастная женщина во всемъ повѣрила любимому человѣку. Нетерпѣливо, съ часу на часъ, съ минуты на минуту, ждала она его появленія. Принцесса вѣрила въ любовь Орлова, мысль о предательствѣ, совершонномъ столь близкимъ ей человѣкомъ, не могла придти ей въ голову. Она ждала, она надѣялась, она даже повеселѣла въ своемъ заключеніи Графъ Алексѣй Григорьевичъ въ немногіе дни хорошо изучилъ ея характеръ. Подавая ей надежду на спасеніе, онъ больше всего въ письмѣ своемъ упрашивалъ ее, чтобъ она берегла свое здоровье. Женщина съ такимъ характеромъ, какъ была принцесса, находясь въ безвыходномъ положеніи, непремѣнно наложила бы

на себя руки, еслибъ ей не была подана надежда на освобожденіе. А самоубійство ея было не въ планахъ Орлова и Грейга: они хотѣли живою доставить ее въ Кронштадтъ и отдать въ руки Екатерины, разгнѣванной дерзостью женщины, «всклепавшей на себя имя» и осмѣлившейся оспаривать у императрицы право на русскую корону.

Во время корабельныхъ маневровъ, отойдя незамѣтно отъ принцессы вмѣстѣ съ дамами и Грейгомъ, графъ Орловъ приказалъ арестовать свою любезную вмѣстѣ съ ея свитой, а для увѣренности обманутой въ истинѣ роли, которую теперь разыгрывалъ, и Христенека, остававшагося на ея глазахъ. Самъ же, возвратившись въ Ливорно, отправилъ въ Пизу надежныхъ людей, чтобъ они забрали бумаги и другое имущество графини Селинской и распустили ея свиту. Посланные, пріѣхавъ въ Пизу, объявили отъ имени графини, что имъ поручено расплатиться съ прислугой и распустить ее, а вещи ея отвезти въ Ливорно. Это было сдѣлано съ большою поспѣшностью. Еще до Пизы не успѣла достигнуть вѣсть объ арестованіи принцессы, какъ ея служители, за исключеніемъ только троихъ, съ русскими деньгами въ карманахъ, оставили палаццо, занимаемое графиней Селинской, а бумаги и вещи ея отправлены въ Ливорно и перевезены на адмиральскій корабль. Трое изъ прислуги: Рихтеръ, Лабенскій и Анчіотти объявили, что они не могутъ отдать вещи графини и ея спутниковъ (Доманскаго и Чарномскаго) иначе, какъ услышавъ личное ихъ приказаніе. Честныхъ слугъ взяли въ Ливорно, вмѣстѣ съ вещами перевезли на корабль и тамъ арестовали. Въ числѣ бумагъ захвачены были и бумаги польской генеральной конфедераціи, находившіяся у Чарномскаго.

Задержаніе принцессы произвело сильное негодованіе во всемъ населеніи Ливорно. Только что прі-

ѣхавшая вчера въ городъ красавица, сдѣлавшаяся предметомъ народной симпатіи; принцесса, которой въ виду всего населенія воздавали царскія почести, вдругъ очутилась подъ стражей, захваченная предательскою измѣной. Простой народъ энергически грозилъ русскимъ, самъ Орловъ считалъ себя небезопаснымъ. Въ продолженіе двухъ дней русскіе корабли стояли на Ливорнскомъ рейдѣ, толпы любопытныхъ подъѣзжали къ нимъ на лодкахъ, но солдаты, разставленные по бортамъ, кричали, чтобъ они не приближались, угрожая въ противномъ случаѣ выстрѣлами. Нѣкоторые изъ любопытныхъ успѣли, однако, подъѣхать довольно близко къ кораблю *Трехъ Іерарховъ*, и въ окнѣ каюты видѣли отчаянное лицо плѣнницы. Раздраженіе народа было не менѣе сильно и въ Пизѣ, и во Флоренціи. Поступокъ графа Орлова считали нарушеніемъ международнаго права. Извѣстный нѣмецкій писатель Архенгольцъ пріѣхалъ въ Ливорно черезъ нѣсколько дней послѣ арестованія принцессы и отхода русской эскадры и еще засталъ весь городъ въ сильномъ волненіи по поводу захвата *знатной дамы*, которую городъ Ливорно считалъ своею гостьей. Тосканскій дворъ былъ сильно раздраженъ поступкомъ Орлова [1]). Говорятъ, что великій герцогъ Леопольдъ протестовалъ противъ совершоннаго на его территоріи насилія. Русское правительство не отвѣчало.

Графъ Орловъ, всего болѣе заботясь, чтобы захваченная имъ женщина была доставлена въ Россію живою, независимо отъ письма своего къ ней, въ которомъ увѣщевалъ ее беречь здоровье, приказалъ адмиралу Грейгу имѣть о плѣнницѣ всевозможное попеченіе. Здоровье несчастной было, какъ мы уже упоминали, крайне разстроено, заключеніе подъ стражу, конечно,

[1]) Archenholz. *England und Italien*. Leipzig 1787, IV, 157—158.

должно было усилить чахотку, уже разрушавшую ея организмъ. Заботливый Орловъ назначилъ къ ней особаго врача, который долженъ былъ по нѣскольку разъ въ день посѣщать больную. На другой же день по арестованіи ея на кораблѣ *Трехъ Іерарховъ*, графъ Орловъ былъ у сэра Джона Дика и, какъ говорилъ впослѣдствіи этотъ англичанинъ, находился въ самомъ тревожномъ состояніи. Онъ просилъ у своего пріятеля книгъ, досталъ ихъ еще гдѣ то, и порядочный запасъ для чтенія отправилъ отъ своего имени на корабль къ плѣнницѣ. Во время плаванія до англійскихъ береговъ принцесса развлекалась въ своемъ невольномъ уединеніи чтеніемъ книгъ, доставленныхъ столь заботливымъ о ней графомъ, а потомъ, понявъ свою участь и придя въ отчаяніе, не брала уже книгъ въ руки. Графъ Алексѣй Григорьевичъ распорядился также, чтобы во время остановки эскадры въ иностранныхъ портахъ строго наблюдали за плѣнницей. Онъ больше всего боялся, чтобы плѣнница не ушла, или чтобъ она или другой кто-либо изъ арестованныхъ съ нею не передалъ кому-нибудь письма. По пріѣздѣ въ Кронштадтъ, Грейгъ никому не долженъ былъ сдавать плѣнницу безъ особаго именного указа за собственноручнымъ подписомъ императрицы.

Февраля 26-го (стараго стиля) 1775, русская эскадра вышла въ море. Самъ Орловъ впослѣдствіи отправился въ Россію сухимъ путемъ. Онъ боялся долго оставаться въ Италіи, гдѣ всѣ раздражены были его предательствомъ. Онъ боялся отравы іезуитовъ, боялся, чтобы кто-нибудь изъ приверженцевъ принцессы не застрѣлилъ его, и рѣшился оставить Италію безъ разрѣшенія императрицы, донеся, впрочемъ, ей предварительно, что оставляетъ команду для спасенія своей жизни

Христенекъ сутки просидѣлъ подъ арестомъ. За-

тѣмъ графъ Орловъ отправилъ его въ Петербургъ наканунѣ отплытія кораблей изъ Ливорна. Онъ послалъ съ нимъ къ императрицѣ донесеніе, *черновое*. Орловъ опасался, чтобы Христенека не захватили гдѣ-нибудь съ бумагами. Подробности захвата приказано было ему передать государынѣ на словахъ Сообщаемъ здѣсь вполнѣ донесеніе графа Орлова, изъ котораго выше приведены нѣкоторые отрывки:

„Угодно было Вашему Императорскому Величеству повелѣть: доставить называемую принцессу Елизабету, которая находится въ Рагузахъ. Я со всеподданническою моею рабскою должностью, чтобъ повелѣніе Вашего Величества исполнить, употреблялъ всѣ возможныя мои силы и старанія, и счастливымъ себя почитаю, что могъ я оную злодѣйку захватить со всею ея свитою на корабли, которая теперь со всѣми съ ними содержится подъ арестомъ на корабляхъ, и разсажены по разнымъ кораблямъ. При ней сперва была свита до шестидесяти человѣкъ; посчастливилось мнѣ оную уговорить, что она за нужное нашла свою свиту распустить, а теперь захвачена она, камермедхенъ ея, два дворянина польскихъ и нѣсколько слугъ, которыхъ имена при семъ прилагаю. Для онаго дѣла и для посылки употребленъ былъ штата моего генералъ-адъютантъ Иванъ Христенекъ, котораго съ онымъ моимъ донесеніемъ къ Императорскому Величеству посылаю и осмѣлюсь его рекомендовать, и могу Вашему Величеству, яко вѣрный рабъ, увѣрить, что оный Христенекъ поступалъ со всею возможною точностію, по моимъ повелѣніямъ, и умѣлъ удачно свою роль сыграть. Другой же употребленъ къ оному дѣлу былъ Францъ Вольфъ. Хотя онъ и не сдѣлалъ многаго, однакожъ, по данной мнѣ власти отъ Вашего Императорскаго Величества, я его наградилъ чиномъ капитанскимъ за показанное имъ усердіе и ревность къ высочайшей службѣ Вашего Императорскаго Величества, а изъ другихъ, кто къ оному дѣлу употребленъ былъ, тѣхъ не оставлю деньгами наградить. Признаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, что я теперь, находясь внѣ отечества въ здѣшнихъ мѣстахъ, опасаться долженъ, чтобы не быть отъ сообщниковъ сей злодѣйки застрѣлену или окормлену. Я-жъ ее привезъ самъ на

корабли на своей шлюпкѣ и съ ея кавалерами, и предпоручилъ надъ нею смотрѣніе контръ-адмиралу Грейгу, съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобъ онъ всевозможное попеченіе имѣлъ о ея здоровьѣ, и приставленъ одинъ лѣкарь; берегся бы, чтобы она, при стояніи въ портахъ, не ушла, тожъ никакого письмеца никому не передала. Равно велѣно смотрѣть и на другихъ судахъ за ея свитою. Во услуженіи же оставлена у ней ея дѣвка и камердинеръ. Всѣ-жъ письма и бумаги, которыя у ней находились, при семъ на разсмотрѣніе посылаю съ подписаніемъ нумеровъ; я надѣюсь, что найдется тутъ нѣсколько польскихъ писемъ о конфедераціи, противной Вашему Императорскому Величеству, изъ которыхъ ясно изволите увидѣть и имена ихъ, кто они таковы. Контръ-адмиралу же Грейгу приказано отъ меня, и по пріѣздѣ его въ Кронштадтъ, никому оной женщины не вручать безъ особливаго именного указа Вашего Императорскаго Величества. Оная-жъ женщина росту небольшого, тѣла очень сухого, лицомъ ни бѣла, ни черна, глаза имѣетъ большіе и открытые, цвѣтомъ темнокаріе, косы и брови темнорусы, а на лицѣ есть и веснушки; говоритъ хорошо по-французски, по-нѣмецки, немного по-италіански, разумѣетъ по-англійски; думать надобно, что и польскій языкъ знаетъ, только никакъ не отзываетя; увѣряетъ о себѣ, что она арабскимъ и персидскимъ языкомъ очень хорошо говоритъ. Я все оное отъ нея самой слышалъ; сказывала о себѣ, что она и воспитана въ Персіи и тамъ очень великую партію имѣетъ; изъ Россіи же унесена она въ малолѣтствѣ однимъ попомъ и нѣсколькими бабами; въ одно время была окормлена: не скоро могли ей помощь подать рвотными. Изъ Персіи же ѣхала чрезъ татарскія мѣста, около Волги; была и въ Петербургѣ, а тамъ, чрезъ Ригу и Кенигсбургъ, въ Потсдамѣ была и говорила съ королемъ Прусскимъ, сказавшись о себѣ, кто она такова; знакома очень между имперскими князьями, а особливо съ Трирскимъ и съ княземъ Голштейнъ-Шлезвигъ или Люнебургскимъ (sic); была во Франціи, говорила съ министрами, давъ мало о себѣ знать; Вѣнскій дворъ въ подозрѣніи имѣетъ; на Шведскій и Прусскій очень надѣется: вся конфедерація ей очень извѣстна и всѣ начальники оной; намѣрена была отсель ѣхать въ Константинополь прямо къ султану, и уже одинъ отъ нея самый вѣрный человѣкъ туда посланъ, прежде нежели она сюда пріѣхала. По объявленію ея въ разговорахъ, этотъ человѣкъ

персіянинъ и знаетъ восемь или девять языковъ разныхъ, говоритъ оными всѣми очень чисто; я-жъ моего собственнаго о ней заключенія, потому что не могъ узнать въ точности, кто оная дѣйствительно (sic). Свойство она имѣетъ довольно отважное и своею смѣлостію много хвалится: этимъ то самымъ мнѣ и далось ее завести, куда я желалъ. Она-жъ ко мнѣ казалась быть благосклонною, чего для я и старался предъ нею быть очень страстенъ. Наконецъ, я ее увѣрилъ, что я бы съ охотою и женился на ней, и въ доказательство хоть сегодня, чему она, обольстясь, болѣе повѣрила. Признаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, что я оное исполнилъ бы, лишь только достичь бы до того, чтобы волю Вашего Величества исполнить; но она сказала мнѣ, что теперь не время, потому что еще не счастлива, а когда будетъ на своемъ мѣстѣ, тогда и меня сдѣлаетъ счастливымъ. Мнѣ въ оно время и бывшая моя невѣста Шмитша. Могу теперь похвастать, что имѣлъ невѣстъ богатыхъ! Извините меня, Всемилостивѣйшая Государыня, что я такъ осмѣливаюсь писать, я почитаю за должность все вамъ доносить такъ, какъ предъ Богомъ, и мыслей моихъ не таитъ. Прошу и того мнѣ не причесть въ вину, буде я по обстоятельству дѣла принужденъ буду, для спасенія моей жизни, и команду оставя, уѣхать въ Россію и упасть къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, препоручая мою команду одному изъ генераловъ, по мнѣ младшему, какой здѣсь на лицо будетъ. Да я долженъ буду и своихъ въ ономъ случаѣ обманывать, и никому предстоящей мнѣ опасности не показывать: я всего больше опасаюсь іезуитовъ, а съ нею нѣкоторые были и остались по разнымъ мѣстамъ. И она изъ Пизы уже писала во многія мѣста о моей къ ней привязаности, и я принужденъ былъ ее подарить своимъ портретомъ, который она при себѣ имѣетъ, а если захотятъ и въ Россіи мнѣ недоброхотствовать, то могутъ по этому придраться ко мнѣ, когда захотятъ. Я нѣсколько сомнѣнія имѣю на одного изъ нашихъ вояжировъ, а легко можетъ быть, что я ошибаюсь, только видѣлъ многія французскія письма безъ подписи, и рука мнѣ знакомая быть кажется. При семъ прилагаю полученное мною одно письмо изъ-подъ аресту, тожъ каковое она писала и контръ-адмиралу Грейгу, на разсмотрѣніе. И она по сіе время все еще вѣритъ, что не я ее арестовалъ, а секретъ нашъ наружу вышелъ. Тожъ у нея есть и моей руки письмо

на нѣмецкомъ языкѣ, только безъ подписанія имени моего, и что я постараюсь выйти изъ-подъ караула, а послѣ могу и ее спасти. Теперь не имѣю времени обо всемъ донести за краткостію время, а можетъ о многомъ доложить генералъ-адъютантъ моего штаба. Онъ за нею ѣздилъ въ Римъ, и съ нею онъ для виду арестованъ былъ на однѣ сутки на кораблѣ. Флотъ, подъ командою Грейга, состоящій въ пяти корабляхъ и одномъ фрегатѣ, сейчасъ подъ парусами, о чемъ дано знать въ Англію къ министру, чтобъ оный, по прибытіи въ портъ англійскій, былъ всѣмъ отъ него снабженъ. Флоту-жъ велѣно, какъ возможно, поспѣшать къ своимъ водамъ. Всемилостивѣйшая Государыня, прошу не взыскать, что я вчернѣ мое доношеніе къ Вашему Императорскому Величеству посылаю; опасаюсь, чтобы въ точности дѣла не провѣдали и не захватили курьера и со всѣми бумагами. Я-жъ, повергая себя къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, и пр.

XXX

Христенекъ проѣхалъ Европу благополучно и около половины марта былъ уже въ Москвѣ, гдѣ находилась, еще съ января, императрица съ дворомъ и высшими правительственными лицами. Петербургомъ управлялъ тамошній генералъ-губернаторъ, генералъ-фельдмаршалъ, князь Александръ Михайловичъ Голицынъ [1]).

[1]) Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ (род. 1718 ум. 1783), сынъ Петровскаго фельдмаршала, князя Михаила Михайловича, рожденный отъ второго брака его съ княжною Куракиной. Въ молодости служилъ онъ въ войскахъ знаменитаго полководца XVIII вѣка, принца Евгенія, командовавшаго въ 1735 году на Рейнѣ австрійскою арміею, и въ 1740 году, будучи 22 лѣтъ, воротился въ Россію, и вступивъ на дипломатическое поприще, находился сначала въ Константинополѣ при русскомъ послѣ Румянцовѣ, а потомъ посланникомъ при саксонскомъ дворѣ. Хотя онъ былъ дипломатомъ, но получалъ чины военные, и съ 1744 года былъ генералъ-поручикомъ. Въ 1757 году его изъ посланниковъ сдѣлали полководцемъ. Въ Семилѣтнюю войну онъ не отличался замѣчательными подвигами, и, командуя лѣвымъ крыломъ арміи въ сраженіи при Кунерс-

Получивъ извѣстіе, что «всклепавшая на себя имя» находится въ рукахъ Грейга, императрица 22-го марта написала два рескрипта: одинъ графу Алексѣю Орлову, другой князю Голицыну. Орлова, находившагося еще за границей, она благодарила за искусное задержаніе самозванки, а князю Голицыну писала, что женщина, выдающая себя за дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны, со свитой своею задержана на русской эскадрѣ, съ которою контръ-адмиралъ Грейгъ придетъ въ Ревель или въ Кронштадтъ, какъ скоро ледъ дозволитъ кораблямъ войти въ рейдъ. Императрица на всякій случай приказала приготовить въ Ревелѣ надежное темничное помѣщеніе, если же корабли придутъ въ Кронштадтъ, то всѣхъ арестантовъ велѣла принять у адмирала князю Голицыну, и тайнымъ образомъ, безъ малѣйшей огласки посадить въ Петропавловскую крѣпость. Князю же Голицыну поручено было и производство допросовъ, какъ самой плѣнницы, такъ и ея спутниковъ

Бумаги, взятыя графомъ Орловымъ въ Пизѣ и отданныя Грейгу, адмиралъ изъ Кадикса или изъ Плимута напередъ отправилъ въ Россію. Императрица

дорфѣ, былъ вытѣсненъ Фридрихомъ II изъ окоповъ, потерялъ свои пушки и множество людей и бѣжалъ съ остатками своего отряда. Фридрихъ уже торжествовалъ и послалъ въ Берлинъ увѣдомленіе о побѣдѣ, но Петръ Ивановичъ Панинъ и знаменитый впослѣдствіи Румянцовъ рѣшили судьбу Кунерсдорфской битвы: прусская армія была разсѣяна. Разбитый Голицынъ сдалъ команду другому, но это не помѣшало ему получить чинъ генералъ-аншефа и Александровскую ленту. Въ 1768 году Екатерина послала его противъ турокъ и писала къ графу Салтыкову: «*дай Богъ ему счастья отцовскаго*», но князь Александръ Михайловичъ, какъ видно, не наслѣдовалъ отъ родителя ни счастья, ни военныхъ талантовъ. Онъ былъ отозванъ отъ арміи и замѣненъ Румянцовымъ, но все-таки получилъ чинъ фельдмаршала. Его даже назвали «покорителемъ Хотина». Плохой полководецъ, онъ былъ человѣкъ добрый, честный, справедливый, не вдавался въ придворныя интриги и сумѣлъ пріобрѣсть общее уваженіе.

приказала князю Голицыну внимательно разсмотрѣть ихъ и донести ей, кому принадлежитъ затѣя выставить на политическую арену самозванку. При этомъ Екатерина писала, что ей достовѣрно извѣстно, что «всклепавшая на себя имя» выдавала себя за сестру Пугачева. Государыня послала князю Голицыну и полученные ею еще прежде отъ Орлова документы. Почти за мѣсяцъ до прибытія Грейга въ Кронштадтъ, фельдмаршалъ уже разсмотрѣлъ всѣ бумаги, относившіяся до самозванки, и составилъ изъ нихъ извлеченіе (19-го апрѣля). Такимъ образомъ, еще до прибытія плѣнницы въ Россію, по ея бумагамъ, князю Голицыну были уже извѣстны почти всѣ ея похожденія.

Вскорѣ по отплытіи русской эскадры отъ италіанскихъ береговъ, разнесся въ Тосканѣ слухъ, распространившійся потомъ и по всей Европѣ, будто она отправилась въ Бордо, и въ то время какъ русскіе корабли находились во французскихъ водахъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ собственноручно умертвилъ принцессу Елизавету. Это еще болѣе усилило раздраженіе италіанцевъ противъ гостившаго еще у нихъ Орлова. Но слухъ былъ несправедливъ: графа Орлова вовсе не было ни въ Бордо, ни на эскадрѣ, а принцесса, хотя и сильно больная, 11-го мая была привезена въ Кронштадтъ.

Во время плаванія до англійскихъ береговъ, плѣнница была спокойна. Она все еще надѣялась, что въ англійскомъ портѣ, гдѣ должны будутъ остановиться корабли, страстно любимый ею русскій богатырь, графъ Алексѣй Григорьевичъ, непремѣнно освободитъ ее. Увѣренность въ его преданности ни на минуту не покидала несчастную женщину. Въ Плимутѣ корабли, дѣйствительно, остановились. Еще при отплытіи ихъ изъ Ливорно, графъ Орловъ писалъ въ Лондонъ къ находившемуся тамъ русскому посланнику, чтобы

заблаговременно сдѣланы были имъ распоряженія къ снабженію русскаго флота всѣмъ, что̀ будетъ для него нужно. Поэтому остановка въ Плимутѣ была непродолжительна. До тѣхъ поръ принцесса не теряла надежды на освобожденіе, пока не узнала, что эскадра готова поднять якори, чтобъ идти въ Балтійское море. По всей вѣроятности, она въ то же время узнала и о томъ, какъ коварно поступилъ съ нею графъ Орловъ. Она поняла теперь, съ какимъ легкомысліемъ вдалась она въ обманъ, и мрачная будущность представилась ей во всемъ своемъ ужасѣ: Сибирь, вѣчное заточеніе къ казематѣ и, можетъ быть, даже позорная смерть ожидала ее впереди. Сначала принцесса пришла въ бѣшенство, но не надолго. Силы оставили ее, она лишилась чувствъ, и такъ долго находилась въ обморокѣ, что врачи опасались за жизнь ея. Ее вынесли на чистый воздухъ, на палубу. Когда она пришла въ себя, обычная энергія возвратилась къ ней, она вскочила и стремительно бросилась къ борту, чтобы спрыгнуть въ стоявшую подлѣ адмиральскаго корабля англійскую шлюпку. Плѣнницу удержали, и Грейгъ учредилъ за ней самый строгій надзоръ; особо назначенные для того люди ни на шагъ не отходили отъ несчастной. Это было необходимо: принцесса нѣсколько разъ хотѣла броситься въ море и нѣсколько разъ другимъ образомъ пыталась лишить себя жизни. Грейгъ долженъ былъ оставить Плимутъ ранѣе, чѣмъ предполагалъ; онъ замѣтилъ, что что то очень много любопытныхъ стали посѣщать его корабль, и изъ разспросовъ ихъ замѣтилъ, что эти посѣтители знаютъ о заключеніи въ одной изъ каютъ корабля *Трехъ Іерарховъ* таинственной плѣнницы. Избѣгая возможныхъ случайностей, адмиралъ поспѣшилъ отплытіемъ. Не легко было Грейгу. «Я во всю жизнь мою никогда не исполнялъ такого тяжелаго порученія», писалъ онъ къ графу Орлову.

Апрѣля 18-го русская эскадра была въ Зундѣ. Льды задержали ее въ Балтійскомъ морѣ, и корабли не ранѣе 11-го мая могли бросить якори въ Кронштадскомъ рейдѣ. Исполняя приказаніе графа Орлова, Грейгъ никому не выдавалъ плѣнницы. Офицерамъ и матросамъ, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, запрещено было говорить о ней. Въ самый день прихода въ портъ, адмиралъ послалъ въ Москву донесеніе императрицѣ о благополучномъ прибытіи эскадры въ Россію.

Изъ подмосковнаго села Коломенскаго, гдѣ жила тогда Екатерина, 16-го мая послано было слѣдующее собственноручное повелѣніе адмиралу:

„Господинъ контръ-адмиралъ Грейгъ! Съ благополучнымъ вашимъ прибытіемъ съ эскадрою въ наши порты, о чемъ я сего числа и увѣдомилась, васъ поздравляю и весьма вѣстію сею обрадовалась. Что-жъ касается до извѣстной женщины и до ея свиты, то объ нихъ повелѣнія отъ меня посланы господину фельдмаршалу, князю Голицыну, въ С.-Петербургъ, и онъ сихъ *вояжировъ* у насъ съ рукъ сниметъ. Впрочемъ, будьте увѣрены, что служба ваша во всегдашней моей памяти, и не оставлю вамъ дать знаки моего къ вамъ доброжелательства. *Екатерина.* Мая 16-го 1775 года. Изъ села Коломенскаго, въ семи верстахъ отъ Москвы.“

Грейгъ исходатайствовалъ у императрицы дозволеніе пріѣхать въ Москву. Екатерина согласилась и удержала его при себѣ до торжества, назначеннаго 10-е іюля для празднованія Кучукъ-Кайнарджискаго мира. Въ этотъ день усердный Грейгъ произведенъ былъ въ вице-адмиралы, черезъ мѣсяцъ назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадскаго порта, а черезъ годъ получилъ Александровскую ленту. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ также пріѣхалъ изъ Италіи къ празднеству и былъ принятъ Екатериной,

хотя чрезвычайно милостиво, но съ замѣтною холодностію. Его военныя заслуги были вознаграждены: въ день торжества онъ получилъ прозваніе *Чесменскаго*, похвальную грамоту, серебряный сервизъ и шестьдесятъ тысячъ рублей. Въ Царскомъ Селѣ въ честь его воздвигнутъ памятникъ изъ цѣльнаго уральскаго мрамора, а на седьмой верстѣ отъ Петербурга, въ воспоминаніе Чесменской побѣды, церковь Іоанна Предтечи, и при ней императорскій дворецъ въ азіатскомъ вкусѣ, съ наименованіемъ Чесмы [1]). Но, несмотря на усердіе графа Алексѣя Григорьевича Орлова, оказанное при захватѣ «всклепавшей на себя имя», несмотря на пожалованныя ему награды, кредитъ Орловыхъ съ этого времени упалъ окончательно. Графъ Орловъ-Чесменскій не возвратился съ дворомъ въ Петербургъ, онъ остался въ Москвѣ, гдѣ жилъ до послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины, ведя жизнь роскошную и разгульную, о которой до сихъ поръ сохраняются въ Москвѣ преданія. Чуть не ежедневный пиръ на весь міръ, роговая музыка, цыганы, пѣсенники, медвѣжья травля, конскія скачки, кулачные бои, дикій разгулъ—вотъ въ какихъ занятіяхъ «отдыхалъ на лаврахъ» герой Чесменскій. О судьбѣ обманутой имъ принцессы онъ, по всѣй вѣроятности, не зналъ ничего вѣрнаго, и когда, черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того, какъ онъ захватилъ ее въ Ливорно, въ Ивановскомъ монастырѣ помѣщена была настоящая княжна Тараканова, графъ Алексѣй Орловъ, какъ говоритъ преданіе, никогда не ѣздилъ мимо этого монастыря, полагая, что тамъ томится въ заключеніи его жертва, нѣкогда любившая его страстно, предавшаяся ему беззавѣтно, и такъ ужасно обманутая его притворною любовью.

[1]) Нынѣ Чесменская богадѣльня для инвалидовъ.

Гельбигъ, жившій въ Петербургѣ въ составѣ саксонской миссіи при нашемъ дворѣ и хорошо знавшій придворныя тайны, говоритъ, будто привезенная Грейгомъ принцесса, находясь въ Петропавловской крѣпости, родила графу Орлову сына, котораго крестили генералъ-прокуроръ, князь Вяземскій, и жена коменданта крѣпости, Андрея Григорьевича Чернышева, и который будто бы получилъ фамилію Чесменскаго. Александръ Алексѣевичъ Чесменскій, побочный сынъ графа Орлова, дѣйствительно, служилъ впослѣдствіи въ конной гвардіи и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Что онъ былъ побочный сынъ графа Алексѣя Григорьевича, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но дѣйствительно ли мать его была не кто другая, какъ «всклепавшая на себя имя» принцесса Владимірская— утвердительно сказать нельзя, пока не будетъ извлечено изъ архивовъ все, относящееся, какъ до истинной дочери императрицы Елизаветы Петровны, такъ и до самозванки, судьбу которой мы описываемъ. Сообщенныя графомъ В. Н. Потемкинымъ въ Императорское Московское Общество Исторіи и Древностей извлеченія изъ дѣла о самозванкѣ далеко не полны. Кромѣ того, въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, именно въ польскихъ бумагахъ, есть, говорятъ, не мало свѣдѣній о самозванкѣ [1]).

XXXI.

Вечеромъ, мая 24-го, фельдмаршалъ, князь Голицынъ, потребовалъ къ себѣ капитана Преображенскаго полка, Александра Матвѣевича Толстого [2]). Объявивъ

[1]) Какъ сказывали намъ работавшіе въ этомъ архивѣ.
(2 Впослѣдствіи бригадиръ, умеръ въ 1811 году.

ему, что, по высочайшей волѣ, возлагается на него чрезвычайно важное секретное порученіе, онъ повелъ его въ другую комнату. Тамъ стоялъ налой съ крестомъ и Евангеліемъ, и находился священникъ въ епитрахили. Толстой принялъ присягу въ томъ, что, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, будетъ вѣчно молчать о томъ, что̀ должно будетъ ему исполнить въ слѣдующую ночь. Приведя къ присягѣ капитана, фельдмаршалъ приказалъ ему тою же ночью ѣхать съ командой въ Кронштадтъ, принять съ корабля *Трехъ Іерарховъ* отъ адмирала Грейга женщину съ нѣсколькими ея служителями, и тайнымъ образомъ отвезти ихъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ сдать коменданту Чернышеву. Команда, посланная съ Толстымъ, состоявшая изъ самыхъ надежныхъ людей, дала въ свою очередь клятву вѣчнаго молчанія.

Въ ночь съ 24-го на 25-е мая, яхта съ Толстымъ и нѣсколькими Преображенцами плыла изъ Петербурга въ Кронштадтъ. На берегу и на судахъ въ устьѣ Невы всѣ спали, и тихо плывшая яхта прошла незамѣченною. Въ Кронштадтѣ она направилась прямо на военный рейдъ, и тамъ причалила къ кораблю *Трехъ Іерарховъ*. Толстой съ командой явился къ Грейгу. Адміралъ приказалъ капитану съ солдатами весь день оставаться въ каютахъ и ни съ кѣмъ не видѣться. Вечеромъ, 25-го, онъ сдалъ Толстому принцессу, Франциску фонъ-Мешеде, Доманскаго, Чарномскаго и четырехъ камердинеровъ. Такъ же тихо, такъ же незамѣтно, какъ и наканунѣ, яхта поплыла назадъ, и въ два часа ночи причалила къ гранитнымъ стѣнамъ Петропавловской крѣпости. Комендантъ, уже ожидавшій къ себѣ въ гости «вояжировъ», принялъ ихъ отъ Толстого и немедленно размѣстилъ по казематамъ Алексѣевскаго равелина. Въ то же утро начались допросы.

Перваго допрашивали Кальтфингера. Предъ допро-

сомъ ему, какъ потомъ и всѣмъ остальнымъ, было объявлено, что обстоятельства ихъ жизни уже извѣстны, слѣдовательно, всякая ложь съ ихъ стороны будетъ совершенно безполезна, что всѣ средства будутъ употреблены для узнанія самыхъ сокровеннѣйшихъ ихъ тайнъ, и поэтому лучше всего разсказать съ полною откровенностью все, что́ имъ извѣстно; это одно можетъ доставить снисхожденіе и даже помилованіе.

Кальтфингеръ объявилъ, что прежде находился онъ въ услуженіи у одного французскаго офицера, собравшагося въ Турцію съ княземъ Радзивиломъ, и пріѣхалъ съ нимъ въ Рагузу. Здѣсь онъ перешелъ въ услуженіе къ Доманскому и сопровождалъ его, когда тотъ поѣхалъ съ графиней Пиннебергъ въ Неаполь и Римъ. Въ Римѣ господина его посѣщало много поляковъ. Графиня была нездорова, и болѣзненные припадки бывали съ нею весьма часто; докторъ Саличетти бывалъ у нея ежедневно. Когда все общество поѣхало въ Пизу, Кальтфингеръ хотѣлъ остаться въ Римѣ съ остальною прислугой, но графиня уговорила его ѣхать съ нею. Съ нею отправился онъ и въ Ливорно и былъ арестованъ на кораблѣ *Трехъ Іерарховъ*.

Послѣ Кальтфингера допрашивали Чарномскаго. Онъ признался, что вмѣстѣ съ Каленскимъ въ 1772 году былъ посланъ графомъ Потоцкимъ въ Турцію, въ лагерь тамошнихъ войскъ, сражавшихся съ русскими: «Цѣль поѣздки моей,—говорилъ Чарномскій,—состояла въ томъ, чтобы развѣдать, нельзя ли оттуда получить помощь польской генеральной конфедераціи. Изъ Константинополя я привезъ графу Потоцкому въ Верону отвѣтъ отъ великаго визиря и затѣмъ поступилъ на службу къ князю Радзивилу, бывшему маршаломъ генеральной конфедераціи». Но Чарномскій умолчалъ, что генеральная конфедерація ввѣрила ему доставле-

ніе новыхъ писемъ къ султану и къ великому визирю, и что онъ искалъ мѣста оФиціальнаго агента конФедераціи въ Турціи, которое занималъ Каленскій. Онъ умолчалъ и о томъ, что взятая въ Пизѣ переписка конФедераціи принадлежитъ ему, а не самозванкѣ, и что графъ Потоцкій писалъ къ нему 6-го января 1775 года о возвращеніи ввѣренной ему переписки конФедераціи съ турецкими властями. Оттого въ Петербургѣ и думали, что эта переписка была ввѣрена самозванкѣ, а не ему. Вообще, въ показаніяхъ обоихъ поляковъ, Чарномскаго и Доманскаго, замѣтно стараніе выгородить не только себя, но и все польское дѣло, дать всему такой видъ, чтобы не было обнаружено участіе конФедератовъ, особенно же князя Карла Радзивила и іезуитовъ въ замыслахъ созданной интригою ихъ претендентки на русскую корону. Замѣчательнѣе же всего то, что со стороны самихъ слѣдователей постоянно было опускаемо все касавшееся Радзивила, іезуитовъ и членовъ польской генеральной конФедераціи. Изъ всего хода слѣдственнаго дѣла видно, что князя Радзивила и другихъ поляковъ старались беречь, а всю тяжесть вины сложить на голову одной «всклепавшей на себя имя». Такъ, напримѣръ, другой камердинеръ Доманскаго, Рихтеръ, не былъ допрошенъ обстоятельно, между тѣмъ какъ изъ захваченныхъ бумагъ ясно было видно, что онъ до поступленія къ Доманскому жилъ въ Парижѣ въ услуженіи у Михаила Огинскаго, въ пору тѣснаго знакомства его съ принцессой Владимірскою, и едва ли не сопровождалъ ее, по приказанію своего господина, изъ Парижа во Франкфуртъ. Очевидно, старались не привлекать къ дѣлу людей, помирившихся съ королемъ Станиславомъ-Августомъ и не возбуждавшихъ болѣе противъ себя негодованія Екатерины. Что касается князя Радзивила, онъ вполнѣ испыталъ, что̀ значитъ не угодить россій-

ской императрицѣ и поддерживаемой ею партіи, приверженной королю Понятовскому.

Мы уже сказали, что громадныя имѣнія знаменитаго въ своемъ родѣ ясновельможнаго «пане коханку» были конфискованы, и что, живя въ Венеціи и Рагузѣ, онъ дожилъ до чрезвычайно тѣсныхъ обстоятельствъ, такъ что даже принужденъ былъ продавать родовые брильянты. Спустивъ съ рукъ все, что́ могъ, онъ дошелъ до неизвѣстной ему дотолѣ крайности, и, покинувъ принцессу Владимірскую, уѣхалъ въ Венецію, а оттуда въ скоромъ времени отправился съ повинною головой въ Польшу къ королю Станиславу-Августу. Можно сказать, что въ Варшавѣ царствовалъ тогда не король, а русскій посланникъ, что не Понятовскій, а онъ долженъ былъ рѣшить судьбу смирившагося Радзивила. Ясновельможному князю предложили возвратить все, что̀ потерялъ онъ, подъ условіемъ, чтобъ онъ привезъ въ Россію принцессу Елизавету и выдалъ ее въ руки правительства. Какъ ни были стѣснены обстоятельства ясновельможнаго «пане коханку», онъ, всегда неразборчивый на средства и весьма легко мирившійся съ совѣстью, не рѣшился, однако, на предательство несчастной женщины, имъ самимъ, съ помощію іезуитовъ, вовлеченной въ обманъ. Онъ, по свидѣтельству Кастеры, наотрѣзъ отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія. Тогда ему сказали, что ему будутъ возвращены его конфискованныя маетности, если онъ никогда не будетъ помогать самозванкѣ ни словомъ, ни дѣломъ, На это Радзивилъ согласился. и получилъ обратно свои имѣнія. Затѣмъ онъ до самой смерти (1790 г.) пользовался милостивымъ расположеніемъ Екатерины, хотя она и считала его пустымъ человѣкомъ. Очень можетъ быть, что фельдмаршалъ, князь Голицынъ, имѣлъ секретное приказаніе всячески выгораживать смирившагося передъ императрицей и

при всякомъ случаѣ старавшагося показать ей свою нелицемѣрную преданность князя Радзивила и щадить его партію. Какъ государыня, Екатерина была, конечно, благодарна графу Орлову за его усердіе, которое, препроводивъ обманутую имъ жертву въ Петропавловскую крѣпость, избавило императрицу отъ хлопотъ, но, какъ женщина, она не могла не оцѣнить достойно поступковъ, какъ честолюбца, предавшаго полюбившую его женщину и изъ холоднаго разсчета поправшаго чувства любви, такъ и безпутнаго Радзивила, который, несмотря на сильный соблазнъ сдѣланнаго ему предложенія, не рѣшился на предательство. Сравненіе было, конечно, не въ пользу знаменитаго героя Чесмы.

Чарномскій показалъ, что князь Радзивилъ, сѣвъ въ Венеціи на корабль варварійскаго капитана, чтобъ ѣхать въ Константинополь, объявилъ своимъ спутникамъ, что отправляющаяся съ ними къ султану принцесса есть дочь покойной императрицы Всероссійской Елизаветы Петровны. Всѣ повѣрили словамъ «пане коханку» и оказывали принцессѣ подобающія царственному происхожденію почести. Во время пребыванія въ Рагузѣ, консулы французскій и неаполитанскій нѣсколько разъ обѣдали у нея и обращались съ ней (въ первое время, пока у ней не произошло разрыва съ княземъ Радзивиломъ) какъ съ великою княжной. Когда Радзивилъ воротился въ Венецію, продолжалъ Чарномскій, онъ съ Доманскимъ рѣшились ѣхать въ Римъ, поэтому и приняли охотно предложеніе принцессы сопутствовать ей на ея счетъ черезъ Неаполь и Римъ въ ея германскія владѣнія. Въ Римѣ всѣ признавали спутницу ихъ русскою великою княжной и обращались съ ней съ такимъ почтеніемъ, какое оказываютъ только лицамъ царствующихъ домовъ. Резиденты—курфирста Трирскаго, графъ Ланьяско, и польскаго двора, мар-

кизъ Античи,—нѣсколько разъ бывали у нея; послѣдній велъ съ ней переписку и на адресахъ писалъ: «Ея Высочеству, принцессѣ Елизаветѣ». Денежныя средства принцессы въ Римѣ истощились, и Чарномскій съ Доманскимъ, желая отыскать графа Потоцкаго и потомъ вернуться въ Польшу, просили принцессу уволить ихъ изъ своей службы, но она въ Римѣ уговорила ихъ не покидать ея до времени и взяла съ нихъ обѣщаніе проводить ее въ Оберштейнъ. Разсказавъ потомъ о прибытіи лейтенанта Христенека и полученіи Елизаветою русскихъ денегъ, Чарномскій прибавилъ, что она ему и Доманскому сказала, что графъ Алексѣй Орловъ обѣщалъ помогать ей во всемъ, и потому она сбирается къ нему въ Пизу, гдѣ заплатитъ имъ долги и отпуститъ обоихъ.

Въ заключеніе, Чарномскій разсказалъ извѣстныя уже намъ подробности о путешествіи въ Пизу и въ Ливорно, о поѣздкѣ на корабль *Трехъ Іерархавъ* и о задержаніи на немъ принцессы и ея спутниковъ.

XXXII.

Послѣ Чарномскаго, къ допросу привели Доманскаго. Онъ ни слова не сказалъ о знакомствѣ съ принцессой въ Германіи, когда бывалъ у нея въ Оберштейнѣ и былъ извѣстенъ подъ названіемъ «мосбахскаго незнакомца». Свое показаніе начинаетъ онъ съ пребыванія въ Венеціи. «Иностранная дама» (такъ называетъ Доманскій принцессу), узнавъ изъ газетъ, что князь Радзивилъ намѣревается отправиться въ Константинополь, пріѣхала въ Венецію, чтобы подъ его покровительствомъ отправиться туда же. Когда собрались въ путь, и корабль былъ уже готовъ къ отплытію, князь Радзивилъ поручилъ мнѣ проводить на него

«иностранную даму», сказавъ, что это русская «великая княжна», рожденная покойною императрицей Елизаветою Петровною отъ тайнаго, но законнаго брака. Я повѣрилъ словамъ палатина тѣмъ болѣе, что еще въ 1769 году слышалъ отъ графа Паца, служившаго въ Россіи, что императрица Елизавета, дѣйствительно, находилась съ кѣмъ то въ тайномъ бракѣ. Когда мы жили въ Рагузѣ, князь Радзивилъ, желая удостовѣриться въ личности «иностранной дамы», которую называли великою княжной, писалъ въ Мангеймъ къ Бернатовичу, прося его доставить о ней точнѣйшія свѣдѣнія. Бернатовичъ вскорѣ увѣдомилъ, что она, дѣйствительно, принадлежитъ къ высокому, знатному роду. Французскіе офицеры, находившіеся при Радзивилѣ въ Рагузѣ, были ежедневными собесѣдниками «иностранной дамы», и она имъ разсказывала о своихъ приключеніяхъ. Офицеры писали въ тѣ города, въ которыхъ, по словамъ ея, она имѣла временное пребываніе, и оттуда получены были отвѣты, что, дѣйствительно, въ тѣхъ городахъ нѣкоторое время жила проѣздомъ «принцесса Елизавета».

Радзивилъ, по словамъ Доманскаго, живя въ Рагузѣ, черезъ нѣсколько времени сталъ сомнѣваться въ дѣйствительности царственнаго происхожденія графини Пиннебергъ, и говорилъ ему, что вслѣдствіе этого сомнѣнія онъ утаилъ переданныя ему принцессой письма къ султану и великому визирю. «Она мнѣ отдала эти письма для отправленія въ Константинополь,—такъ сказывалъ «пане коханку» Доманскому,—но я, не желая болѣе впутываться въ ея замыслы, оставилъ ихъ у себя, а ее обманулъ: сказалъ, что отправилъ ихъ къ Косаковскому въ Турцію для врученія по принадлежности». «Когда Радзивилъ уѣхалъ обратно въ Венецію,—продолжалъ Доманскій,—принцесса сдѣлала намъ съ Чарномскимъ предложеніе сопровождать ее въ

Неаполь, Римъ, а оттуда въ германскія ея владѣнія. Такъ какъ путешествіе это соотвѣтствовало дальнѣйшимъ моимъ намѣреніямъ, то я охотно согласился, тѣмъ болѣе, что она задолжала мнѣ восемьсотъ червонцевъ, изъ которыхъ триста принадлежали мнѣ, а остальные были заняты мной для нея въ Рагузѣ. Я потому болѣе согласился ѣхать съ нею, что надѣялся на полученіе должныхъ ею мнѣ денегъ, если не въ Италіи, то въ принадлежащемъ ей графствѣ Оберштейнъ. Я уговаривалъ и Чарномскаго не оставлять этой дамы, но французскій консулъ въ Рагузѣ, у котораго въ домѣ она прежде жила, совѣтовалъ Чарномскому не очень довѣряться этой женщинѣ. Чарномскій сказалъ объ этомъ мнѣ и, по общему нашему совѣту, обратился къ ней, прося откровенно признаться, кто она такая дѣйствительно, и обѣщая ей слѣдовать за нею во всякомъ случаѣ, кто бы такая она ни была. Выслушавъ Чарномскаго, принцесса съ гнѣвомъ сказала ему: «какъ вы осмѣлились подозрѣвать меня въ принятіи на себя ложнаго имени?» Чарномскій смутился и замолчалъ. Тогда я, находясь подъ вліяніемъ обворожительнаго ея обращенія и ума, уговорилъ Чарномскаго сопровождать ее хоть до Рима, гдѣ она намѣревалась провести не болѣе восьми дней. Стѣсненныя денежныя обстоятельства принцессы породили во мнѣ новыя подозрѣнія въ ея происхожденіи, и я нѣсколько разъ спрашивалъ ее, кто она такая, и каждый разъ она называла себя русскою великою княжной, дочерью покойной императрицы Елизаветы Петровны. Въ Римѣ она вошла въ сношенія съ русскимъ генераломъ, графомъ Орловымъ, и получила отъ него значительную сумму денегъ. Изъ нихъ она расплатилась со всѣми своими заимодавцами, въ томъ числѣ и мнѣ возвратила взятые для нея въ Рагузѣ пятьсотъ червонцевъ».

Доманскому былъ предложенъ вопросъ: зачѣмъ онъ оставался при ней, получивъ должныя ему деньги? Онъ признался, что до безумія влюбленъ въ эту очаровательную женщину. «Страстная привязанность къ ней и желаніе знать, чѣмъ кончатся запутанныя ея обстоятельства,—говорилъ онъ князю Голицыну,—заставили меня остаться при ней и уговорить Чарномскаго не покидать ея». Доманскій подтвердил ъвсе, что относительно него говорилъ на допросѣ Чарномскій, извиняясь, что онъ прежде не показалъ всего по слабости памяти.

Утромъ того же 26-го мая, спрашивали Франциску фонъ-Мешеде, какъ извѣстно, постоянно находившуюся при Елизаветѣ въ Германіи, Рагузѣ, Италіи и на кораблѣ *Трехъ Іерарховъ*. Въ показаніяхъ Франциски говорится только о домашней, частной жизни принцессы. Франциска сказала, что госпожа ея держала себя съ прислугой крайне осторожно. «Она никогда не вступала со мной ни въ какіе разговоры о предметахъ, не относящихся до моей должности,—говорила камеръ-медхенъ,—и такъ таинственно держала себя относительно прислуги, что, только садясь въ карету, сказывала, куда надо ѣхать. Деньги у нея были всегда, и она исправно платила прислугѣ, но откуда получала она ихъ, я не знаю. Хотя она и часто бывала за службой въ римско-католическихъ храмахъ, но не принадлежала къ латинской церкви». О беременности принцессы осенью 1774 года (отъ князя Лимбурга) Франциска Мешеде не упомянула. Голицынъ и другіе слѣдователи ничего не могли болѣе добиться отъ Франциски. Она была признана слабоумною, и ее больше ни о чемъ не спрашивали. Почему не спрашивали Рихтера, Лабенскаго и двухъ италіанцевъ-камердинеровъ, остается неразъясненнымъ.

XXXIII.

Первый допросъ самой принцессѣ былъ произведенъ того же 26-го мая. Секретарь слѣдственной комиссіи, коллежскій асессоръ Василій Ушаковъ, еще заблаговременно составилъ вопросные пункты, сообразно со взятыми въ Пизѣ и разсмотрѣнными въ Петербургѣ бумагами. Цѣль вопросовъ состояла въ томъ, чтобъ узнать отъ плѣнницы, кто внушилъ ей мысль принять на себя имя дочери императрицы Елизаветы Петровны, и съ кѣмъ по этому поводу находилась она въ сношеніяхъ. Вопросные пункты были предлагаемы ей на французскомъ языкѣ, плѣнница отвѣчала по-французски, со словъ ея отвѣты писались на русскомъ языкѣ, и послѣ того, передъ рукоприкладствомъ, переводились ей на французскій языкъ изустно.

Когда фельдмаршалъ, князь Голицынъ, въ первый разъ вошелъ въ казематъ, гдѣ заключена была «вcклепавшая на себя имя», она пришла въ сильное волненіе. Не робость, а сильный гнѣвъ овладѣлъ ею. Съ достоинствомъ и повелительнымъ тономъ спросила она Голицына:

— Скажите мнѣ, какое право имѣютъ такъ жестоко обходиться со мной? По какой причинѣ меня арестовали и держатъ въ заключеніи?

Фельдмаршалъ строго замѣтилъ ей, что она должна дать прямые и неуклончивые отвѣты на все, о чемъ онъ будетъ ее спрашивать. Допросъ начался.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ князь Голицынъ

— Елизаветой,—отвѣчала плѣнница.

— Кто были ваши родители?

— Не знаю.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать три года.

— Какой вы вѣры?

— Я крещена по греко-восточному обряду.

— Кто васъ крестилъ, и кто были воспріемники?

— Не знаю.

— Гдѣ провели вы дѣтство?

— Въ Килѣ, у одной госпожи Пери или Перонъ.

— Кто при васъ находился тогда?

— При мнѣ была нянька, ее звали Катериной. Она нѣмка, родомъ изъ Голштиніи.

Дальнѣйшія показанія плѣнницы состояли въ слѣдующемъ:

— Въ Килѣ меня постоянно утѣшали скорымъ пріѣздомъ родителей. Въ началѣ 1762 года, когда мнѣ было девять лѣтъ отъ роду (то есть немедленно по кончинѣ императрицы Елизаветы Петровны, которая умерла въ самый день Рождества Христова 1761 года), пріѣхали въ Киль трое незнакомцевъ. Они взяли меня у госпожи Перонъ и, вмѣстѣ съ нянькой Катериной, сухимъ путемъ повезли въ Петербургъ. Въ Петербургѣ сказали мнѣ, что родители мои въ Москвѣ, и что меня повезутъ туда. Меня повезли, но не въ Москву, а куда то далеко, на персидскую границу, и тамъ помѣстили у одной образованной старушки, которая, помню я, говаривала, что она сослана туда по повелѣнію императора Петра III. Эта старушка жила въ домикѣ, стоявшемъ одиноко вблизи кочевья какого то полудикаго племени. Здѣсь, у пріютившей меня старушки, прожила я годъ и три мѣсяца, и почти во все это время была больна.

— Чѣмъ вы были больны?

— Меня отравили. Хотя быстро даннымъ противоядіемъ жизнь моя была сохранена, но я долго была нездорова отъ послѣдствій даннаго мнѣ яда.

— Кто еще находился при васъ въ это время?

— Кромѣ Катерины, еще новая нянька; отъ нея я узнала нѣсколько словъ, похожихъ на русскія. Потомъ начала въ томъ же домѣ у старушки учиться по-русски, выучилась этому языку, но впослѣдствіи забыла его. На персидской границѣ я была не въ безопасности, поэтому друзья мои, но кто они такіе я не знала и до сихъ поръ не знаю, искали случая препроводить меня въ совершенно безопасное мѣсто. Въ 1763 году, съ помощью одного татарина, нянькѣ Катеринѣ удалось бѣжать вмѣстѣ со мной, десятилѣтнимъ ребенкомъ, изъ предѣловъ Россіи въ Багдадъ. Здѣсь принялъ меня богатый персіянинъ Гаметъ, къ которому нянька Катерина имѣла рекомендательныя обо мнѣ письма. Годъ спустя, въ 1764 году, когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ, другъ персіянина Гамета, князь Гали, перевезъ меня въ Испагань, гдѣ я получила блистательное образованіе подъ руководствомъ француза Жана Фурнье. Гали мнѣ часто говаривалъ, что я законная дочь русской императрицы Елизаветы Петровны; то же постоянно говорили мнѣ и другіе окружавшіе меня люди.

— Кто такіе эти люди, внушавшіе вамъ такую мысль?

— Кромѣ князя Гали, теперь никого не помню. Въ Персіи пробыла я до 1769 года, пока не возникли народныя волненія и безпорядки въ этомъ государствѣ. Тогда Гали рѣшился удалиться изъ Персіи въ Европу. Мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда онъ повезъ меня изъ Персіи. Мы выѣхали сначала въ Астрахань, гдѣ, вмѣсто сопровождавшей насъ персидской прислуги, Гали нанялъ русскую, принялъ имя Крымова и сталъ выдавать меня за свою дочь. Изъ Астрахани, черезъ всю Россію, мы пріѣхали въ Петербургъ, но тамъ оставались недолго, только переночевали. Изъ Петербурга сухимъ путемъ поѣхали въ Кенигсбергъ,

гдѣ князь Гали немедленно отпустилъ русскую прислугу и нанялъ нѣмецкую. Въ Кенигсбергѣ мы пробыли шесть недѣль и отправились въ Берлинъ, гдѣ жили довольно долго, а затѣмъ поѣхали въ Лондонъ. Въ Лондонѣ я жила съ княземъ Гали года два; здѣсь получилъ онъ извѣстіе, что ему необходимо воротиться въ Персію, и онъ принужденъ былъ оставить меня. Безъ него я прожила въ Лондонѣ пять мѣсяцевъ, на деньги, оставленныя мнѣ моимъ покровителемъ. Онъ баснословно богатъ, и, разставаясь со мной, вручилъ мнѣ громадную сумму и множество драгоцѣнныхъ вещей. Впослѣдствіи онъ постоянно присылалъ мнѣ очень большія суммы, на которыя я могла жить въ изобиліи и роскоши и содержать многочисленную прислугу. Князь Гали разставался со мной лишь на время; онъ очень ко мнѣ привязанъ и назначилъ меня единственною наслѣдницей несмѣтныхъ своихъ сокровищъ. Изъ Лондона я отправилась въ Парижъ. Какъ въ Лондонѣ, такъ и въ столицѣ Франціи, я продолжала называться дочерью князя Гали, и меня обыкновенно называли «принцессою Али». Въ Парижѣ я постоянно находилась въ обществѣ самыхъ знатныхъ людей, и многіе изъ нихъ говорили мнѣ, что я русская великая княжна, дочь императрицы Елизаветы Петровны. Но я упорно отрицала это и продолжала называться «принцессой Али» или «принцессой Алиною». Изъ Парижа я поѣхала въ Германію съ цѣлію купить въ Голштиніи поземельную собственность на деньги, которыя я получила отъ князя Гали. Тутъ я познакомилась съ Филиппомъ-Фердинандомъ, княземъ Римской имперіи, герцогомъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Лимбургъ, владѣтельнымъ графомъ Лимбургомъ. Князь оказывалъ мнѣ знаки своего расположенія, сталъ ухаживать за мной, и я вскорѣ замѣтила, что онъ влюбился въ меня. Я не отвергла любви его, потому что

и мнѣ онъ очень нравился. Вскорѣ князь Лимбургъ сталъ формально просить руки моей, я была согласна на его предложеніе, но для заключенія брака необходимы были документы о моемъ происхожденіи, необходимо было положительно разъяснить тайну моего рожденія. Я думала было, съ помощію моего покровителя, князя Гали, отыскать въ Россіи необходимые для моего брака документы, предполагала сама ѣхать въ Петербургъ и тамъ представиться императрицѣ Екатеринѣ. Я надѣялась снискать милостивое расположеніе государыни, представивъ ей важныя предположенія относительно торговли Россіи съ Персіей. Объ этомъ я предварительно послала записку русскому вице-канцлеру, князю Голицыну. Я надѣялась, что за эту услугу императрица дастъ мнѣ фамилію и титулъ, которые бы сдѣлали меня достойною вступить въ бракъ съ владѣтельнымъ княземъ Римской имперіи. Все это дѣлала я по совѣщанію съ моимъ женихомъ, княземъ Лимбургомъ; онъ совершенно одобрилъ мои намѣренія и даже уполномочилъ меня вмѣстѣ съ этимъ дѣломъ взять на себя переговоры касательно притязаній его на Шлезвигъ и Голштинію. Но въ самое то время, какъ я собиралась ѣхать въ Петербургъ, планы князя Лимбурга были разстроены полученнымъ извѣстіемъ, что великій князь Павелъ Петровичъ, какъ наслѣдный герцогъ Голштинскій, промѣнялъ Шлезвигъ - Голштинское герцогство на Ольденбургскія и Дельменгорстскія владѣнія. Это неожиданное обстоятельство заставило меня отложить на время петербургскую поѣздку и остаться въ Оберштейнѣ. Въ это время я была невѣстой князя Лимбурга, и всѣ считали меня будущею его супругой. Мой женихъ нуждался въ деньгахъ, какъ на уплату старыхъ долговъ, такъ и на выкупъ у Трирскаго курфирста исключительнаго права на владѣніе граф-

ствомъ Оберштейнъ. Я надѣялась достать ему нужную сумму, разсчитывая на кредитъ моего покровителя, князя Гали. Для полученія денегъ я поѣхала въ Венецію, подъ именемъ графини Пиннебергъ; тамъ я надѣялась получить деньги отъ людей, знавшихъ князя Гали и имѣвшихъ съ нимъ денежныя дѣла. Я хотѣла послать вѣрнаго человѣка къ нему въ Персію, но, узнавъ, что князь Радзивилъ намѣревается ѣхать въ Константинополь, сама рѣшилась ѣхать къ князю Гали черезъ Турцію. Я просила князя Радзивила назначить мнѣ мѣсто и время для свиданія, чтобъ устроить свою поѣздку до Константинополя подъ его покровительствомъ. Радзивилъ назначилъ для свиданія со мной домъ одного сенатора. Мы свидѣлись, и въ разговорѣ со мной князь намекнулъ, что я могу быть весьма полезною для Польши, такъ какъ ему отъ сопровождавшихъ его французскихъ офицеровъ положительно извѣстно, что я, законная дочь покойной русской императрицы Елизаветы Петровны, имѣю неотъемлемое право на русскую корону, и если достигну престола, то въ вознагражденіе за содѣйствіе, которое при этомъ случаѣ окажутъ мнѣ поляки, должна буду возвратить Польшѣ Бѣлоруссію и заставить Пруссію и Австрію возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года. Я настойчиво отрицала слова его, и замѣтивъ, что князь Радзивилъ, при ограниченныхъ способностяхъ своего ума, исполненъ самыхъ несбыточныхъ намѣреній, хотѣла совершенно отъ него отдѣлаться. Но сестра его Теофила Моравская, жившая съ нимъ вмѣстѣ въ Венеціи и изучавшая Востокъ, познакомившись со мной и узнавъ, что я имѣю много свѣдѣній о восточныхъ государствахъ, упросила меня ѣхать съ нею и съ братомъ ея до Константинополя, откуда мнѣ было бы уже легко пробраться въ Испагань къ князю Гали, у котораго я желала лично испросить согласіе на

бракъ съ княземъ Лимбургомъ и надѣялась получить отъ него такое приданое, съ которымъ могла бы прилично выйти замужъ за имперскаго владѣтельнаго князя. Сверхъ того, я надѣялась получить и документы о моемъ рожденіи, необходимые для заключенія брака. Такимъ образомъ, мы отправились въ Константинополь, но, доплывъ до острова Корфу, по причинѣ противныхъ вѣтровъ, принуждены были воротиться въ Рагузу. Отсюда Теофила Моравская съ дядей своимъ уѣхала въ Венецію. Я осталась въ обществѣ князя Карла Радзивила и собравшихся вокругъ него французскихъ и польскихъ офицеровъ. Я нуждалась въ деньгахъ и посылала Чарномскаго въ Венецію къ другу моему, лорду Монтегю, переговорить съ нимъ и достать денегъ, а сама оставалась въ Рагузѣ, ожидая султанскаго фирмана на проѣздъ въ Константинополь. Для исходатайствованія фирмановъ на свое и мое имя, князь Радзивилъ еще раньше послалъ въ Константинополь своего повѣреннаго. Въ это время, именно 8-го іюля 1774 года, получила я изъ Венеціи анонимное письмо, при которомъ были приложены два запечатанные конверта. Въ письмѣ было сказано, что я могу спасти жизнь многихъ людей и сдѣлаться посредницей при заключеніи мира Россіи съ Турціей, если, по пріѣздѣ въ Константинополь, соглашусь выдать себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны. Изъ того же письма видно, что одинъ изъ приложенныхъ конвертовъ я должна была лично передать султану, а другой отослать въ Ливорно къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову. Конвертъ, назначенный въ Ливорно, я распечатала, и нашла въ немъ письмо къ графу Орлову отъ имени принцессы Елизаветы Всероссійской и проектъ воззванія къ экипажу русскаго флота, находившагося подъ его командой. Я сняла съ этихъ бумагъ копіи, а конвертъ

запечатала своею печатью и послала въ Ливорно къ графу. Бумаги, найденныя мною въ пакетѣ, адресованномъ на имя султана, убѣдили меня отложить поѣздку въ Константинополь. Когда же было получено въ Рагузѣ извѣстіе о заключеніи между Турціей и Россіей мира, я стала настоятельно уговаривать князя Радзивила отказаться отъ неосуществимыхъ его плановъ и совѣтовала ему, воротясь въ Польшу, примириться съ королемъ Станиславомъ-Августомъ. Но увѣщанія мои были напрасны, Радзивилъ не слушался, однакоже, отправился назадъ въ Венецію, оставивъ при мнѣ, для сопровожденія меня въ Италію, двухъ дворянъ изъ своей свиты, Чарномскаго и Доманскаго. Съ ними я поѣхала въ Римъ. Изъ Рима я писала къ жениху своему, князю Лимбургу, что скоро намѣрена воротиться въ его владѣнія. Я предполагала ѣхать туда сухимъ путемъ черезъ Пизу и Геную, гдѣ надѣялась покончить дѣло по займу денегъ, за поручительствомъ князя Гали. Въ Римѣ русскій лейтенантъ Христенекъ искалъ моего знакомства, но я не хотѣла имѣть съ нимъ никакихъ сношеній, пока не узнала, что онъ присланъ ко мнѣ съ порученіемъ отъ графа Орлова. Христенекъ спросилъ меня отъ имени графа, я ли послала къ нему въ Ливорно пакетъ съ бумагами. Я отвѣчала утвердительно. Тогда Христенекъ сказалъ, что графъ желаетъ со мной лично познакомиться и зоветъ меня въ Пизу. Мнѣ не для чего было оставаться въ Римѣ; я, какъ уже сказала, намѣревалась ѣхать въ Геную, чтобы оттуда продолжать путь въ Оберштейнъ къ жениху моему, князю Лимбургу. Пиза была на дорогѣ, и я охотно согласилась остановиться на короткое время въ этомъ городѣ, чтобы познакомиться съ графомъ Орловымъ, и тѣмъ исполнить его желаніе. Христенекъ поѣхалъ вмѣстѣ со мной, но на дорогѣ опередилъ меня, чтобы пріѣхать въ Пизу

прежде и приготовить все нужное къ принятію меня. Въ Пизу я пріѣхала подъ именемъ графини Селинской; графъ Орловъ немедленно явился ко мнѣ и предложилъ свои услуги. Черезъ нѣсколько дней, при разговорѣ съ графомъ Орловымъ объ Италіи, случилось мнѣ сказать, что я никогда не бывала въ Ливорно и желала бы видѣть этотъ городъ. Графъ Орловъ предложилъ мнѣ показать Ливорно, я согласилась и поѣхала вмѣстѣ съ нимъ и съ сопровождавшими меня польскими дворянами, Доманскимъ и Чарномскимъ. Въ Ливорно графъ Орловъ привезъ меня къ англійскому консулу, сэру Джону Дику, принявшему насъ очень гостепріимно. Я просила графа Орлова доставить мнѣ случай полюбоваться на маневры кораблей, и онъ съ охотой согласился на то. Послѣ обѣда у сэра Джона Дика, въ большомъ обществѣ отправились мы на рейдъ, и я, совершенно довѣряясь графу, поѣхала въ шлюпкѣ на адмиральскій корабль. При сильной пушечной пальбѣ начались маневры, и я засмотрѣлась на нихъ; въ это время графъ Орловъ отошелъ отъ меня, а незнакомый офицеръ, подойдя ко мнѣ, объявилъ, что я арестована. Испуганная такою неожиданностью, я написала къ графу Орлову письмо, требуя разъясненія случившагося; онъ отвѣчалъ мнѣ на нѣмецкомъ языкѣ.

При этомъ плѣнница передала князю Голицыну извѣстное уже намъ письмо къ ней графа Орлова.

Фельдмаршалъ не удовольствовался данными плѣнницей отвѣтами. Онъ имѣлъ въ виду единственно разъясненіе двухъ вопросовъ: кто подалъ ей мысль «всклепать на себя имя» дочери императрицы Елизаветы Петровны, и съ кѣмъ она по сему предмету находилась въ сношеніяхъ? Эти вопросы, безъ сомнѣнія, поставлены были самою Екатериной. Императрица не могла удовольствоваться однимъ романомъ захваченной

плѣнницы, ей нужно было знать имена недоброжелателей, хотѣвшихъ въ лицѣ мнимой принцессы создать одно изъ политическихъ затрудненій ея царствованія. Кто эти недоброжелатели за границей, а особенно въ самой Россіи,—вотъ что̀ желала знать Екатерина. Этого и добивался отъ плѣнницы фельдмаршалъ Голицынъ. Хотя она и сказала, что князь Радзивилъ говорилъ ей, что она, достигнувъ принадлежащаго ей по праву русскаго престола, можетъ быть полезна для Польши, но этимъ фельдмаршалъ не удовольствовался. Князя Радзивила императрица считала за пустого человѣка и при томъ не хотѣла впутывать его въ дѣло самозванки, послѣ того какъ онъ обѣщался не помогать ей, а примирился съ королемъ Станиславомъ Августомъ и призналъ себя совершенно безсильнымъ передъ русскою императрицей. А между тѣмъ не кто другой, какъ «пане коханку» и стоялъ во главѣ затѣянной поляками и іезуитами противъ Екатерины интриги, выдвинувшей на сцену мнимую дочь императрицы Елизаветы Петровны. Конечно, по ограниченности ума, князь Карлъ Радзивилъ могъ быть только орудіемъ въ рукахъ искусныхъ въ интригѣ людей: ихъ то имена и хотѣлось узнать князю Голицыну, объ нихъ то и желалъ онъ получить точныя свѣдѣнія отъ самой плѣнницы.

Замѣчательно, что хотя изъ бумагъ, захваченныхъ въ Пизѣ, и было видно, что принцесса называла Пугачева своимъ братомъ, хотя объ этомъ и писала Голицыну сама императрица, но на этотъ предметъ ни при первомъ допросѣ, ни при послѣдующихъ не было обращено никакого вниманія. О Пугачевѣ не спросили плѣнницу.

Когда она кончила разсказъ о своихъ похожденіяхъ, князь Голицынъ спросилъ ее:

— Вы должны сказать, по чьему наученью вы-

давали себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны?

— Я никогда не была намѣрена выдавать себя за дочь императрицы,—твердо отвѣчала плѣнница.

— Но вамъ говорили же, что вы дочь императрицы?

— Да, мнѣ говорилъ это въ дѣтствѣ моемъ князь Гали, говорили и другіе, но никто не побуждалъ меня выдавать себя за русскую великую княжну, и я никогда, ни одного раза, не утверждала, что я дочь императрицы. Правда, иногда въ разговорахъ съ княземъ Лимбургомъ, съ княземъ Радзивиломъ и другими знатными особами, которымъ я разсказывала о странныхъ обстоятельствахъ моего дѣтства, они говорили мнѣ, что напрасно я скрываю свое происхожденіе, что имъ навѣрное извѣстно, что я рождена русскою императрицей. Но каждый разъ, чтобъ отдѣлаться отъ подобныхъ разспросовъ, я шутливо отвѣчала: «да принимайте меня, за кого хотите: пусть я буду дочь турецкаго султана, или персидскаго шаха, или русской императрицы; я и сама ничего не знаю о своемъ рожденіи». Нѣкоторые изъ знатныхъ особъ даже письменно спрашивали меня, дѣйствительно ли я русская великая княжна, но я всегда отвѣчала имъ, что ничего не знаю о томъ, кто были мои родители.

— Отчего же слухи о вашемъ происхожденіи отъ императрицы распространились съ тѣхъ поръ, какъ вы пріѣхали въ Венецію, и еще болѣе усилились, когда вы поселились въ Рагузѣ?—спросилъ князь Голицынъ.

— Не знаю, —отвѣчала плѣнница, — но, дѣйствительно, эти слухи особенно распространились съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхала къ князю Радзивилу въ Венецію. Можетъ быть, это произошло отъ того, что сопровождавшій меня изъ владѣній князя Лимбурга въ Венеціанскую республику его гофмаршалъ, баронъ Кнорръ,

несмотря на неоднократныя мои запрещенія, въ разговорахъ со мной давалъ мнѣ титулъ «Высочества». Въ Рагузѣ молва о томъ, что я дочь императрицы Елизаветы Петровны, распространилась еще болѣе. Я даже просила сенатъ Рагузской республики принять съ своей стороны надлежащія мѣры противъ распространенія такой опасной для меня молвы.

Голицынъ показалъ ей взятыя у ней завѣщанія Петра Великаго, Екатерины I и Елизаветы Петровны, а также тотъ «манифестикъ», который посылала она изъ Рагузы къ Орлову.

— Что вы скажете объ этихъ бумагахъ? — спросилъ онъ.

— Это тѣ самые документы, что были присланы ко мнѣ при анонимномъ письмѣ изъ Венеціи, 8-го іюля 1774 года. Я говорила вамъ о нихъ,—сказала принцесса.

— Кто писалъ эти документы?

— Не знаю.

— Кто прислалъ ихъ къ вамъ — какъ вы предполагаете, на кого имѣете въ этомъ подозрѣніе?

— Не знаю, кто мнѣ прислалъ анонимное письмо и эти бумаги. Я готова присягнуть, что почеркъ, которымъ писаны они, мнѣ совершенно неизвѣстенъ. Больше ничего о нихъ не знаю и сказать не могу.

— Послушайте меня,—сказалъ князь Голицынъ,— ради вашей же собственной пользы, скажите мнѣ все откровенно и чистосердечно. Это одно можетъ спасти васъ отъ самыхъ плачевныхъ послѣдствій.

— Говорю вамъ чистосердечно и съ полною откровенностію, господинъ фельдмаршалъ,—съ живостію отвѣчала плѣнница, — и въ доказательство чистосердечія признаюсь вотъ въ чемъ. Получивъ эти бумаги и прочитавъ ихъ, стала я соображать и воспоминанія моего дѣтства, и старанія друзей укрыть меня внѣ предѣ-

ловъ Россіи, и слышанное мною впослѣдствіи отъ князя Гали, въ Парижѣ отъ разныхъ знатныхъ особъ, въ Италіи отъ французскихъ офицеровъ и отъ князя Радзивила относительно моего происхожденія отъ русской императрицы. Соображая все это съ бумагами, присланными ко мнѣ при анонимномъ письмѣ, мнѣ, дѣйствительно, иногда приходило на умъ: не я ли въ самомъ дѣлѣ то лицо, въ пользу котораго составлено духовное завѣщаніе императрицы Елизаветы Петровны? А относительно анонимнаго письма приходило мнѣ въ голову, не послѣдствіе ли это какихъ-либо политическихъ соображеній?

— Съ какою же цѣлію писали вы къ графу Орлову и послали ему завѣщаніе и проектъ манифеста?

— Я послала къ графу Орлову пакетъ, адресованный на его имя и присланный ко мнѣ при анонимномъ письмѣ изъ Венеціи. Письмо къ графу Орлову отъ имени принцессы Елизаветы писала не я, оно не моей руки и не подписано мной. Для себя я сняла со всѣхъ этихъ документовъ копіи, чтобы показать ихъ жениху своему, князю Лимбургу. А къ графу Орлову послала я бумаги, съ одной стороны, думая, не узнаю ли я вслѣдствіе того чего-нибудь о своихъ родителяхъ, а съ другой стороны, чтобъ обратить вниманіе графа на происки, которые, какъ мнѣ казалось, ведутся изъ Россіи.

— Что вы сдѣлали съ пакетомъ, адресованнымъ къ турецкому султану?

— Я не отправила его, ожидая, не будетъ ли какого разъясненія со стороны графа Орлова относительно моего происхожденія.

— Повторяю вамъ, для собственной пользы вашей, скажите: кто, по вашему мнѣнію, прислалъ это письмо и эти духовныя завѣщанія?

— Не знаю. Я въ свое время много о томъ ду-

мала; подозрѣнія мои въ составленіи ихъ падали то на Версальскій кабинетъ, то на диванъ, то на Россію, но положительнаго ничего не могу сказать. Эти бумаги привели меня въ такое сильное волненіе, что были причиной жестокой болѣзни, которая теперь такъ сильно развилась во мнѣ.

— Но вы изъ Рагузы писали другое письмо къ султану, въ немъ уже прямо называли себя «Всероссійскою великою княжной Елизаветой» и просили его помощи.

— Я къ султану никогда ничего не писала и Всероссійскою великой княжной ни въ какихъ письмахъ себя не называла.

Фельдмаршалъ еще разъ началъ было уговарить плѣнницу сказать всю правду, кто научилъ ее выдавать себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны, съ кѣмъ по этому предмету находилась она въ сношеніяхъ, и въ чемъ состояли ея замыслы?

— Я вамъ сказала все, что знаю,—отвѣчала она съ рѣшительностію.—Больше мнѣ нечего вамъ отвѣчать. Въ жизни своей приходилось мнѣ много терпѣть, но никогда не имѣла я недостатка ни въ силѣ духа, ни въ твердомъ упованіи на Бога. Совѣсть не упрекаетъ меня ни въ чемъ преступномъ. Надѣюсь на милость государыни; я всегда чувствовала влеченіе къ Россіи, всегда старалась дѣйствовать въ ея пользу.

Слова плѣнницы секретарь Ушаковъ записалъ. Ей прочли по-французски составленное показаніе и дали подписать.

Она взяла перо и твердо подписала: *Elisabeth*.

XXXIV.

Сряду четыре дня послѣ этого допроса ходилъ князь Голицынъ въ казематъ уговаривать плѣнницу

разсказать ему всю правду. Но, несмотря на всѣ его убѣжденія, она не измѣнила ни слова въ данномъ показаніи и постоянно твердила одно:

— Сама я никогда не распространяла слуховъ о моемъ происхожденіи отъ императрицы Елизаветы Петровны. Это другіе выдумали на мое горе.

Князь Голицынъ показалъ ей допросъ Доманскаго, гдѣ тотъ признался, что, на его вопросы объ ея происхожденіи, она нѣсколько разъ отвѣчала ему, что она дочь императрицы Елизаветы.

Плѣнница не смутилась, и твердо сказала:

— Повторяю, что́ сказала прежде: сама себя дочерью русской императрицы я никогда не выдавала. Это выдумка не моя, а другихъ

Мая 31-го фельдмаршалъ, князь Голицынъ, послалъ показаніе плѣнницы къ императрицѣ и въ донесеніи своемъ упомянулъ, что она стоитъ на одномъ: «сама себя великою княжной не называла; это выдумки другихъ», и сказала это очень смѣло, даже и въ то время, когда ей указано на противорѣчащее тому показаніе Доманскаго. «Она очень больна,—писалъ фельдмаршалъ,— докторъ находитъ жизнь ея въ опасности, у нея часто поднимается сухой кашель, и она отхаркиваетъ кровь». «Такъ какъ «всклепавшая на себя имя», — прибавилъ князь Голицынъ,—«не можетъ еще считаться совершенно изобличенною, то я не сдѣлалъ никакихъ ограниченій въ пищѣ, ею получаемой, и оставилъ прprincipal ней ея служанку, такъ какъ она по-русски не знаетъ и сторожей понимать не можетъ».

На Доманскаго и Чарномскаго фельдмаршалъ взглянулъ слишкомъ легко. Онъ, кажется, и не подозрѣвалъ, что оба они были замѣчательными дѣятелями польской генеральной конфедераціи. Бумаги Чарномскаго, взятыя въ палаццо принцессы въ Пизѣ, князь Голицынъ считалъ принадлежащими не ему, а плѣнницѣ.

«По моему мнѣнію,—писалъ онъ къ императрицѣ, — поляки, сопутствовавшіе самозванкѣ, ни болѣе, ни менѣе, какъ бродяги, пріютившіеся къ ней въ надеждѣ хорошаго устроенія своей будущности». Относительно прислуги князь Голицынъ говорилъ, что она вовсе не причастна къ дѣлу. При этомъ онъ прибавилъ, однако, что всѣ они считали госпожу свою за принцессу.

На другой день по отправленіи донесенія къ императрицѣ, то есть 1-го іюня, князь Голицынъ получилъ отъ плѣнницы письмо. Она писала, что нисколько не чувствуетъ себя виновною противъ Россіи и противъ государыни императрицы, иначе не поѣхала бы съ графомъ Орловымъ на русскій корабль, зная, что на палубѣ его она будетъ находиться въ совершенной власти русскихъ. При письмѣ приложено было письмо къ императрицѣ. Плѣнница просила князя Голицына немедленно отослать это письмо къ Ея Величеству. Она умоляла Екатерину смягчиться надъ ея печальною участью и назначить ей аудіенцію, гдѣ она лично разъяснитъ Ея Величеству всѣ недоумѣнія и сообщитъ очень важныя для Россіи свѣдѣнія. Оба письма (на французскомъ языкѣ) подписаны такъ: *Elisabeth*.

Императрица была сильно раздражена этою лаконическою подписью. По правдѣ сказать, какую же другую подпись могла употребить плѣнница? Зовутъ ее Елизаветой, это она знаетъ, но она не знаетъ ни фамиліи своей, ни своего происхожденія. Она была въ положеніи «не помнящей родства»; но во времена Екатерины такого званія людей русское законодательство еще не признавало. Какъ же иначе, если не «Елизаветой», могла подписать плѣнница офиціальную бумагу? Но императрицѣ показалось другое: она думала, что, подписываясь «Елизаветой», «всклепавшая на себя имя» желаетъ указать на дѣйствительность царственнаго своего происхожденія, ибо только особы,

принадлежащія къ владѣтельнымъ домамъ, имѣютъ обычай подписываться однимъ именемъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ Екатерина не повѣрила ни одному слову въ показаніи, данномъ плѣнницей. «Эта наглая лгунья продолжаетъ играть свою комедію!» сказала она.

Іюня 7-го императрица писала князя Голицыну: «Передайте плѣнницѣ, что она можетъ облегчить свою участь одною лишь безусловною откровенностію и также совершеннымъ отказомъ отъ разыгрываемой ею доселѣ безумной комедіи, въ продолженіе которой она вторично осмѣлилась подписаться *Елизаветой*. Примите въ отношеніи къ ней надлежащія мѣры строгости, чтобы, наконецъ, ее образумить, потому что наглость письма ея ко мнѣ уже выходитъ изъ всякихъ возможныхъ предѣловъ».

Получивъ этотъ рескриптъ, князь Голицынъ послалъ въ Алексѣевскій равелинъ секретаря слѣдственной комиссіи Ушакова. Ушаковъ объявилъ заключенной, что, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства ея во лжи, будутъ употреблены *крайніе способы* для узнанія самыхъ *тайныхъ ея мыслей*. Плѣнница клялась, что показала одну только сущую правду, и говорила съ такою твердостію, съ такою увѣренностью, что Ушаковъ, возвратясь къ фельдмаршалу, выразилъ ему личное свое убѣжденіе, что она сказала всю правду.

На другой день, князь Голицынъ самъ отправился къ ней въ казематъ. Онъ увѣщевалъ плѣнницу разсказать всю правду, подавалъ ей надежду на помилованіе, если она раскроетъ все безъ утайки и искренно раскается во всѣхъ преступныхъ противъ императрицы замыслахъ. Она не отказалась ни отъ одного изъ данныхъ прежде показаній и ни одного слова къ нимъ не прибавила. Больше всего допытывался у ней фельдмаршалъ, отъ кого получила она копіи съ ду-

ховныхъ завѣщаній Петра I, Екатерины I и Елизаветы Петровны.

— Клянусь Всемогущимъ Богомъ, клянусь вѣчнымъ спасеніемъ, клянусь вѣчною мукой,—съ чувствомъ отвѣчала ему плѣнница, — не знаю, кто прислалъ мнѣ эти несчастныя бумаги. Проступокъ мой состоитъ лишь въ томъ, что я, отправивъ къ графу Орлову часть полученныхъ бумагъ, не уничтожила остальныя. Но мнѣ въ голову придти не могло, чтобъ это упущеніе когда-нибудь могло довести меня до столь бѣдственнаго положенія. Умоляю государыню императрицу милосердно простить мнѣ эту ошибку, и самимъ Богомъ обѣщаюсь хранить вѣчно о всемъ этомъ дѣлѣ молчаніе, если меня отпустятъ за границу.

— Такъ вы не хотите признаться? Не хотите исполнить волю Всемилостивѣйшей Государыни?

— Мнѣ не въ чемъ признаваться, кромѣ того, что̀ я прежде сказала. Что́ я знаю, то все сказала, и сказала сущую правду. А больше того не могу ничего сказать, потому что ничего не знаю. Не знаю, господинъ фельдмаршалъ. Видитъ Богъ, что ничего не знаю, не знаю, не знаю.

— Отберите же у арестантки все, —сурово проговорилъ фельдмаршалъ смотрителю Алексѣевскаго равелина: — все, кромѣ постели и самаго необходимаго платья. Пищи давать ей столько, сколько нужно для поддержанія жизни. Пища должна быть обыкновенная арестантская. Служителей ея не допускать къ ней. Офицеръ и двое солдатъ день и ночь должны находиться въ ея комнатѣ.

Плѣнницѣ перевели на французскій языкъ распоряженіе фельдмаршала. Она залилась слезами. Твердость духа, казалось, покинула ее.

Два дня, двѣ ночи проплакала она, находясь въ одной комнатѣ съ какимъ то гарнизоннымъ офицеромъ

и двумя солдатами. Она ихъ не понимала, они не понимали ея. Принесли въ деревянной чашкѣ суровую арестантскую пищу — вѣроятно, щи да кашу. Изнѣженная, привыкшая къ довольству и роскоши, изнуренная смертельною болѣзнію, плѣнница не могла прикоснуться къ этому угощенію. Двое сутокъ она ничего не ѣла. Болѣзнь усилилась, сухой кашель одолѣвалъ ее, печенками отхаркивала она кровь. Она говорила офицеру и солдатамъ, что желаетъ написать письмо къ фельдмаршалу, но тѣ не понимали ея. Наконецъ, знаками, и часто произнося имя Голицына, бѣдная женщина успѣла вразумить тюремщиковъ. Ей дали бумагу, перо и чернила.

Въ письмѣ къ фельдмаршалу плѣнница горько жаловалась на обвиненія, взводимыя на нее, и на то, что слѣдственная комиссія не хочетъ обратить вниманія на обстоятельства, доказывающія ея невинность. «Не хотятъ,—писала она,—признать, что я не увлеклась присланными ко мнѣ въ Рагузу отъ неизвѣстнаго лица документами, ибо въ противномъ случаѣ я поѣхала бы не въ Италію, а на Востокъ. Сознаюсь,—добавила она,—что ко мнѣ въ Рагузу было прислано еще много другихъ бумагъ, кромѣ взятыхъ въ Пизѣ; изъ нихъ бо́льшую часть я сожгла, а нѣкоторыя, находящіяся теперь у васъ, переписала своей рукой». Повторяя, что въ Венецію и Рагузу поѣхала она съ единственною цѣлью достать у князя Гали денегъ, плѣнница писала Голицыну: «Если вы, князь, все еще мнѣ не вѣрите, спросите, наконецъ, о мнѣ нѣкоторыхъ знатныхъ людей, хорошо меня знающихъ. Я ихъ назову. Хотя меня и заточили въ крѣпость, но это еще можно поправить: объявите, что меня ошибкой приняли за другую женщину, и дайте мнѣ возможность спокойно воротиться въ Оберштейнъ къ моему жениху, имперскому князю Лимбургу». Въ заключеніе она просила

князя Голицына быть милосердымъ и не вѣрить выдумкамъ людей, корыстолюбіе которыхъ она не могла удовлетворить, или которымъ осталась должна самую бездѣлицу. Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть указаній на Доманскаго и Чарномскаго. «Никого такъ много не обманывали, какъ меня,—писала она,—благодаря моему легковѣрію и довѣрчивости къ людямъ. Не понимаю, какъ можно столь безусловно вѣрить злонамѣреннымъ слухамъ, бреднямъ и письмамъ безтолковыхъ людей. Въ числѣ бумагъ моихъ, быть можетъ, вы найдете еще письмо отъ котролера финансовъ де-Марина, писавшаго мнѣ, будто шестьдесятъ тысячъ войска находится въ моемъ распоряженіи. Подобные слухи были распускаемы обо мнѣ, когда я жила въ Рагузѣ, распускали ихъ французскіе офицеры, бывшіе при князѣ Радзивилѣ. Они называли меня то дочерью турецкаго султана, то Елизаветою, принцессою Брауншвейгъ-Люнебургскою, сестрою несчастнаго Іоанна, въ младенчествѣ провозглашеннаго русскимъ императоромъ, то дочерью императрицы Елизаветы Петровны, другіе же считали меня за простую казачку. У меня есть за границей истинные друзья; если они узнаютъ о настоящемъ моемъ положеніи, я навсегда должна лишиться чести и добраго имени. Зачѣмъ же губить меня напрасно, когда и безъ того мое здоровье, мое имѣніе, даже, быть можетъ, положеніе мое у князя Лимбурга навсегда утрачены? И то примите, князь, въ соображеніе, какія причины могли бы побудить меня предпринять что-нибудь противъ Россіи, которой я не знаю, съ жителями которой не имѣла никакихъ сношеній. Да если бы, наконецъ, весь свѣтъ былъ увѣренъ, что я дочь императрицы Елизаветы, все-таки настоящее положеніе дѣлъ таково, что оно мной измѣнено быть не можетъ. Еще разъ умоляю васъ, князь, сжальтесь надо мной и надъ невинными людьми,

погубленными единственно потому, что находились при мнѣ».

Прочтя письмо, князь Голицынъ отправился въ казематъ плѣнницы, чтобы разъяснить два обстоятельства, о которыхъ она упомянула.

— Какія бумаги были къ вамъ присланы въ Рагузу, кромѣ завѣщаній и манифеста?—спросилъ ее фельдмаршалъ.

— Два письма къ графу Панину,—отвѣчала изнуренная до крайности развившеюся чахоткой, строгимъ заключеніемъ, голодомъ и нравственными страданіями плѣнница,—еще письмо къ вице-канцлеру, князю Голицыну. Въ этихъ письмахъ неизвѣстные мнѣ люди просили этихъ вельможъ оказать «принцессѣ Елизаветѣ» возможную по обстоятельствамъ помощь.

Она сказала неправду. Мы знаемъ уже, что письма эти писаны ею изъ Германіи, задолго до пребыванія въ Рагузѣ, и что ихъ не отправилъ по назначенію баронъ фонъ-Горнштейнъ. Князь Голицынъ долженъ былъ знать это изъ бумагъ, находившихся у него подъ руками, но почему то не обратилъ на это вниманія и не замѣтилъ плѣнницѣ несообразности ея словъ.

— Вы писали ко мнѣ,—сказалъ онъ,—что нѣкоторыя знатныя особы знаютъ васъ и могутъ дать о васъ свѣдѣнія. Кто эти особы? Назовите ихъ.

— Князь Филиппъ Шлезвигъ - Гольштейнъ - Лимбургъ,—отвѣчала она,—министръ курфирста Трирскаго, баронъ фонъ-Горнштейнъ, контролеръ финансовъ князя Лимбурга въ Оберштейнѣ де-Маринъ, литовскій маршалъ Михаилъ Огинскій, генералъ французской службы, баронъ Вейдбрехтъ, министръ полиціи въ Парижѣ Сартинъ.

Князь Голицынъ записалъ имена. Но ни съ кѣмъ изъ названныхъ не было сдѣлано никакихъ сношеній,

никого изъ нихъ не спросили, что знаютъ они о личности плѣнницы. Екатерина отнюдь не хотѣла, чтобъ исторія о мнимой дочери императрицы Елизаветы Петровны была разглашаема. Особенно несообразно было съ ея видами, чтобы за границей могли подумать, что она, побѣдительница Оттомановъ, блистательно торжествующая теперь славный для Россіи миръ, обращаетъ серіозное вниманіе на женщину, которую сама называетъ «побродяжкой» Въ подобныхъ случаяхъ Екатерина держалась пословицы: «изъ избы сора не выносить». И дѣйствительно, во время производства слѣдствія надъ принцессой Владимірской, никто внѣ тайной экспедиціи и не подозрѣвалъ, чтобы «всклепавшая на себя имя» находилась въ казематахъ Петропавловской крѣпости.

Фельдмаршалъ снова сталъ увѣщевать плѣнницу, чтобъ она открыла, кто внушилъ ей мысль принять на себя имя дочери императрицы Елизаветы Петровны, и кто были пособниками ея замысламъ. Онъ напомнилъ ей о *крайнихъ мѣрахъ*. Надо полагать, что ей было извѣстно, что̀ значатъ на языкѣ тайной канцеляріи слова *крайнія мѣры*.

— Я сказала вамъ все, что̀ знаю,—съ твердостію отвѣчала фельдмаршалу плѣнница.—Чего же вы отъ меня хотите? Знайте, господинъ фельдмаршалъ, что не только самыя страшныя мученія, но сама смерть не можетъ заставить меня отказаться въ чемъ-либо отъ перваго моего показанія.

Князь Голицынъ нѣсколько помолчалъ и потомъ сказалъ:

— При такомъ упрямствѣ, вы не можете ожидать помилованія.

Но видъ почти умирающей красавицы, видъ женщины, привыкшей къ хорошему обществу и къ роскошной обстановкѣ жизни, а теперь заключенной въ

одной комнатѣ съ солдатами, содержимой на грубой арестантской пищѣ, больной, совершенно разстроенной, убитой и физически, и нравственно, не могъ не поразить мягкосердаго фельдмаршала. Онъ былъ однимъ изъ добрѣйшихъ людей своего времени, отличался великодушіемъ и пользовался любовію всѣхъ знавшихъ его. Забывая приказаніе императрицы принять въ отношеніи къ плѣнницѣ мѣры строгости, добрый фельдмаршалъ, выйдя изъ каземата, приказалъ опять допустить къ ней Франциску фонъ-Мешеде, улучшить содержаніе плѣнницы, стражѣ удалиться за дверь и только смотрѣть, чтобы плѣнница не наложила на себя рукъ. Голицынъ замѣтилъ въ ея характерѣ такъ много рѣшительности и энергіи—свойствъ, которыми самъ онъ вовсе не обладалъ, что не безъ основаній опасался, чтобы заключенная не посягнула на самоубійство. Она была способна на то, что доказала на кораблѣ *Трехъ Іерарховъ.*

Объ этомъ свиданіи съ плѣнницей и о сдѣланныхъ распоряженіяхъ князь Голицынъ подробно донесъ императрицѣ 18-го іюня. Но императрица отвѣчала ему 29-го числа: «Распутная лгунья осмѣлилась просить у меня ауденціи. Объявите этой развратницѣ, что я никогда не приму ея, ибо мнѣ вполнѣ извѣстны и крайняя ея безнравственность, и преступные замыслы, и попытки присвоивать чужія имена и титулы. Если она будетъ продолжать упорствовать въ своей лжи, она будетъ предана самому строгому суду».

Въ запискахъ Винскаго [1]), черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти принцессы сидѣвшаго въ томъ самомъ отдѣленіи Алексѣевскаго равелина, гдѣ содержалась она, сохранился разсказъ очевидца (тюремщика), что къ ней одинъ разъ пріѣзжалъ графъ Алексѣй Григорь-

[1]) См. послѣднюю главу этой стѣтьи.

евичъ Орловъ. Соображая время возвращенія его въ Россію къ самому то́ржеству Кучукъ-Кайнарджискаго мира, надо полагать, что если онъ, дѣйствительно, навѣстилъ свою жертву, то это было въ описываемое теперь нами время, то есть во второй половинѣ іюня 1775 года. По словамъ тюремщика, плѣнница разговаривала съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ не по-русски, громко, и, какъ видно, сильно укоряла его, кричала на своего предателя и топала ногами.

Что говорили между собой графъ и женщина, столь жестоко обманутая имъ, женщина, которая готовилась быть матерью его ребенка, осталось неизвѣстнымъ. Но сцена, безъ сомнѣнія, была исполнена истиннаго трагизма. Въ другой разъ Орловъ не видался съ плѣнницей, и какъ мы уже замѣтили, по всей вѣроятности, даже не зналъ, что́ съ нею сталось.

Грейгъ, какъ было сказано выше, находился въ это время въ Москвѣ. Онъ подробно разсказалъ Екатеринѣ, какъ «всклепавшая на себя имя» попалась въ разставленныя сѣти, и какъ она вела себя на его кораблѣ во время плаванія.

— Судя по ея произношенію, думаю, что она полька,—сказалъ адмиралъ императрицѣ.

Екатеринѣ тотчасъ пришло въ голову, что самозванку создала польская интрига. Сообщая князю Голицыну о словахъ адмирала, она приказала ему обратить особенное вниманіе на это обстоятельство. Таинственная завѣса, закрывавшая дѣло плѣнницы, такимъ образомъ готова была раскрыться, ибо дѣло, дѣйствительно, и заведено, и продолжаемо было польскою рукою. Но все-таки не взялись ни за князя Радзивила, ни за Огинскаго, на которыхъ указывала сама заключенная, не разобрали какъ слѣдуетъ найденныхъ въ Пизѣ бумагъ польской генеральной конфедераціи, а обратили исключительное вниманіе на одну самозванку,

настоятельно добиваясь отъ нея того, чего, по всей вѣроятности, и дѣйствительно она не знала. Можно догадываться, что императрица, хотя и поручившая князю Голицыну обратить особенное вниманіе на то, не принадлежитъ ли плѣнница къ польской національности, приказала ограничиться допросами одной самозванки, когда убѣдилась, что если отыскивать польскую руку, выпустившую на политическую сцену мнимую дочь императрицы Елизаветы Петровны, то придется привлечь къ дѣлу и Радзиviловъ, и Огинскаго, и Сангушко, и другихъ польскихъ магнатовъ, смирившихся предъ нею и поладившихъ съ королемъ Станиславомъ Августомъ. Иначе трудно объяснить, почему, при столь явныхъ указаніяхъ въ захваченныхъ бумагахъ на близкое участіе польскихъ магнатовъ въ дѣлѣ самозванки, не обращено было на нихъ ни малѣйшаго вниманія, между тѣмъ какъ привлечь ихъ къ дѣлу и даже къ самой строгой отвѣтственности для Екатерины было чрезвычайно легко, ибо въ это время она властвовала въ Польшѣ почти такъ же неограниченно, какъ и въ Россіи. Какъ бы то ни было, слѣдственное дѣло нимало не разъяснило, кто такая была женщина, которую выдавали за законную наслѣдницу русскаго престола, кто внушилъ ей мысль, что она Всероссійская великая княжна, кто способствовалъ исполненію ея смѣлыхъ замысловъ. Все это осталось загадкой, которая едва ли когда-нибудь будетъ разрѣшена.

Взятымъ вмѣстѣ съ принцессой князь Голицынъ, по волѣ императрицы, объявилъ, что изъ показаній ихъ ясно обнаружилось, что они знали не только замыслы самозванки, но и самыхъ зачинщиковъ ея замысловъ. Уже одно то обстоятельство, что они остались при ней изъ-за какихъ то воображаемыхъ разсчетовъ, тогда какъ будто бы признавали ее самозванкой, дѣлаетъ ихъ соучастниками въ ея преступленіи;

одно только откровенное признаніе во всемъ, до нея и зачинщиковъ замысла касающемся, можетъ освободить ихъ отъ всей тяжести заслуженнаго ими наказанія. Но ни Доманскій, ни Чарномскій послѣ такого сдѣланнаго имъ княземъ Голицынымъ объявленія ничего новаго не разъяснили. Прислугу не спрашивали.

На основаніи показаній принцессы и заключенныхъ вмѣстѣ съ нею ея спутниковъ, составлены были въ Москвѣ и присланы къ фельдмаршалу двадцать такъ называемыхъ «доказательныхъ статей». Онѣ составлены искусно, и, судя по господствующему въ нихъ тону и по отзывамъ о нихъ князя Голицына, повидимому, самою императрицей или кѣмъ-нибудь подъ непосредственнымъ ея руководствомъ. «Эти статьи,— писала Екатерина,—совершенно уничтожатъ всѣ ея (плѣнницы) ложныя выдумки».

При «доказательныхъ статьяхъ» приложены были, въ переводѣ на русскій языкъ, письма принцессы къ султану, къ графу Орлову, къ Трирскому министру, барону Горнштейну, и къ другимъ.

XXXV.

Іюля 6-го фельдмаршалъ съ «доказательными статьями», поѣхалъ въ крѣпость и прежде всего зашелъ въ казематъ Елизаветы. Съ большою подробностію проходилъ онъ одну статью за другою и указывалъ плѣнницѣ на большое сходство въ слогѣ и даже въ цѣлыхъ выраженіяхъ между ея письмами, писанными къ нему изъ Петропавловской крѣпости, и письмами къ султану и Горнштейну, найденными у ней въ Пизѣ. Князь Голицынъ старался убѣдить ее, что одно изъ писемъ къ султану, очевидно, писано до заключенія имъ мира съ

Россіей, а другое послѣ, и оттого нельзя утверждать, чтобъ оба они присланы были ей одновременно, въ одномъ конвертѣ. Затѣмъ фельдмаршалъ доказалъ ей положительно, что подробности, заключающіяся въ ея письмѣ къ неизвѣстному министру (это было письмо къ Горнштейну), были извѣстны ей одной, и потому письмо это не могло быть писано другимъ лицомъ.

Плѣнница стояла на своемъ. Ни «доказательныя статьи», на которыя такъ разсчитывала императрица, ни доводы, приводимые фельдмаршаломъ, нимало на нее не подѣйствовали; она твердила одно, что первое показаніе ея вѣрно, что она сказала въ немъ все, что́ знаетъ, и болѣе сказаннаго ничего не знаетъ. Это, наконецъ, разсердило и добрѣйшаго князя Голицына. Въ донесеніи своемъ императрицѣ (отъ 13-го іюля) объ этомъ свиданіи съ плѣнницей онъ называетъ ее «наглою лгуньей».

Отъ плѣнницы фельдмаршалъ пошелъ въ казематъ, гдѣ былъ заключенъ Доманскій.

— Вы въ своемъ показаніи утверждали,—сказалъ ему князь,—что самозванка передъ вами неоднократно называла себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны. Рѣшитесь ли вы уличить ее въ этихъ словамъ на очной ставкѣ?

Доманскій смутился. Но, нѣсколько оправившись и придя въ себя, онъ съ наглостію отрекся отъ даннаго прежде показанія, утверждая, что никогда не говорилъ при слѣдствіи приписываемыхъ ему фельдмаршаломъ словъ. Наглость поляка вывела князя Голицына изъ терпѣнія. Онъ грозилъ ему строгимъ наказаніемъ за такую ложь, но Доманскій стоялъ на своемъ, говоря, что никогда не слыхалъ, чтобы графиня Пиннебергъ называла себя дочерью русской императрицы. Не было никакихъ средствъ образумить упрямаго шляхтича.

Князь Голицынъ отправился въ казематъ Чарномскаго.

— Не передавалъ ли вамъ когда-нибудь Доманскій,—спросилъ онъ арестанта,—что эта женщина въ разговорахъ съ нимъ называла себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны?

— Да, онъ говорилъ мнѣ объ этомъ,—отвѣчалъ Чарномскій.

— Скажете ли вы это прямо ему въ глаза?

— Скажу.

Тотчасъ же обоимъ полякамъ дали очную ставку. Чарномскій уличалъ своего пріятеля, что онъ говорилъ ему о словахъ графини Пиннебергъ, утверждавшей, что она дочь императрицы.

— Этого никогда не было,—сказалъ смущенный Доманскій.

— Какъ никогда не было? — возразилъ Чарномскій.—А вспомните, какъ вы это говорили мнѣ на кораблѣ во время переѣзда нашего чрезъ Адріатическое море, изъ Рагузы въ Барлетту.

Доманскій продолжалъ запираться, но сбился въ словахъ и былъ совершенно уличенъ Чарномскимъ. Наконецъ, онъ даже изъявилъ готовность стать на очную ставку съ самою плѣнницей и повторить слова свои въ ея присутствіи.

— Умоляю васъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ фельдмаршалу,—простите мнѣ, что я отрекся отъ перваго моего показанія и не хотѣлъ стать на очную ставку съ этою женщиной. Мнѣ жаль ее, бѣдную. Наконецъ, я откроюсь вамъ совершенно: я любилъ ее, и до сихъ поръ люблю безъ памяти. Я не имѣлъ силъ покинуть ее, любовь приковала меня къ ней, и вотъ— довела до заключенія. Не деньги, которыя она должна была мнѣ, но одна только страстная, пламенная лю-

бовь къ ней заставила меня оставить князя Радзивила и отправиться съ ней въ Италію.

— Какія же были у васъ надежды?—спросилъ его князь Голицынъ.

— Никакихъ, кромѣ ея любви. Единственная цѣль моя состояла въ томъ, чтобы сдѣлаться ея мужемъ. Объ ея происхожденіи я никогда ничего не думалъ, и никакихъ воздушныхъ замковъ не строилъ. Я желалъ только любви ея, и больше ничего. Еслибъ и теперь выдали ее за меня замужъ, хоть даже безъ всякаго приданаго, я бы счелъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Послѣ такого признанія, дана была очная ставка Доманскому съ предметомъ его нѣжной страсти. Разговоръ между нами происходилъ на италіанскомъ языкѣ.

Смущенный и совершенно растерянный Доманскій сказалъ плѣнницѣ, что она въ разговорахъ съ нимъ, дѣйствительно, называла себя дочерью русской императрицы Елизаветы Петровны.

Рѣзко взглянула на него плѣнница, не говоря ни слова. Доманскій смутился еще болѣе и сталъ просить у нея прощенія.

— Простите меня, что я сказалъ, но я долженъ былъ сказать это по совѣсти,—говорилъ влюбленный шляхтичъ.

Спокойнымъ и твердымъ голосомъ, смотря прямо въ глаза Доманскому, плѣнница отвѣчала, будто отчеканивая каждое слово:

— Никогда ничего подобнаго серіозно я не говорила и никакихъ мѣръ для распространенія слуховъ, будто я дочь покойной русской императрицы Елизаветы Петровны, не предпринимала.

Доманскій замолчалъ, опустя голову. Плѣнница, казалось, сжалилась надъ своимъ обожателемъ, и, обратясь къ фельдмаршалу, сказала:

— Доманскій безпрестанно приставалъ ко мнѣ съ своими несносными вопросами: правда ли что я дочь императрицы? Онъ надоѣлъ мнѣ, и чтобъ отдѣлаться отъ него, быть можетъ, я и сказала ему въ шутку, что́ онъ теперь говоритъ. Теперь я хорошенько не помню.

Очная ставка тѣмъ и кончилась. Было еще одно обстоятельство, на которое указалъ въ допросѣ своемъ Доманскій, и которое могло бы уличить плѣнницу въ политическихъ ея замыслахъ. Это передача ею князю Радзивилу писемъ къ султану и къ великому визирю съ тѣмъ, чтобы «пане коханку» отослалъ ихъ въ Турцію къ агенту своему Косаковскому. Но, на основаніи этого показанія, нельзя было сдѣлать очной ставки, ибо Доманскій показалъ, что слышалъ объ этомъ не отъ самой принцессы, а отъ князя Радзивила. Тѣмъ не менѣе, князь Голицынъ, какъ скоро Доманскій, по окончаніи очной ставки, вышелъ изъ каземата плѣнницы, спросилъ ее:

— Посылали вы черезъ князя Карла Радзивила какое-нибудь письмо къ Косаковскому въ Турцію?

Плѣнница нѣсколько смутилась, помолчала, какъ бы припоминая что то, и затѣмъ рѣшительно отвѣтила:

— Нѣтъ, не посылала.

— И никакихъ писемъ въ Константинополь вы не посылали?—продолжалъ спрашивать князь Голицынъ.

Она опять стала соображать, дѣлая видъ, будто припоминаетъ что то.

— Я писала въ Константинополь изъ Венеціи къ купцу Мелину,—сказала она,—чтобъ онъ переслалъ въ Персію письма мои къ Гамету и князю Гали. Гамета въ письмѣ своемъ я просила, чтобъ онъ пріискалъ для моего помѣщенія домъ въ Испагани, такъ какъ я предполагала туда ѣхать, а къ князю Гали обрати-

лись за деньгами. Я просила у него сто тысячъ гульденовъ.

— Для чего вамъ нужна была такая огромная сумма?

— На расходы при вступленіи въ бракъ съ княземъ Филиппомъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Лимбургскимъ.

— Но вѣдь эта сумма баснословна, — замѣтилъ князь Голицынъ.—Сто тысячъ гульденовъ!

— Чтожъ васъ удивляетъ? — съ достоинствомъ отвѣчала плѣнница.—Я единственная наслѣдница князя Гали, а богатства его такъ велики, что сумма во сто тысячъ гульденовъ для него сущая бездѣлица.

— Вы говорите,—сказалъ фельдмаршалъ,—что воспитывались въ Персіи у этого Гали; знаете вы восточные языки?

— Да, я знаю по-персидски и по-арабски.

— Не можете ли вы написать мнѣ на этихъ языкахъ нѣсколько фразъ, которыя я вамъ скажу по-французски.

— Съ большимъ удовольствіемъ — отвѣчала плѣнница, и, взявъ перо, написала продиктованную фразу непонятными фельдмаршалу буквами и, подавая ему бумагу, сказала: — вотъ это по-арабски, а это по-персидски.

Князь Голицынъ на другой день показывалъ написанныя плѣнницей арабскія и персидскія фразы «свѣдущимъ людямъ». Кто были эти свѣдущіе въ восточныхъ языкахъ люди намъ неизвѣстно. Впрочемъ, въ Петербургѣ въ это время не трудно было отыскать людей, основательно знающихъ эти языки. Такіе люди были въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ Академіи Наукъ. Свѣдующіе люди объявили фельдмаршалу, что показанное имъ письмо писано буквами, имъ неизвѣстными, но во всякомъ случаѣ не персидскими и не арабскими. Князь Голицынъ нарочно поѣхалъ въ Пе-

тропавловскую крѣпость, надѣясь смутить плѣнницу такимъ отзывомъ знатоковъ и затѣмъ, можетъ быть, добиться отъ нея какихъ-либо сознаній. Но онъ ошибся. Когда, сказавъ ей объ отзывѣ свѣдущихъ людей, онъ строго спросилъ ее:

— Что же это, наконецъ, значитъ?

Она преспокойно и даже насмѣшливо отвѣтила ему:

— Это значитъ, что спрошенные вами люди не умѣютъ читать ни по-арабски, ни по-персидски.

XXXVI.

Іюля 13-го, на третій день послѣ того, какъ императрица, празднуя Кучукъ-Кайнарджискій миръ, пожаловала фельдмаршалу, князю Голицыну, брильянтовую шпагу съ надписью: *За очищеніе Молдавіи до самыхъ Яссъ*, и богатый серебряный сервизъ, онъ написалъ государынѣ, что допросы по «доказательнымъ статьямъ» сдѣланы, но ничто не можетъ заставить плѣнницу раскаяться, ни даже безнадежное состояніе ея здоровья. «Пользующій ее докторъ полагаетъ,—писалъ фельдмаршалъ,—что при продолжающихся постоянно сухомъ кашлѣ, лихорадочныхъ припадкахъ и кровохарканіи — ей жить остается не долго. Дѣйствовать на ея чувство чести или на стыдъ совершенно безполезно, однимъ словомъ, отъ этого *безсовѣстнаго созданія* ничего не остается ожидать. При естественной быстротѣ ея ума, при обширныхъ по нѣкоторымъ отраслямъ знаній свѣдѣніяхъ, наконецъ, при привлекательной и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительной ея наружности, нимало не удивительно, что она возбуждала въ людяхъ, съ ней обращавшихся, чувство довѣрія и даже благоговѣнія къ себѣ. Адмиралъ Грейгъ, на основаніи выговора ея, думаетъ, что она полька. Нѣтъ ее, за

польку принять невозможно. Она слишкомъ хорошо говоритъ по-французски и по-нѣмецки, а взятые съ ней поляки утверждаютъ, что она только въ Рагузѣ заучила нѣсколько польскихъ словъ, а языка польскаго вовсе не знаетъ».

Дѣйствительно, въ бумагахъ плѣнницы найдены листки съ польскими вокабулами. Вѣроятно, принцесса училась по нимъ.

Между тѣмъ, чахотка быстро развивалась у несчастной женщины, беременной уже вторую половину. Она почти не вставала съ постели. Нравственныя страданія ея были еще сильнѣе физическихъ. Лишенная свободы, она таяла въ темничномъ заключеніи, не видя ни съ чьей стороны ни малѣйшаго участія къ несчастому своему положенію. Франциска фонъ-Мешеде, женщина весьма ограниченная, считала госпожу свою виновницей и ея заключенія, а потому и обращалась съ нею безучастно. Еще менѣе показывалъ къ ней участія ежедневно посѣщавшій ее докторъ. Затѣмъ солдаты безпрестанно появлялись въ ея комнатахъ и обходились съ нею сурово. Грубое обхожденіе ихъ заставляло содрагаться ея женскую натуру. Несчастная сознала, наконецъ, что дни ея изочтены, что не долго остается ей страдать въ здѣшнемъ мірѣ. Не могла она не думать и о судьбѣ того, чьею матерью готовилась быть.

Она попросила бумаги и перо, чтобы писать къ князю Голицыну. Доложили объ этомъ фельдмаршалу. Онъ полагалъ, что ожиданіе близкой смерти возбудитъ, быть можетъ, въ плѣнницѣ раскаяніе и внушитъ мысль разсказать все, чего напрасно добиваются отъ нея почти два мѣсяца. Письменныя принадлежности были даны, и 21-го іюля Елизавета написала къ князю Голицыну письмо, исполненное самаго безотраднаго отчаянія. При немъ были приложены длинная записка и письмо къ императрицѣ.

Ничего новаго не было въ нихъ сказано. Плѣнница настоятельно подтверждала прежнее свое показаніе и попрежнему увѣряла, что рѣшительно не знаетъ, кто прислалъ ей при анонимномъ письмѣ изъ Венеціи духовныя завѣщанія, проектъ манифеста и письмо въ графу Орлову. Далѣе она жаловалась на суровое обращеніе съ нею въ крѣпости и представляла себя какъ жертву неизвѣстныхъ ей интригановъ, воспользовавшихся намѣреніемъ ея отправиться въ Константинополь. Надо полагать, что она подразумѣвала тутъ не только Доманскаго съ Чарномскимъ, но и самого князя Радзивила съ его свитой, которой приписывала разглашеніе объ ея происхожденіи отъ императрицы Елизаветы. «Требуютъ теперь отъ меня свѣдѣній о моемъ происхожденіи, — писала она, — но развѣ самый фактъ рожденія можетъ считаться преступленіемъ? Если же изъ него хотятъ сдѣлать преступленіе, то надо бы собрать доказательства о моемъ происхожденіи, о которомъ и сама я ничего не знаю. Меня обвиняютъ, что я называла себя дочерью императрицы. Если я и называла себя этимъ именемъ, то не иначе, какъ въ шутку, въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ, чтобъ отдѣлаться отъ вопросовъ, съ которыми неотвязно приставали ко мнѣ друзья мои. А развѣ слова, сказанныя въ минуту веселости, въ видѣ шутки, могутъ считаться обвиненіемъ въ преступленіи? Я ничего не прошу, только возвратите мнѣ свбоду. Если вы меня освободите, я немедленно уѣду въ Оберштейнъ и о всемъ случившемся навѣки сохраню глубочайшую тайну. Сдѣлать это тѣмъ болѣе возможно, что на кораблѣ меня принимали за какую то польскую даму. Вмѣсто того, чтобы предъявить мнѣ положительныя сомнѣнія въ истинѣ моихъ показаній, мнѣ твердятъ одно, и при томъ въ общихъ выраженіяхъ, что меня подозрѣваютъ, а въ чемъ подо-

14*

зрѣваютъ и на основаніи какихъ данныхъ, того не говорятъ. При такомъ направленіи слѣдствія, какъ же мнѣ защищаться противъ голословныхъ обвиненій? Если останутся при такой системѣ производства дѣла, мнѣ, конечно, придется умереть въ заточеніи. Теперешнее мое положеніе, при совершенно разстроенномъ здоровьи невыносимо и ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнено, какъ только съ пыткой на медленномъ огнѣ. Ко мнѣ пристаютъ, желая узнать, какой я религіи; да развѣ вѣра, исповѣдуемая мной, касается чѣмъ-либо интересовъ Россіи? Чтобы сдѣлаться супругой князя Шлезвигъ-Гольштейнъ-Лимбурга, я должна сдѣлаться католичкой. Это для меня будетъ тѣмъ легче, что я въ жизнь мою еще никогда не исповѣдывалась». Обращаясь къ князю Голицыну, плѣнница горячо умоляла его о ходатайствѣ предъ императрицей, просила освобожденія, обѣщая за то вѣчную признательность свою и благодарность многочисленныхъ друзей ея, принадлежавшихъ къ числу знатныхъ людей.

Князь Голицынъ 25-го іюля послалъ письмо плѣнницы въ Москву къ государынѣ. Оно встрѣтилось на дорогѣ съ повелѣніемъ, посланнымъ къ нему отъ Екатерины 24-го іюля.

Это повелѣніе препровождено было фельдмаршалу генералъ-прокуроромъ, княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ. Императрица писала: «Удостовѣрьтесь въ томъ, дѣйствительно ли арестантка опасно больна. Въ случаѣ видимой опасности, узнайте, къ какому исповѣданію она принадлежитъ, и убѣдите ее въ необходимости причаститься передъ смертію. Если она потребуетъ священника, пошлите къ ней духовника, которому дать наказъ, чтобъ онъ довелъ ее увѣщаніями до раскрытія истины; о послѣдующемъ же немедленно донести съ курьеромъ».

Генералъ-прокуроръ, препровождая это именное по-

велѣніе, прибавилъ отъ себя: «священнику предварительно, подъ страхомъ смертной казни, приказать хранить молчаніе о всемъ, что́ онъ услышитъ, увидитъ или узнаетъ».

Пославъ это повелѣніе, императрица, неизвѣстно почему, на другой день измѣнила свое рѣшеніе. Въ новомъ рескриптѣ, отъ 25-ге іюля, она писала фельдмаршалу: «Не допрашивайте болѣе распутную лгунью; объявите ей, что она за свое упорство и безстыдство осуждается на вѣчное заключеніе. Потомъ передайте Доманскому, что если онъ подробно разскажетъ все, что́ знаетъ о происхожденіи, имени и прежней жизни арестантки, то будетъ обвѣнчанъ съ нею, и они потомъ получатъ дозволеніе возвратиться въ ихъ отечество. Если онъ согласится, слѣдуетъ стараться склонить и ее, почему Доманскому и дозволить переговорить о томъ съ нею. При ея согласіи на предложеніе—обвѣнчать ихъ немедленно, *чѣмъ и положится конецъ всѣмъ прежнимъ обманамъ*. Если же арестантка не захочетъ о томъ слышать, то сказать ей, что, въ случаѣ открытія своего происхожденія, она тотчасъ же получитъ возможность возстановить сношенія свои съ княземъ Лимбургскимъ».

Князь Вяземскій въ особой запискѣ къ фельдмаршалу прибавилъ: «Послѣднее предложеніе (о князѣ Лимбургскомъ) должно быть сдѣлано собственно отъ вашего имени». Въ другомъ письмѣ (отъ 26-го іюля) генералъ-прокуроръ сообщилъ князю Голицыну, что англійскій посланникъ увѣрялъ императрицу, что «всклепавшая на себя имя» есть дочь пражскаго трактирщика, и потому совѣтовалъ послать къ ней протестантскаго пастора, которому, можетъ быть, удастся вывѣдать истину. Генералъ-прокуроръ полагалъ, что Прага городъ нѣмецкій, а потому и уроженцы его должны быть лютеране. Онъ не зналъ,

какъ видно, что въ Чешской землѣ большинство жителей исповѣдуетъ римское католичество.

Получивъ новыя повелѣнія, фельдмаршалъ отправился въ Петропавловскую крѣпость. Онъ нашелъ плѣнницу въ совершенно безнадежномъ состояніи. Она лежала умирающая, страдая душевно и тѣлесно.

— Не желаете ли вы духовника, чтобы приготовиться къ... смерти?—сказалъ фельдмаршалъ, наклоняясь къ плѣнницѣ.

— Да.

— Какого же вамъ священника: греко-восточнаго или католическаго?

— Греко-восточнаго.

Князь Голицынъ оставилъ казематъ плѣнницы. Она не могла говорить съ нимъ.

Онъ приказалъ отыскать православнаго священника, знающаго французскій или нѣмецкій языкъ. Сыскали священника Казанскаго собора, Петра Андреева, говорившаго по-нѣмецки.

Когда священникъ былъ отысканъ, князь Голицынъ получилъ новое письмо отъ генералъ-прокурора, отъ 26-го іюля, (такимъ образомъ, три дня сряду писались изъ Москвы одно за другимъ повелѣнія о плѣнницѣ.)

Августа 1-го, пріѣхавъ въ крѣпость, фельдмаршалъ снова уговаривалъ лежавшую на смертномъ одрѣ женщину признаться во всемъ. «Я теперь узналъ о вашемъ происхожденіи», говорилъ онъ, полагаясь на сообщенныя ему генералъ-прокуроромъ извѣстія, но не сказалъ на этотъ разъ ни слова относительно происхожденія плѣнницы отъ трактирщика. «Услышавъ отъ меня сіи слова, плѣнница сначала видимо поколебалась, — пишетъ князь Голицынъ въ своемъ донесеніи,—но потомъ тономъ, внушавшимъ истинное довѣріе,

сказала, что она хорошо узнала и оцѣнила меня (князя Голицына), вполнѣ надѣется на мое доброе сердце и состраданіе къ ея положенію, а потому откроетъ мнѣ всю истину, если я обѣщаю сохранить ее въ тайнѣ.— Но я могу рѣшиться только на письменное признаніе, сказала она, дайте мнѣ для того два дня сроку.

Князь Голицынъ былъ сильно тронутъ словами умиравшей красавицы. Онъ думалъ, что плѣнница и въ самомъ дѣлѣ раскроетъ ему, наконецъ, все, чего такъ долго и напрасно добивался онъ въ силу возложенной на него обязанности. Онъ согласился на два дня отсрочки и приказалъ дать больной письменныя принадлежности.

Прошло два дня. Князю Голицыну докладываютъ, что съ плѣнницей случился такой жестокій болѣзненный припадокъ, что она не только писать, но даже и говорить не можетъ.

Августа 6-го она получила небольшое облегченіе отъ болѣзни и просила доктора сказать фельдмаршалу, что къ 8-му числу она постарается кончить свое письмо. Князь Голицынъ донесъ объ этомъ императрицѣ. Въ этомъ донесеніи онъ замѣтилъ между прочимъ, что ожидаемое отъ плѣнницы письмо покажетъ, нужно ли будетъ прибѣгать къ помощи священника, чтобы посредствомъ исповѣди получить полное сознаніе арестантки. Августа 9-го фельдмаршалъ получилъ письмо плѣнницы.

Въ этомъ письмѣ беременная плѣнница умоляла князя Голицына сжалиться надъ ужаснымъ ея положеніемъ. «Днемъ и ночью въ моей комнатѣ мужчины,— писала она,—съ ними я и объясниться не могу. Здоровье мое разстроено, положеніе невыносимо. Лучше я пойду въ монастырь, а долѣе терпѣть такое обхожденіе я не въ силахъ. Отъ меня настоятельно требуютъ свѣдѣній о моемъ происхожденіи; кромѣ сказаннаго мною

прежде, я ничего не знаю. Можетъ быть, знаютъ о томъ другіе; позвольте мнѣ написать къ своимъ друзьямъ, чтобъ они сообщили нужныя обо мнѣ свѣдѣнія».

Къ этому письму было приложено новое письмо къ императрицѣ. Плѣнница умоляла Екатерину о помилованіи и жаловалась на суровое съ нею обращеніе, особенно на присутствіе около ея постели солдатъ даже ночью. «Такое обхожденіе со мной заставляетъ содрогаться женскую натуру,—писала она.—На колѣнахъ умоляю Ваше Императорское Величество, чтобы вы сами изволили прочесть записку, поданную мною князю Голицыну, и убѣдились въ моей невинности».

Эта записка начинается повтореніемъ прежде сказаннаго ею о причинахъ, побудившихъ ее ѣхать изъ Германіи въ Венецію и Рагузу, и о томъ, что она получила анонимное письмо съ приложеніемъ завѣщаній, манифеста, писемъ къ графу Орлову, султану и другимъ незнакомымъ и неизвѣстнымъ ей лицамъ. «Я сначала хотѣла всѣ эти бумаги послать къ графу Орлову,—писала она,—я не знала иного пути для доставленія ихъ императрицѣ, но я побоялась отослать ихъ всѣ вдругъ, думая, что на почтѣ обратятъ вниманіе на необыкновенно большой пакетъ и, пожалуй, вскроютъ его. Потому я сначала послала одинъ только конвертъ, адресованный на имя графа Орлова. Препровождая его, я не писала отъ себя къ графу, боясь непріятностей, если бы при бумагахъ такого содержанія нашли письмо отъ меня. Изъ той же боязни таинственныхъ интригъ, которыми я была окружена, оставила я мысль о путешествіи на Востокъ и сожгла всѣ присланныя ко мнѣ подлинныя бумаги, снявъ съ важнѣйшихъ копіи. Эти копіи я списала, чтобы современемъ переслать ихъ къ графу Орлову, съ тѣмъ,

чтобъ онъ представилъ ихъ императрицѣ. Затѣмъ я поѣхала въ Римъ. Снятыя мною копіи я не считала для себя опасными, но прежде, чѣмъ успѣла переговорить о нихъ съ графомъ Орловымъ, со мной случилось неожиданное обстоятельство: меня арестовали, я больше не видалась съ графомъ и не могла сказать ему объ остальныхъ находящихся у меня копіяхъ. Точно также, по краткости времени, проведеннаго мною въ Пизѣ съ графомъ, я не успѣла ничего сказать ему и о порученіяхъ, возложенныхъ на меня изъ Персіи».

Затѣмъ въ запискѣ плѣнницы идетъ новый разсказъ объ ея происхожденіи. Плѣнница называетъ себя черкешенкой, принадлежащею къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ горскихъ князей, къ роду Гамета (?).

«Я родилась въ горахъ Кавказа,—писала она,—а воспитывалась въ Персіи. По достиженіи совершеннолѣтія, оставила я страну моего воспитанія, чтобы при помощи русскаго правительства пріобрѣсти полосу земли на Терекѣ. Здѣсь я намѣрена была посѣять первыя сѣмена цивилизаціи, посредствомъ приглашенныхъ мною къ поселенію французскихъ и нѣмецкихъ колонистовъ. Я намѣревалась образовать такимъ образомъ небольшое государство, которое, находясь подъ верховнымъ владычествомъ русскихъ государей, служило бы связью Россіи съ Востокомъ и оплотомъ Русскаго государства противу дикихъ горцевъ. Князь Лимбургскій явился какъ бы посланникомъ Божіимъ для осуществленія моихъ плановъ. Онъ не только одобрилъ мои предпріятія, но даже самъ, отказываясь отъ своихъ владѣній въ Европѣ въ пользу младшаго своего брата, хотѣлъ вмѣстѣ со мной устраивать новое государство на Кавказѣ. Посредствомъ графа Орлова я надѣялась получить на то согласіе императрицы, для чего и вошла съ нимъ въ сношенія. Я пи-

тала эти надежды даже и на кораблѣ, во время пути изъ Ливорно въ Петербургъ. Могла ли я думать, что меня станутъ обвинять въ преступленіи противу императрицы, меня, столь довѣрчиво послѣдовавшую на русскій военный корабль за однимъ изъ наиболѣе преданныхъ Ея Величеству адмираловъ? Послѣ этого можно ли думать, чтобъ я питала какіе-нибудь враждебные замыслы противъ Россіи? Знаю, что нахожусь въ полной власти императрицы: смерть моя скоро послужитъ тому доказательствомъ. Если бы меня не подвергли аресту въ Ливорно, мнѣ, при многочисленныхъ моихъ связяхъ, давно бы удалось узнать, кто сочинилъ всѣ эти духовныя завѣщанія, манифесты и другія, присланныя ко мнѣ при анонимномъ письмѣ бумаги. А теперь я должна погибнуть жертвой корыстолюбія и хитрости чуждыхъ мнѣ людей, и только по смерти моей истина откроется, и невинность моя обнаружится. При слѣдствіи никто не хотѣлъ обратить вниманія на то, что гораздо ранѣе распространившихся безумныхъ толковъ о русскомъ моемъ происхожденіи, я жила и была лично извѣстна многимъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ и въ Германіи. Умоляю, позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ написать къ друзьямъ моимъ, поручившимъ мнѣ самыя важныя дѣла свои, а теперь даже не знающимъ, гдѣ я и что́ со мной дѣлается. Пусть прочитаютъ мои письма передъ ихъ отправленіемъ; я не замышляю побѣга — это воспрещаетъ мнѣ честь моя».

«Кажется, можно бы было обходиться со мной почеловѣколюбивѣе и помилостивѣе,—писала плѣнница въ заключеніе записки.—Ложное честолюбіе никогда меня не увлекало: мнѣ равно хорошо извѣстны и большой свѣтъ, и простанародье, стало быть, нечего мнѣ было гоняться за призраками. Въ жизни моей я нерѣдко страдала и всегда была убѣждена, что возмож-

ное на землѣ счастіе заключается въ одномъ спокойствіи совѣсти. И этого счастія никто не въ состояніи отнять у меня. Обо мнѣ часто судили ложно, а теперь упрекаютъ въ хитрости и во лжи, но какъ же согласить это съ тѣмъ, что я такъ слѣпо отдалась графу Орлову? Онъ меня ввергнулъ въ погибель. Я не сдѣлала ему никакого зла и отъ всего сердца прощаю его. Вполнѣ предаю себя въ волю государыни императрицы. Я круглая сирота, одна, на чужой сторонѣ, беззащитная противъ враждебныхъ обвиненій. Только на единаго Бога возлагаю упованіе, только Онъ одинъ меня не покинулъ. Тѣмъ не менѣе, я все еще надѣюсь на правоту свою и на великодушное сердце государыни императрицы, если только правда до нея доходитъ».

XXXVII.

Князь Голицынъ не того ожидалъ отъ плѣнницы. Она обѣщала ему открыть всю истину о себѣ, обязывая даже хранить въ тайнѣ, что̀ онъ отъ не узнаетъ, и вдругъ онъ получаетъ какой то фантастическій разсказъ о томъ, что она черкешенка, хотѣвшая основать химерическое государство на Терекѣ.

Плѣнница, говоря, что намѣрена была на Терекѣ между русскими владѣніями и землями независимыхъ горцевъ устроить подъ верховною властію Екатерины новое государство изъ нѣмецкихъ колонистовъ, кажется, желала польстить императрицѣ, подать ей выгодное о своихъ намѣреніяхъ мнѣніе и чрезъ то достигнуть свободы или, по крайней мѣрѣ, облегченія своей участи. Извѣстно, что съ самаго начала своего царствованія, Екатерина заботилась о привлеченіи въ Россію поселенцевъ изъ западной Европы, учредила особую «канцелярію опекунства иностранныхъ», пред-

сѣдателемъ которой назначила князя Григорія Орлова, ассигновала большія суммы на переселенія нѣмцевъ на берега Волги, дала имъ огромные участки превосходной земли, избавила ихъ отъ платежа податей и отъ выполненія рекрутской повинности. Переселившихся на такихъ условіяхъ въ Россію нѣмецкихъ колонистовъ въ первые три года было около ста тысячъ человѣкъ. Затѣмъ число иностранцевъ, желавшихъ переселиться на привольные берега Волги, сдѣлалось такъ значительно, что канцелярія опекунства иностранныхъ, будучи не въ состояніи удовлетворять просьбамъ объ отправленіи ихъ на казенный счетъ въ отведенные колонистамъ мѣста, ходатайствовала у императрицы о прекращеніи на время колонизаціи. Екатерина, видя, что водвореніе колонистовъ въ юговосточной части имперіи съ началомъ турецкой войны не можетъ продолжаться по причинѣ недостатка денежныхъ средствъ, съ сожалѣніемъ согласилась на пріостановку колонизаціи. Водвореніе нѣмцевъ въ предѣлахъ Русской имперіи съ такими правами и преимуществами, какія даровала имъ Екатерина, было, какъ оказалось впослѣдствіи, политическою ошибкой государыни. Призванные ею нѣмцы во сто лѣтъ не принесли Россіи ни малѣйшей государственной пользы, но возбудили въ окрестномъ русскомъ населеніи мысль, что правительство явно покровительствуетъ чужимъ въ ущербъ интересамъ коренныхъ русскихъ подданныхъ. Эта мысль принесла въ свое время не мало вреда. Но Екатерина не предвидѣла этого и, какъ мы сказали, съ сожалѣніемъ согласилась на временное пріостановленіе колонизаціи. Плѣнница, хорошо знавшая современныя политическія дѣла, знала, конечно, и объ этомъ. И вотъ она хватается за мысль о колонизаціи французовъ и нѣмцевъ на берега Терека, безъ издержекъ русскаго казначейства, надѣясь, что это

понравится Екатеринѣ и облегчитъ, быть можетъ, ея участь. Вѣроятно, въ томъ же смыслѣ написанъ былъ и проектъ принцессы о торговлѣ Россіи съ Азіей, который она составила еще въ Оберштейнѣ и отдала Горнштейну, для отправленія русскому вице-канцлеру.

Но разсчеты плѣнницы не увѣнчались успѣхомъ. Голицынъ не обратилъ особаго вниманія на новое ея показаніе. Ему теперь оставалось одно: исполняя повелѣніе императрицы, обѣщать Елизаветѣ бракъ съ Доманскимъ и даже возвращеніе въ Оберштейнъ къ князю Лимбургскому. Пріѣхавъ нарочно для того въ Петропавловскую крѣпость, онъ прежде всего отправился въ комнату, занимаемую Доманскимъ, и сказалъ ему, что бракъ его съ тою женщиной, которую зналъ онъ подъ именемъ графини Пиннебергъ, возможенъ и будетъ заключенъ хоть въ тотъ же день, но съ условіемъ.

— Съ какимъ?—живо спросилъ обрадованный Доманскій.—Я все готовъ сдѣлать, чтобы достичь счастія быть ея мужемъ. За эту цѣну я готовъ хоть навсегда оставаться заключеннымъ въ крѣпости.

— Скажите, кто она такая.

— Видитъ Богъ, что не знаю, кто она такая. Я бы все сказалъ, если бы зналъ

— Кто подалъ ей мысль назваться дочерью императрицы Елизаветы Петровны?

— Не знаю. Еще прежде, чѣмъ я узналъ ее, о ней уже всѣ говорили, что она русская великая княжна

— Кто были участники въ ея замыслахъ?

— Не знаю. Я бы все сказалъ, но не знаю. Все, что̀ знаю, я сказалъ, больше ничего не знаю. Но обвѣнчайте насъ, и я хоть сейчасъ дамъ подписку, что добровольно обрекаю себя на вѣчное заключеніе въ этой крѣпости, если по какимъ-либо высшимъ соображе-

ніямъ нельзя даровать ей свободу. Я готовъ все принести въ жертву для нея, только не разлучайте насъ.

Князь Голицынъ пошелъ въ казематъ, гдѣ содержалась плѣнница. Она была такъ слаба, что не могла подняться съ постели. Фельдмаршалъ началъ разговоръ съ нею строгими упреками за то, что она обманула его: обѣщалась разсказать въ письмѣ всю истину о себѣ, а написала такой же вздоръ, какъ и прежде. Совершенно изнеможенная смертнымъ недугомъ, плѣнница не возражала, но слабымъ голосомъ клялась фельдмаршалу, что все написанное ею есть истинная правда, что она не знаетъ, кто были ея родители, и больше того, что́ прежде говорила и писала, по совѣсти, не можетъ ничего сказать.

— Вы католическаго исповѣданія? — спросилъ ее князь Голицынъ.

— Да, я должна держаться этого исповѣданія.

— Почему?

— Потому что обѣщала это *моему мужу*,—отвѣчала плѣнница.

— Мужу? Вы замужемъ? Кто же вашъ мужъ?

— Князь Филиппъ Лимбургскій. Впрочемъ, я еще не присоединена къ римской церкви и ни разу не пріобщалась по католическому обряду.

— Почему же вы прежде хотѣли имѣть духовникомъ священника греко-восточнаго исповѣданія?

— Въ моемъ отчаянномъ положеніи я часто не имѣю полнаго сознанія о томъ, что̀ говорю.

Добрѣйшій князь Александръ Михайловичъ былъ разсерженъ неудачей своихъ разспросовъ. Онъ строго сказалъ плѣнницѣ:

— Такъ я вамъ не пришлю ни греческаго, ни католическаго духовника. Слышите вы это?

— Не пришлете, такъ и не нужно,—равнодушно отвѣчала больная.

Фельдмаршалъ замолчалъ и черезъ нѣсколько времени спросилъ плѣнницу.

— Зачѣмъ же вы прежде не сказали мнѣ, что вы супруга князя Лимбургскаго?

Она не отвѣчала на это ни слова. Голицынъ опять спросилъ:

— Вы съ княземъ Лимбургомъ вѣнчались по церковному обряду?

— Мы священника не призывали,—отвѣчала плѣнница,—но князь Лимбургскій далъ мнѣ торжественное обѣщаніе жениться на мнѣ, и въ видѣ залога совершилъ въ мою пользу запись на пожизненное владѣніе принадлежащимъ ему графствомъ Оберштейнъ.

— Знаетъ ли князь о вашемъ происхожденіи?

— Столько же, какъ и я сама.

— Кто же знаетъ?

— Помню, что старая моя няня Катерина въ дѣтствѣ моемъ говорила, что мой учитель ариѳметики Шмидтъ да еще маршалъ, лордъ Кейтъ, знаютъ, кто мои родители.

— Какой маршалъ Кейтъ? — спросилъ Голицынъ? Братъ того Кейта, который служилъ въ русской арміи во время войны противъ турокъ.

— Вы знали лично генерала Кейта?

— Нѣтъ, я его не знала, но брата его, лорда Кейта, видѣла одинъ разъ и то мелькомъ, проѣздомъ черезъ Швейцарію, куда меня маленькую возили изъ Киля. Отъ Кейта я получила и паспортъ на обратный путь. Помню, что у него жила турчанка, присланная ему братомъ его изъ Очакова или съ Кавказа. Она воспитала нѣсколько маленькихъ дѣвочекъ, вмѣстѣ съ нею взятыхъ въ плѣнъ; онѣ жили при ней и послѣ. Я видѣла ее и съ дѣвочками послѣ смерти лорда Кейта, проѣздомъ черезъ Берлинъ. Турчанка жила тогда въ Берлинѣ. Хоть я и знаю, что я не изъ числа воспиты-

вавшихся у ней дѣвочекъ, но очень можетъ быть, что я черкешенка. Навѣрное же ничего не знаю о моихъ родителяхъ, но позвольте мнѣ написать письмо къ друзьямъ моимъ: они постараются собрать свѣдѣнія о моемъ рожденіи. Они сдѣлаютъ это.

— Это совершенно безполезно,—замѣтилъ князь Голицынъ.—Лучше васъ самихъ никто не знаетъ о вашемъ происхожденіи, только вы говорить не хотите. Но я знаю, кто вы: я имѣю явныя на то доказательства.

— Кто же я?—приподнявшись и устремя испытующій взоръ на фельдмаршала, сказала плѣнница.

— Дочь пражскаго трактирщика.

Больная вскочила съ постели и съ сильнѣйшимъ негодованіемъ вскричала:

— Кто это сказалъ? Глаза выцарапаю тому, кто осмѣлился сказать, что я низкаго происхожденія!

— Признайтесь, однако, что вы провели свое дѣтство въ Прагѣ?—сказалъ князь Голицынъ.

— Никогда я тамъ не бывала,—отвѣтила плѣнница. Силы оставили ее; она упала на постель.

Когда плѣнница нѣсколько успокоилась, князь завелъ рѣчь о Доманскомъ. Она слушала равнодушно, но когда Голицынъ сказалъ, что Доманскій неотступно проситъ руки ея, и что если она хочетъ, можетъ выйти за него замужъ, хоть въ тотъ же самый день, плѣнница засмѣялась.

— Этотъ жалкій человѣкъ!—сказала она насмѣшливымъ тономъ.—Да вѣдь онъ совершенно необразованъ! Вѣдь онъ порядочно не знаетъ ни одного языка! Помилуйте! Возможно ли это?

Принцесса забыла «мосбахскаго незнакомца», забыла и то, что въ Рагузѣ подавала Доманскому большія надежды на свою руку.

Попавшій въ сваты фельдмаршалъ уговаривалъ

плѣнницу не пренебрегать предложеніемъ Доманскаго, которое, при настоящемъ ея положеніи, должно считаться очень выгоднымъ.

— Я бы вамъ дозволилъ видѣться съ нимъ безъ свидѣтелей и переговорить обо всемъ, что̀ считаете нужнымъ,—сказалъ онъ ей.

Плѣнница отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Она не хотѣла видѣть Доманскаго и сказала, что и въ такомъ случаѣ не могла бы выйти за него замужъ, еслибъ этотъ полякъ по своему образованію и развитію болѣе подходилъ къ ней, потому что дала клятву князю Филиппу Лимбургскому и считаетъ себя уже неразрывно съ нимъ связанною.

Тогда князь Голицынъ, во исполненіе воли императрицы, обѣщалъ плѣнницѣ отъ своего лица исходатайствовать свободу и дозволеніе отправиться къ князю Лимбургу въ Оберштейнъ, но только въ такомъ случаѣ, если она откроетъ ему свое происхожденіе.

Лучъ надежды на свободу, казалось, животворно подѣйствовалъ на больную женщину. Съ неподдѣльнымъ чувствомъ благодарила она фельдмаршала, но затѣмъ сказала, что, къ сожалѣнію, ничего не можетъ прибавить къ сказанному прежде о своемъ происхожденіи. Не вѣрила ли она обѣщанію князя Голицына, не рѣшалась ли возвратиться къ друзьямъ своимъ послѣ окончательно скомпрометтировавшей ее исторіи, послѣ беременности, которая не могла остаться въ тайнѣ, опасалась ли, что они отвернутся отъ сидѣвшей въ казематѣ самозванки; близость ли смерти, которую она уже чувствовала, удерживала ее воспользоваться предлагаемою свободой? Она впрочемъ попросила перо и при князѣ Голицынѣ написала дополненіе къ своему сознанію, но написанныя ею свѣдѣнія были совершенно ничтожны. Она написала, что на шестомъ году отъ рожденія ее посылали изъ

Киля въ Сіонъ (въ Швейцаріи), потомъ снова возвратили въ Киль черезъ область, управляемую лордомъ Кейтомъ [1]), что о тайнѣ рожденія ея зналъ нѣкто Шмидтъ, дававшій ей уроки, и что въ дѣтствѣ помнитъ она еще какого то барона фонъ-Штерна и его жену, и данцигскаго купца Шумана, который платилъ въ Килѣ за ея содержаніе. «Меня постоянно держали въ неизвѣстности о томъ, кто были мои родители,—заключила она.—Впрочемъ, я тогда мало заботилась объ этомъ, не ожидая отъ того никакой пользы».

Князь Голицынъ, прочтя это признаніе и не найдя въ немъ того, что надѣялся видѣть, ушелъ отъ плѣнницы, объявивъ, что она, какъ нераскаявшаяся государственная преступница, осуждается на вѣчное заключеніе въ крѣпости.

Больше онъ уже не видалъ этой несчастной женщины.

Августа 12-го онъ доносилъ императрицѣ о «безстыдномъ упорствѣ арестантки во всемъ». «Это упорство, —писалъ фельдмаршалъ,—показала она въ послѣднее со мною свиданіе, когда ни Доманскій, ни она не прибавили ни слова къ даннымъ прежде показаніямъ, несмотря на то, что обоимъ обѣщаны были, казалось бы, высшія изъ земныхъ благъ, какихъ они желаютъ: ему—обладаніе прекрасною женщиной, въ которую онъ влюбленъ до безумія, ей—свобода и возвращеніе въ свое графство Оберштейнъ. Всѣ старанія арестантки,—продолжалъ князь Голицымъ,—истолковать въ свою пользу о найденныхъ у нея духовныхъ завѣщаніяхъ, возмутительномъ манифестѣ и прочихъ бумагахъ вполнѣ опровергаются тѣмъ, что они писаны ею собственноручно. Изъ показаній ея ясно только одно,

1) Ганноверъ?

что она безстыдна, безсовѣстна, лжива и зла до крайности. Всѣ мои старанія узнать отъ нея истину объ ея происхожденіи и ея сообщникахъ остались совершенно напрасными. Ничто не подѣйствовало на нее: ни увѣщанія, ни строгости, ни ограниченіе въ пищѣ, одеждѣ и вообще въ потребностяхъ жизни, ни разлученіе со служанкой, ни постоянное, наконецъ, присутствіе караульныхъ солдатъ въ ея комнатѣ. Впрочемъ,—заключилъ фельдмаршалъ,—можетъ быть, эти мѣры и будутъ современемъ въ состояніи довести ее до полнаго признанія, такъ какъ совершенное лишеніе надежды на свободу, по всей вѣроятности, не останется безъ вліянія на арестантку».

XXXVIII.

Больная оставалась въ самомъ строгомъ заключеніи. Хотя ее держали въ верхнемъ этажѣ Алексѣевскаго равелина, въ помѣщеніи сухомъ, свѣтломъ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, хотя ей давали хорошую пищу, которую готовили на комендантской кухнѣ особо отъ назначенной для другихъ арестантовъ, но лишеніе свободы разрушительно на нее подѣйствовало. Она никого не видала, кромѣ караульныхъ солдатъ, прислуживавшихъ ей, и глуповатой Франциски. Докторъ продолжалъ навѣщать ее и слѣдилъ, какъ чахотка съ каждымъ днемъ усиливается и приближаетъ смертный конецъ плѣнницы. Такъ прошли августъ, сентябрь и первая половина октября. Въ октябрѣ больная совершенно ослабѣла. Она уже не вставала съ постели, болѣзненные припадки возвращались къ ней чаще и чаще. Докторъ нѣсколько разъ увѣдомлялъ князя Голицына, что смерть быстро приближается къ плѣнницѣ.

Прошелъ ноябрь. Плѣнница разрѣшилась отъ бремени. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, обольстившій изъ усердія къ службѣ несчастную женщину, сдѣлался отцомъ. Какъ обыкновенно случается съ женщинами, которыя страдаютъ чахоткой во время беременности, болѣзнь сильнѣе овладѣла плѣнницей послѣ разрѣшенія. Смерть была близка. Что́ чувствовала мать при взглядѣ на рожденнаго младенца? Со словъ Гельбига, мы уже упомянули о судьбѣ ея сына.

Ноября 30-го больная находилась уже въ такомъ положеніи, что каждую минуту ожидали ея послѣдняго вздоха. Она едва могла сказать доктору, что желаетъ видѣть священника и приготовиться къ смерти. Докторъ передалъ желаніе умирающей фельдмаршалу.

Руководствуясь прежнимъ повелѣніемъ государыни, онъ призвалъ къ себѣ священника Казанскаго собора, Петра Андреева, умѣвшаго говорить по-нѣмецки. Подъ страхомъ смертной казни и взявъ со священника клятвенное обѣщанія, что онъ вѣчно будетъ молчать о всемъ, что увидитъ и о чемъ услышитъ, князь Голицынъ разсказалъ ему о плѣнницѣ и поручилъ постараться довести ее на исповѣди до раскаянія и полнаго признанія въ томъ, кто она такая въ дѣйствительности, кто подалъ ей мысль назваться дочерью императрицы Елизаветы Петровны, и кто были сообщниками въ ея замыслахъ.

Больная съ радостью приняла священника. Началась исповѣдь, и плѣнница сказала духовнику: «Я крещена по обряду грековосточной церкви. Объ этомъ я слыхала въ Килѣ отъ воспитывавшихъ меня до девятаго года моего возраста. Съ тѣхъ поръ я жила въ разныхъ государствахъ, между прочимъ, въ Англіи и Франціи, потомъ получила въ собственность графство Оберштейнъ въ Германіи и жила тамъ. Позже про-

вела нѣсколько мѣсяцевъ въ Рагузѣ, оттуда поѣхала въ Римъ, затѣмъ въ Пизу, приглашена графомъ Алексѣемъ Орловымъ въ Ливорно, посажена на русскій корабль, привезена въ Петербургъ и посажена въ крѣпость».

— Гдѣ же вы родились, и кто ваши родители?— спросилъ духовникъ.

— Богъ свидѣтель—не знаю,—отвѣчала умирающая.

Затѣмъ говорила она духовнику, что хотя крещена по грековосточному обряду, и потому считаетъ себя принадлежащею къ православной церкви, но до сихъ поръ еще ни разу не исповѣдывалась и не причащалась. Грековосточнаго катехизиса не учила и о христіанскомъ законѣ узнала только то, что вычитала въ Библіи и въ нѣкоторыхъ французскихъ книгахъ духовнаго содержанія. Но она вѣруетъ въ Бога, во Св. Троицу и нимало не сомнѣвается въ непреложныхъ истинахъ символа вѣры.

Духовникъ сталъ увѣщевать плѣнницу съ полнымъ раскаяніемъ сознаться во всѣхъ злыхъ намѣреніяхъ противъ государыни и въ томъ, что она выдавала себя за дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны.

— Свидѣтельствуюсь Богомъ, что никогда я не имѣла намѣреній, которыя мнѣ приписываютъ, никогда сама не распространяла о себѣ слуховъ, что я дочь императрицы Елизаветы Петровны.

Духовникъ спросилъ о сообщникахъ, о томъ, откуда у нея появились духовныя завѣщанія Петра I, Екатерины I и Елизаветы Петровны, возмутительный манифестъ къ русской эскадрѣ, письма къ султану и другіе документы, о которыхъ священникъ предварительно узналъ отъ князя Голицына.

— Все это получено мной отъ неизвѣстнаго лица при анонимномъ письмѣ.

— Вы стоите на краю могилы,—сказалъ священникъ,—вспомните о вѣчной жизни и скажите мнѣ всю истину.

— Стоя на краю гроба и ожидая суда предъ самимъ Всевышнимъ Богомъ, — сказала она, — увѣряю васъ, что все, что́ ни говорила я князю Голицыну, что́ ни писала къ нему и къ императрицѣ,—правда. Прибавить къ сказанному мною ничего не могу, потому что ничего больше не знаю.

— Но кто были у васъ соучастники?

— Никакихъ соучастиковъ... не было... потому что... и преступныхъ замысловъ... мнѣ приписываемыхъ... не было.

Она не могла больше говорить. Случился сильный припадокъ. Когда онъ миновалъ, плѣнница едва слышнымъ голосомъ сказала священнику, что она чувствуетъ себя чрезвычайно слабою для продолженія исповѣди, проситъ помолиться за нее и посѣтить на другой день.

Священникъ былъ у нея и на другой день (2-го декабря). Исповѣдь началась снова. Плѣнница глубоко раскаивалась, что огорчала Бога грѣховною своею жизнію, что съ ранней юности постоянно жила въ тѣлесной нечистотѣ, часто отдавалась то одному мужчинѣ, то другому, что чувствуетъ себя великою грѣшницей, жившей противно заповѣдямъ Господнимъ. По разрѣшеніи сихъ грѣховъ, духовникъ возобновилъ вчерашнія увѣщанія, чтобъ умирающая сказала всю истину объ ея происхожденіи и замыслахъ противъ императрицы и указала бы на тѣхъ, кто внушилъ ей мысль назваться русскою великою княжной, и кто былъ соучастникомъ въ ея замыслахъ. Больная опять сказала, что сама не знаетъ о своемъ происхожденіи, и, не имѣвъ никакихъ преступныхъ замысловъ противъ Россіи и императрицы Екатерины, не имѣла и сооб-

щниковъ. Она говорила все слабѣе и слабѣе; священникъ, наконецъ, не могъ понимать словъ умирающей. Началась агонія.

Онъ оставилъ ее, не удостоивъ святаго причастія.

На другой день, (3-го декабря) князь Голицынъ доносилъ императрицѣ, что и посредствомъ самой исповѣди не удалось исторгнуть полнаго признанія отъ умирающей самозванки. Донесеніе священника было также отправлено къ императрицѣ. Фельдмаршалъ писалъ также государынѣ, что по отзывамъ доктора и священника смерть самозванки должна послѣдовать черезъ нѣсколько часовъ, почему онъ и отдалъ приказаніе зарыть ее въ самомъ равелинѣ, чтобы ни поляки, съ нею посаженные, ни камердинеры, ни Франциска фонъ-Мешеде не могли узнать, что сталось съ нею.

Агонія продолжалась долго, болѣе двухъ сутокъ. Въ семь часовъ пополудни 4-го декабря 1775 года плѣнница испустила послѣдній вздохъ, унося въ могилу тайну своего рожденія, если только она знала ее.

На слѣдующій день солдаты, безсмѣнно стоявшіе при ней на часахъ, вырыли въ Алексѣевскомъ равелинѣ глубокую яму и тайно зарыли въ нее трупъ плѣнницы. Никакихъ погребальныхъ обрядовъ совершено не было.

Декабря 7-го князь Голицынъ донесъ императрицѣ о смерти «всклепавшей на себя имя».

XXXIX.

Къ новому 1776 году императрица возвратилась изъ Москвы въ Петербургъ. Возвратились дворъ и высшія правительственныя лица, въ числѣ ихъ и генералъ-прокуроръ, князь Вяземскій. Ему, вмѣстѣ съ

фельдмаршаломъ, княземъ Голицынымъ, поручено было кончить въ тайной экспедиціи дѣло о «всклепавшей на себя имя» или, точнѣе сказать, дѣло о сопровождавшихъ ее арестантахъ.

Смертью загадочной женщины, тайну рожденія которой, несмотря на всѣ старанія князя Голицына, открыть не могли, дѣло собственно и оканчивалось. Князь Радзивилъ, въ это время уже находившійся въ ладахъ съ королемъ Понятовскимъ и тѣмъ возвратившій себѣ благоволенія Екатерины, спокойно жилъ въ своемъ Несвижѣ [1]), пользуясь невозбранно громадными доходами съ своихъ литовскихъ маетностей. Онъ, по обыкновенію, окружилъ себя огромною свитой прихлебателей, хвастался и безнаказанно лгалъ передъ ними, охотился съ магнатами, а иногда и съ ксендзами, на медвѣдей, бражничалъ съ боготворившею его шляхтой, перебранивался съ виленскимъ римско-католическимъ епископомъ, отъ времени до времени дѣлалъ свойственныя ему одному эксцентрическія выходки [2]), задавалъ баснословно роскошные праздники и совершенно бросилъ политическіе замыслы, которые обошлись ему не дешево. Конечно, новая жизнь его въ Несвижѣ была не такова, какъ до Барской конфедераціи, когда «пане коханку» съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства говаривалъ: «Król sobie królem w Krakowie, a ja w Neswizú» Вооруженныя укрѣплѣнія его города были уничтожены русскими

[1]) Минской губерніи, Слуцкаго уѣзда.

[2]) Такъ, однажды, во время бала, на который съѣхалось въ Несвижъ множество гостей, князь Радзивилъ сказалъ, что завтра будетъ зима... А дѣло было въ жаркую лѣтнюю пору. По утру гости его увидѣли, что, дѣйствительно, снѣгъ покрылъ землю. Поданы были сани, и «пане каханку» съ гостями проѣхалъ по снѣгу изъ замка до костела несмотря на то, что солнце палило. Оказалось, что онъ за ночь приказалъ усыпать дорогу солью.

еще въ 1768 г., и Радзивилъ не смѣлъ возобновлять ихъ, но все же богатства его были огромны, и онъ могъ доживать свой вѣкъ спокойно и съ полною возможностью тѣшить обычный нравъ свой [1]). Михаилъ Огинскій также прекратилъ тайную вражду свою съ королемъ и пользовался благоволеніемъ императрицы Екатерины; строилъ знаменитый, названный именемъ его каналъ, соединяющій Нѣманъ съ Припетью, и нерѣдко бывалъ въ Петербургѣ. Польскіе магнаты, іезуиты и другіе люди, невидимо заправлявшіе хитро придуманною интригою и выведшіе на политическую арену несчастную женщину, конечно, и не вспоминали болѣе о ней. Ничего не знали, что̀ случилось съ принцессой Владимірскою, ея друзья въ Парижѣ, въ Трирѣ, въ Оберштейнѣ. Дѣло о ней хранилось въ строжайшей тайнѣ, особенно отъ иностранныхъ дипло-

[1]) По возвращеніи въ Несвижъ, «пане коханку» однажды на охотѣ расхвастался не въ мѣру, по своему обыкновенію. Шляхтичъ Бродовскій котораго князь Радзивилъ очень жаловалъ, замѣтилъ несообразность его разказовъ и безъ церемоніи назвалъ ихъ ложью. «Пане коханку» разсердился и при многочисленныхъ участникахъ охоты далъ пріятелю своему полновѣсную пощечину. Бродовскій кинулся было на своего патрона съ ножемъ, но его удержали. Оскорбленный подалъ жалобу въ трибуналъ, но польскіе судьи, постоянно отличавшіеся не только подкупностію, но и безкорыстною подлостію передъ магнатами, не признавали Радзивила виноватымъ. Тяжба продолжалась долго, и бѣднякъ Бродовскій дошелъ до крайности. Узнавъ, что въ Несвижскомъ замкѣ назначенъ блистательный праздникъ, Бродовскій разодѣлся и явился въ залахъ Радзивила во время самаго разгара бала. Увидавъ незванаго гостя, Радзивилъ съ изумленіемъ подошелъ къ нему и спросилъ: «Что это значитъ, пане коханку? Зачѣмъ вы пожаловали ко мнѣ?» Толпа магнатовъ, шляхтичей, дамъ окружила бывшихъ друзей. «Я пришелъ къ вашей княжеской милости,— громогласно отвѣчалъ Бродовскій, — сказать вамъ, кто самые пошлые дураки во всемъ свѣтѣ, Ихъ двое: первый дуракъ—ваша княжеская милость, а второй—я. Ясновельможный князь дуракъ потому, что вздумалъ бороться съ русскою императрицей, а я дуракъ потому, что вздумалъ бороться съ вашею княжескою милостію». Такое сравненіе съ Екатериной очень польстило князю Радзивилу, и онъ обнялъ стараго своего пріятеля. Дружескія отношенія ихъ возобновились.

матовъ. Такъ напримѣръ, баронъ Сакенъ, польскій резидентъ при дворѣ Екатерины, только 8-го іюня 1775 года, то есть почти черезъ мѣсяцъ, доносилъ въ Парижъ, что адмиралъ Грейгъ привезъ въ Кронштадтъ женщину, называвшую себя русскою великою княжной, и не ранѣе половины февраля 1776 года, то есть черезъ два съ половиной мѣсяца послѣ смерти плѣнницы, писалъ, что *сумасшедшая*, такъ называемая принцесса Елизавета, вскорѣ послѣ того, какъ привезена въ Петербургъ, отправлена будто бы въ Шлиссельбургскую крѣпость и тамъ умерла 14-го февраля отъ болѣзни.

Долго ли тосковалъ по очаровательной Алинѣ искренно любившій ее князь Филиппъ Лимбургъ, вспоминали ли о ней другіе ея обожатели—не знаемъ. Но кредиторы денегъ не получили.

О спутникахъ принцессы, 13-го января 1776 года, въ тайной экспедиціи фельдмаршаломъ, княземъ Голицынымъ, и генералъ-прокуроромъ, княземъ Вяземскимъ, постановленъ былъ слѣдующій приговоръ: «Принимая въ уваженіе, что нельзя доказать участія Чарномскаго и Доманскаго въ преступныхъ замыслахъ самозванки, ни въ чемъ не сознавшейся, что они оставались при ней скорѣе по легкомыслію и *не зная намѣреній* обманщицы, къ тому же Доманскій былъ увлеченъ и страстью къ ней, положено слѣдствіе объ обоихъ прекратить. Хотя они уже за то, что слѣдовали за преступницей, вполнѣ заслуживали бы быть сосланными въ вѣчное заточеніе, но имъ вмѣняется въ достаточное наказаніе долговременное заключеніе, и они отпускаются въ свое отечество съ выдачею имъ вспомоществованія *по сту рублей* каждому и подъ клятвою вѣчнаго молчанія о преступницѣ и своемъ заключеніи».

Такимъ образомъ, и теперь, при рѣшеніи участи Чарномскаго, не было обращено должнаго вниманія на

принадлежавшія ему бумаги польской генеральной конфедераціи. А въ числѣ ихъ были очень важныя, напримѣръ, манифесты конфедераціи противъ раздѣла Польши 1772 года, подлинныя письма конфедераціи къ султану и визирю, турецкіе паспорты ея агентамъ, многія польскія письма. И графъ Орловъ, и фельдмаршалъ, князь Голицынъ, и всѣ другіе полагали, какъ видно, что онѣ принадлежатъ самой плѣнницѣ, и напрасно добивались отъ нея признанія относительно ихъ. Она не выдала Чарномскаго. А вѣроятнѣе всего то, что слѣдователи не хотѣли поднимать затухшаго, какъ казалось тогда, польскаго дѣла и тревожить покой ясновельможныхъ пановъ, въ родѣ «пане коханку». И странно кажется теперь, что тайная экспедиція, имѣя подъ руками всѣ бумаги, вполнѣ положилась на показанія Чарномскаго и Доманскаго. Ихъ показанія о причинахъ, побуждавшихъ ихъ слѣдовать за принцессой изъ Рагузы въ Италію, за исключеніемъ развѣ страстной любви Доманскаго, съ перваго же взгляда представляются не заслуживающими вѣроятія. Трудно допустить, чтобы такой замѣтный въ польской конфедераціи дѣятель, какъ Чарномскій, поѣхалъ съ принцессой въ Римъ и забылъ возложенныя на него конфедераціей порученія единственно изъ дружбы къ пріятелю и изъ желанія посмотрѣть на Римъ, гдѣ на этотъ разъ и папы нельзя было видѣть. Самъ же онъ говорилъ, что, въ послѣднее время пребыванія ихъ въ Рагузѣ, французскій консулъ предостерегалъ его относительно принцессы, говоря, что ей не слѣдуетъ вѣрить. И что же? Онъ, какъ самъ говоритъ, пересталъ вѣрить, что она русская великая княжна, а между тѣмъ, имѣя при себѣ офиціальныя письма конфедераціи, имѣя на рукахъ важныя дѣла, которыя безотлагательно долженъ былъ исполнить, ни съ того ни съ сего поѣхалъ вслѣдъ за женщиной, которую считалъ

искательницей приключеній, и остался при ней до самаго арестованія. Если принцесса и выманила у него черезъ Доманскаго деньги, безъ которыхъ онъ не могъ ѣхать въ Константинополь, отчего же не отправился онъ въ Верону къ графу Потоцкому съ повинною головой? Не онъ былъ первый и не онъ послѣдній изъ поляковъ, проматывавшихъ общественныя деньги конфедераціи и въ болѣе значительныхъ суммахъ. Если бы Чарномскій явился къ графу Потоцкому, этотъ пожурилъ бы его, быть можетъ, раскричался бы, быть можетъ, досталось бы и шляхетной спинѣ Чарномскаго (примѣры тому бывали), но ни въ какомъ случаѣ не выдалъ бы агента конфедераціи на жертву случайностей, которымъ тотъ неминуемо подвергался въ обществѣ искательницы приключеній, которая вела столь опасную игру.

Столь же невѣроятно и показаніе Доманскаго, что желаніе видѣть Римъ побудило его сопровождать самозванку. Не обращено было при слѣдствіи вниманія и на противорѣчіе его: то онъ говорилъ, что поѣхалъ изъ Рагузы вслѣдъ за графиней Пиннебергъ съ цѣлію получить съ нея 800 червонцевъ, которые она заняла у него, то утверждалъ, что, получивъ ея приказаніе ѣхать въ Италію, радъ былъ воспользоваться случаемъ посѣтить на ея счетъ Римъ. Но какъ бы то ни было, и Чарномскій и Доманскій, по рѣшенію тайной экспедиціи, были отправлены въ Польшу. За всѣхъ пострадала одна «всклепавшая на себя имя», хотя на краю гроба, на тайнѣ исповѣди, будучи уже едва въ состояніи говорить, она настоятельно, именемъ самого Бога, увѣряла, что сама никогда не разглашала о царственномъ своемъ происхожденіи.

Не знаемъ, что́ сталось съ Чарномскимъ и Доманскимъ по ихъ освобожденіи. Въ мартѣ 1776 года они были выпровождены изъ Петербурга за границу вмѣстѣ

съ камердинерами Рихтеромъ и Лабенскимъ. Болѣе года пробыли они подъ арестомъ на кораблѣ въ Петропавловской крѣпости.

О камеръ-медхенъ принцессы тайная экспедиція того же 13-го января 1776 года постановила: «умственная слабость Франциски фонъ-Мешеде не допускаетъ никакого подозрѣнія въ ея сообщничествѣ съ умершею, посему отвезти ее за границу, и такъ какъ она не получала никакого жалованья отъ обманщицы, находится въ бѣдности, а между тѣмъ дворянскаго происхожденія, то отдать ей старыя вещи покойницы и *полтораста рублей* на дорогу». Тотчасъ же она была отвезена въ Ригу, откуда отправлена въ Пруссію, ея отечество.

Камердинеровъ Рихтера и Лабенскаго, находившихся при Доманскомъ и Чарномскомъ, а также служителей самой принцессы, Кальтфингера, Маркезини и Анчіотти, тайная экспедиція опредѣлила выслать за границу, давъ каждому по *пятидесяти рублей*, но съ тѣмъ, чтобъ они дали клятву до смерти своей не сказывать никому, что́ съ ними происходило, и за что они содержались въ Петропавловской крѣпости. Кальтфингеръ и оба италіанца были отправлены изъ Петербурга въ Ригу, а оттуда за границу, въ январѣ 1776 г., вмѣстѣ съ Франциской фонъ-Мешеде.

XL.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Осталась одна безвѣстная могила въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ которую солдаты тайно опустили трупъ загадочной женщины и закидали его мерзлою землей.

Въ 1826 году, когда въ Петропавловской крѣпости содержались участники происшествія 14-го декабря

1825 года, близъ Алексѣевскаго равелина, на небольшой площадкѣ, обращенной въ садикъ, находилась насыпь. Старожилы крѣпости сказывали, что это могила княжны Таракановой[1]), то есть, какъ теперь оказывается, самозванки Таракановой.

Съ какимъ секретомъ ни содержали захваченную графомъ Орловымъ женщину, какою таинственностію ни окружили смерть ея и погребеніе, но, несмотря на то, еще въ царствованіе Екатерины разнеслись по Петербургу и оттуда пошли по другимъ мѣстамъ слухи, будто въ Петропавловской крѣпости уморили «дочь императрицы Елизаветы Петровны». Правду сказалъ баронъ Сакенъ, донося польскому правительству: «мнѣ изъ вѣрныхъ источниковъ извѣстно, и я положительно знаю, что смерть сумасшедшей, такъ называемой принцессы Елизаветы, послѣдовала совершенно естественно, но, вѣроятно, это не помѣшаетъ распространенію разныхъ слуховъ». Гельбигъ, жившій въ то время при саксонскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, также говоритъ, что смерть плѣнницы послѣдовала послѣ кратковременной болѣзни въ 1776 году и *возбудила разныя подозрѣнія.*

Прошло два года по смерти такъ называемой принцессы Елизаветы. Въ 1777 году случилось сильное наводненіе въ Петербургѣ, бо́льшее, чѣмъ въ 1824 году. Казематы Петропавловской крѣпости были залиты. Послѣ этого стали разсказывать, будто заточенную «княжну Тараканову» не вывели изъ каземата или не хотѣли вывести, и она утонула. Современемъ этотъ слухъ вполнѣ утвердился, хотя, какъ оказывается, бѣдная плѣнница содержалась въ верхнихъ отдѣленіяхъ Алексѣевскаго равелина, куда во время наводненія вода достигнуть не могла, и хотя она

[1]) Ср. *Русскій Архивъ* 1865 г., № 1, стр. 93.

умерла въ своемъ заключеніи двумя годами раньше наводненія...

Прошелъ еще годъ или два. Въ Алексѣевскій равелинъ посаженъ былъ одинъ авантюристъ, по фамиліи Винскій. Это былъ небогатый дворянинъ, учившійся въ Кіевской духовной академіи, а потомъ служившій сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку. Вовлеченный во одно политическое дѣло, онъ былъ арестованъ съ нѣсколькими другими гвардейскими офицерами. Сначала его содержали въ Петропавловской крѣпости, а потомъ сослали на житье въ Оренбургъ, гдѣ онъ и прожилъ больше тридцати лѣтъ и прощенъ уже императоромъ Александромъ Павловичемъ. Винскій велъ записки обо всемъ видѣнномъ имъ и слышанномъ. Эти любопытныя записки находились въ рукахъ покойнаго Александра Ивановича Тургенева и нѣсколько разъ читались въ небольшомъ обществѣ.

Въ своихъ запискахъ Винскій говоритъ, что когда арестованные съ нимъ одни были легко оштрафованы, а другіе прощены, его, какъ не имѣвшаго ни связей, ни протекціи, оставили въ крѣпости, и улучшили его положеніе въ томъ лишь отношеніи, что перевели снизу вверхъ, изъ душнаго, темнаго каземата въ Алексѣевскій равелинъ, въ свѣтлое помѣщеніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ комнатъ. Винскій отъ нечего дѣлать смотрѣлъ и, можно сказать, изучалъ все, что́ находилъ въ новомъ своемъ жилищѣ. Стоя у окна, онъ замѣтилъ, что на стеклѣ нацарапаны алмазомъ слова: «*o mio Dio*!» Винскій, конечно, заинтересовался этою надписью, и когда сторожъ, давно служившій при этомъ отдѣленіи, принесъ ему пищу, спросилъ его: «кто прежде содержался въ этихъ комнатахъ, и кто бы могъ написать на стеклѣ италіанскія слова?»

— Некому другому написать этихъ словъ,—отвѣчалъ сторожъ,—кромѣ барыни, которая до васъ здѣсь

сидѣла. Она была привезена откуда то издалека. Была молода, собой красавица и, должно быть, знатнаго рода, потому что ей прислуживали и за ней ухаживали не какъ за простою арестанткой. Прислуги у ней было много, кушанье ей носили хорошее, съ комендантской кухни. Вскорѣ послѣ того, какъ ее здѣсь помѣстили, пріѣзжалъ къ ней самъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій. Оставшись съ нимъ глазъ на глазъ, долго и громко она говорила съ нимъ, такъ что изъ коридора можно было слышать все отъ слова до слова. Она очень сердилась на графа, кричала, и должно быть бранила его за что то, даже топала ногами. О чемъ они говорили, понять было нельзя, потому что барыня по-русски не умѣла, и они разговаривали на какомъ то иностранномъ языкѣ. Графъ уѣхалъ и послѣ того болѣе не пріѣзжалъ. А ее привезли беременную, и она здѣсь родила. Что́ было съ ней потомъ — не знаю. Я тогда отпросился къ роднымъ, въ побывку, и когда послѣ отпуска воротился къ своему мѣсту, здѣшнее отдѣленіе было пусто. Оно оставалось пустымъ до сихъ поръ[1])

[1]) *Сѣверная Пчела* 1860 г., № 53.

СЕМЕЙСТВО БОГАЧЕВЫХЪ.

I.

Семенъ Родіоновичъ Богачевъ.

Лишь только путникъ спустится съ крутого склона дороги, прорытаго между двухъ довольно большихъ холмовъ подъ самымъ губернскимъ городомъ В.***, и переѣдетъ рѣку Кимжу, когда-то глубокую и многоводную, а теперь хотя и быструю, но мелкую, какъ тотчасъ же во всей окружающей обстановкѣ замѣтитъ рѣзкую перемѣну. Прежняя глинистая почва, при первомъ дождѣ превращающаяся въ какой-то липкій кисель, переходитъ въ не менѣе утомительный для пѣшехода сыпучій песокъ; вмѣсто прежнихъ гладкихъ полей и луговъ, по которымъ, какъ островки, были разбросаны тамъ и сямъ небольшія рощицы, взорамъ путника представляется громадная пойма, а за ней синѣютъ обширные сосновые лѣса, потомки тѣхъ лѣсовъ, которые въ прошломъ столѣтіи сплошной, непроходимой грядой тянулись далеко за Кижму и, наконецъ, сливались съ когда-то знаменитыми лѣсами Муромскими

Такъ ѣдете вы верстъ девяносто. Но вотъ лѣсъ мало по малу начинаетъ рѣдѣть, все дальше и дальше отодвигаясь отъ дороги, и, наконецъ, вы выѣзжаете на огромную поляну, на которой широко раскинулась зеркальная поверхность громаднаго озера, на отдаленномъ берегу котораго вы видите какія-то странныя, своеобразныя постройки, общимъ видомъ напоминающія не то крѣпость, не то какой-то средневѣковый замокъ. Широкая плотина охватила озеро съ южной стороны; по рединѣ этой плотины возвышается большое и красивое двухъ-этажное зданіе, въ нижнемъ этажѣ котораго вы видите огромную арку; лѣвѣе зданія цѣлый рядъ построекъ, похожихъ на длинные каменные сараи; надъ однимъ изъ этихъ сараевъ бьетъ цѣлый рядъ огненныхъ фонтановъ, которые, по мѣрѣ того, какъ сумерки начинаютъ окутывать землю, становятся явственнѣе и явственнѣе; за сараями возвышается увѣнчанный пятью главами красивый храмъ. Вы ѣдете дальше, и до слуха вашего начинаетъ долетать смѣсь самыхъ разнообразныхъ звуковъ; тутъ вы слышите разомъ шумъ и плескъ падающей воды, грохотъ вертящихся подъ ея напоромъ колесъ, какой-то отдаленный и глухой гулъ, и все это заглушается страшными громовыми ударами, раздающимися изъ одного изъ сараевъ, надъ которымъ высоко подымаются огненные столбы.

— Что это за крѣпость?—невольно спрашиваете вы ямщика.

— А это Селезневскій заводъ Богачева,—отвѣчаетъ возница.—Вонъ видишь: длинные-то сараи — это и есть самый заводъ, а гдѣ огненные то столбы ходятъ, это молотовая.

— А это что за двухъ-этажный домъ съ воротами?

— Это господскій домъ, да разныя господскія заведенія,—поясняетъ ямщикъ.

Ѣдемъ дальше.

Миновавъ небольшую деревушку «Выселокъ», мы поѣхали вдоль какой-то каменной постройки, тянувшейся съ добрую четверть версты; далѣе началась массивная ограда во вкусѣ Екатерининскихъ временъ; потомъ мы въѣхали въ довольно узкія ворота, и взорамъ нашимъ представился грандіозный дворецъ. По срединѣ онъ двухъ этажей, а по бокамъ его идутъ два одно-этажные флигеля; правый изъ нихъ отдѣляетъ господскій дворъ отъ заводской базарной площади, посреди которой воздвигнутъ красивый храмъ, а лѣвый флигель упирается въ то длинное каменное зданіе, вдоль стѣны котораго мы только что ѣхали. Правѣе воротъ еще двухъ-этажный корпусъ; это заводская контора.

Войдемте же въ господскій домъ.

Пройдя огромный мрачный вымощенный чугунными плитами коридоръ нижняго этажа, мы очутимся на крыльцѣ задняго фасада дома, выходящемъ въ садъ. Видъ съ крыльца превосходный: прямо передъ вами разстилается широкая, усыпанная пескомъ эспланада, края которой съ необыкновеннымъ вкусомъ убраны безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ; лѣвѣе эспланады видны огромныя и красивыя оранжереи, а прямо передъ вами, слишкомъ на 120 саженъ, тянется грандіозная липовая аллея, огромныя деревья которой ясно свидѣтельствуютъ объ ея болѣе чѣмъ полувѣковомъ существованіи; въ концѣ аллеи видны развалины большой каменной бесѣдки, а далѣе, какъ зеркало, блеститъ огромное озеро.

Между оранжереями и восточной стѣной сада лежитъ огромный пустырь, въ которомъ, кромѣ глуши и дичи, вы не встрѣтите ровно ничего; гдѣ-то гдѣ торчитъ одиноко какое-нибудь жиденькое деревцо, да кустъ можжевельника; посрединѣ пустыря глубокій

оврагъ. Тяжелое впечатлѣніе производитъ это какъ бы забытое всѣми мѣсто сада, къ которому, кажется, никогда и не прикасалась рука человѣческая. Это такъ называемый «Страшный» или «Пантюшкинъ» садъ, имѣющій свою таинственную исторію.

Но возвратимся къ дому.

Поднявшись по одной изъ лѣстницъ, ведущихъ изъ мрачныхъ сѣней во 2-й этажъ, и повернувъ налѣво, вы входите въ роскошный залъ, убранство котораго великолѣпно; такія залы нельзя встрѣтить въ частныхъ домахъ; онѣ присущи только царскимъ чертогамъ. По бокамъ залы два балкона: одинъ выходитъ на эспланаду сада; другой на господскій дворъ, озеро и заводскія постройки съ ихъ огненными фонтанами, шумомъ и грохотомъ. Видъ съ этого балкона восхитительный. Влѣво отъ зала начинается цѣлая амфилада по истинѣ царскихъ комнатъ, а за ними слѣдуютъ уже и жилые покои. Это жилая половина дома. Правѣе зала расположенъ также цѣлый рядъ комнатъ, но онѣ необитаемы и представляютъ страшное запустѣніе и развалины, незамѣтныя только снаружи. Нижній этажъ по расположенію комнатъ напоминаетъ верхній, а подъ этимъ этажемъ находятся подвалы, частію отъ времени разрушившіеся, и молва гласитъ, что изъ нѣкоторыхъ подваловъ когда-то были подземные ходы, выходившіе въ поле. Молва эта, можетъ быть, и справедлива, если принять въ разсчетъ время и обстоятельства, среди которыхъ жилъ основатель и первый владѣлецъ Селезневскаго завода, Семенъ Родіоновичъ Богачевъ, имя котораго и теперь, болѣе полувѣка спустя, произносится на заводѣ съ какимъ-то паническимъ страхомъ.

Кто же былъ этотъ грозный Семенъ Родіоновичъ? спроситъ читатель.

Прадѣдъ Семена Родіоновича, Кириллъ Дементьевъ

Богачевъ въ концѣ XVII вѣка числился въ разрядѣ «тульскихъ казенныхъ кузнецовъ и ствольныхъ заворщиковъ»; иными словами: былъ житель Тулы и принадлежалъ къ податному сословію, между тѣмъ какъ предки его въ первой половинѣ XVII вѣка числились въ разрядѣ бояръ и дѣтей боярскихъ. Какимъ образомъ утратилось потомъ дворянское достоинство Богачевыхъ, неизвѣстно; но какъ бы то ни было, Семенъ Родіонычъ и его родной братъ Иванъ принадлежали къ податному сословію, и въ половинѣ прошлаго столѣтія значились «желѣзныхъ водяныхъ заводовъ содержателями». Въ это время братья Богачевы имѣли въ Тулѣ нѣсколько фабрикъ: молотовую, гвоздевую, катальную и др., на которыхъ и работало до полутораста человѣкъ, частію вольнонаемныхъ, а частію купленныхъ Богачевыми на чужое имя. Для такой купли они имѣли даже особаго «подручнаго» человѣка, нѣкоего чиновника Долговскаго, на имя котораго и совершали купчія крѣпости.

Семенъ Богачевъ былъ человѣкъ твердаго характера, человѣкъ въ высшей степени энергичный и, что называется, широкая натура, и потому узкія рамки тульской дѣятельности оказались ему тѣсны; онъ задумалъ устроить что-либо болѣе грандіозное, и вотъ его проницательный взоръ остановился на глухой лѣсистой и многоводной мѣстности верховьевъ Оки, богатой углеродно-кислымъ желѣзнякомъ.

Какъ разъ кстати меньшой братъ Иванъ женился въ то время на богатой дѣвушкѣ, и Семенъ, не долго думая, предложилъ брату употребить женинъ капиталъ въ дѣло; тотъ согласился, и вотъ въ 1755 г. въ 4-хъ верстахъ отъ Оки возникъ первый заводъ Богачевыхъ,—Унженскій, а черезъ три года на границѣ губерній В*** и Р*** возникъ и извѣстный уже читателю заводъ Селезневскій, а, спустя 8 лѣтъ,

они основали превосходный заводъ Пыхсинскій, служившій любимымъ ихъ мѣстопребываніемъ. Въ 1783 году братья полюбовно раздѣлились: Селезневскій заводъ, вмѣстѣ съ тремя другими, всего болѣе 10 тыс. душъ, достался Семену Родіоновичу, а въ томъ же году императрица Екатерина II возвратила Богачевымъ и ихъ прежнее дворянское достоинство.

Впрочемъ, при пріобрѣтеніи земель, дѣйствовала не одна купля, а Семенъ Родіоновичъ употреблялъ для этого и иныя средства.

Въ то время по верховьямъ Оки ютились цѣлыя разбойничьи шайки, для которыхъ Богачевъ былъ истинной грозой; онъ всячески истреблялъ эти шайки, но за то первый же и захватывалъ въ свои руки имѣнія мелкихъ землевладѣльцевъ, изъ которыхъ рѣдкій не былъ въ дружбѣ съ разбойниками; въ огражденіе-то отъ нихъ Богачевъ и построилъ свою усадьбу-крѣпость и для всякаго случая сдѣлалъ изъ нея подземные ходы въ чистое поле. Молва гласитъ, что Богачевъ нерѣдко пускалъ въ ходъ еще и слѣдующій забавный способъ пріобрѣтенія чужой собственности. Семену Родіоновичу приглянулся, положимъ, извѣстный участокъ земли, и вотъ онъ объявляетъ свою претензію на эту дачу; пріѣзжаютъ слѣдователи; собираютъ крестьянъ-понятыхъ, которыхъ по приказанію Богачева тотчасъ же и ведутъ на барскій дворъ, велятъ разуться и въ ихъ лапти насыпаютъ земли съ Богачевскаго двора; затѣмъ понятые обуваются и идутъ на спорную дачу.

— На чьей землѣ стоите? — спрашиваетъ слѣдователь.

— На Богачевской!—отвѣчаютъ въ одинъ голосъ понятые, и дача, понятно, остается за Семеномъ Родіоновичемъ.

А вотъ для примѣра и еще случай пріобрѣтенія

крестьянъ и земли, доказывающій полнѣйшее всемогущество Богачева. У одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ Богачевъ оттягалъ деревню Роксаново, при чемъ прежній ея владѣлецъ исчезъ неизвѣстно куда; наслѣдники помѣщика начали дѣло; пріѣхали слѣдователи, которые осмотрѣли издали и самую деревню и, переночевавъ у Богачева, утромъ собрались ѣхать въ Роксаново; вышли на крыльце, и что же?... видятъ, что деревни какъ не бывало!

— Гдѣ деревня?—спрашиваютъ слѣдователи у понятыхъ.

— Знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ!—отвѣчаютъ тѣ.—Да такой деревни у насъ и не бывало!

Съ тѣмъ слѣдователи и уѣхали отъ Богачева. Послѣ оказалось, что 2 тысячи человѣкъ работали въ ночь пребыванія на заводѣ слѣдователей; деревню разнесли по бревнышку, а землю вспахали, такъ что и слѣда деревни не осталось, а жителей ея Богачевъ разослалъ по своимъ заводамъ.

Вообще Семенъ Богачевъ былъ человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ, непреклонной волей и большой самодуръ; но, будучи въ то же время человѣкомъ умнымъ, умѣлъ ладить съ сильными міра сего, а потому всякое самодурство и сходило ему съ рукъ. Онъ былъ любимъ даже княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ и находился съ нимъ въ дружеской перепискѣ. Хотя лично съ княземъ и не былъ знакомъ, но за то заочно умѣлъ заслужить своими подарками полное его расположеніе; зимою, напримѣръ, Богачевъ посылалъ князю свѣжіе фрукты изъ своихъ великолѣпныхъ оранжерей, а когда, говорятъ, Потемкинъ стоялъ подъ Очаковымъ, то Богачевъ послалъ ему туда соленыхъ рыжиковъ и другихъ любимыхъ княземъ яствъ. Однимъ словомъ, онъ какъ нельзя лучше умѣлъ угодить вельможному князю. За то съ мѣстными властями Богачевъ обра-

щался вполнѣ безцеремонно. Разъ по какому-то дѣлу пріѣхалъ къ нему губернаторъ, но Семену Родіоновичу почему-то не заблагоразсудилось его видѣть, и онъ велѣлъ сказать губернатору, что онъ принять его не можетъ. Дѣлать было нечего, и губернаторъ поѣхалъ въ ближайшій уѣздный городъ К.*** Между тѣмъ Богачевъ вручилъ одному изъ своихъ слугъ пакетъ, велѣлъ обогнать губернатора и, дождавшись на крыльцѣ его городской квартиры, вручить пакетъ его превосходительству. Слуга исполнилъ приказаніе въ точности, а превосходительство остался такой выходкой Богачева очень доволенъ, такъ какъ въ пакетѣ было вложено 50 тысячъ рублей. Самодурство Богачева иногда доходило до того, что онъ считалъ для себя все возможнымъ; невозможнаго для него ничего не было, а время и разстояніе для него какъ бы и не существовали. Уѣздный городъ К.*** городъ отчасти татарскій; татары народъ довольно честный, и потому Богачевъ велъ съ ними большую дружбу; особенно онъ любилъ нѣкоего Селима, которому потомъ составилъ большой капиталъ и выстроилъ въ К.*** домъ. Разъ Селимъ пріѣхалъ къ Богачеву.

— Ну, что твой домъ?—спросилъ Богачевъ.

— Да еще не отдѣланъ,—отвѣтилъ Селимъ.

— Ну, такъ останься у меня на день.

Селимъ остался. Вдругъ около полуночи Богачевъ разбудилъ Селима и велѣлъ ему ѣхать домой. Пріѣхалъ Селимъ въ новый домъ и видитъ, что точно какой-то волшебной силой домъ былъ превосходно отдѣланъ. Сто человѣкъ Богачевъ отрядилъ наканунѣ въ К.***, и они то въ теченіе сутокъ вполнѣ отдѣлали домъ Селима.

Въ числѣ прочихъ заводовъ у Богачева былъ заводъ Верхнеунженскій, стоявшій въ непроходимомъ мѣстѣ. Въ 1788 году Россія объявила войну Швеціи.

Богачевъ, пользуясь этимъ случаемъ, предложилъ государынѣ отлить безвозмездно для артиллеріи пушки и ядра. Государыня охотно приняла предложеніе; пушки были отлиты и кое-какъ при помощи солдатъ были доставлены въ Селезневскій заводъ. Но тутъ случилось нѣчто непріятное для Богачева: офицеръ-пріемщикъ началъ браковать Богачевскія издѣлія; Семенъ Родіоновичъ этого не стерпѣлъ, разсерженный выбѣжалъ къ офицеру, и что между ними происходило, неизвѣстно; извѣстно только, что офицеръ неожиданно куда-то исчезъ, но куда, этого никто не зналъ. Пріѣхалъ другой офицеръ, который все и принялъ, а Богачевъ за свои издѣлія получилъ чинъ, дорогіе подарки и дозволеніе имѣть почетную стражу, которая постоянно окружала его домъ и конвоировала его карету.

Несмотря, однако, на непреклонную волю, сильный характеръ и строгость, Семенъ Богачевъ не былъ жестокъ.

Разъ только проявилъ онъ свою жестокость. Однажды передъ нимъ провинился какой-то Пантелей, или по просту—«Пантюшка». Богачевъ велѣлъ поставить его въ деревянную рамку и подтянуть петлей за горло такъ, что тотъ могъ стоять не иначе, какъ только на пальцахъ ногъ. Долго ли стоялъ въ такомъ ужасномъ положеніи несчастный Пантюшка, неизвѣстно; только онъ былъ найденъ потомъ удавленнымъ. Богачевъ приказалъ похоронить его по христіански, но священникъ было заортачился. «Передайте попу, что если онъ не исполнитъ моего приказанія,—сказалъ разгнѣванный Богачевъ,—то я познакомлю его съ «домной!» [1]) Дѣлать было нечего: противъ рожна прать

[1]) Заводская плавильная, или такъ называемая «домовая» печь.

было нельзя, и Пантюшка былъ отпѣтъ по-христіански.

Таковъ-то былъ Семенъ Родіоновичъ Богачевъ.

Нѣкоторые старожилы помнили его уже семидесятилѣтнимъ старикомъ. По ихъ разсказамъ, лицо онъ имѣлъ выразительное; на немъ ясно отражались и его умъ, и его желѣзная воля; лобъ у него былъ широкій; брови тонкія, сдвинутыя къ широкому носу; губы тонкія; темнорусые съ сильною просѣдью волосы онъ носилъ подъ гребенку. Онъ умеръ 19 декабря 1799 г. 73 лѣтъ и похороненъ у престола заводской кладбищенской церкви. Надъ могилой его поставленъ двухъ-саженный каменный столбъ, увѣнчанный шаромъ и крестомъ.

Преданіе говоритъ, что не за-долго до смерти Богачева случилось довольно странное происшествіе. По случаю какого-то праздника, у Богачева былъ балъ, а въ саду иллюминація. Когда гости толпой пошли по главной аллеѣ сада смотрѣть освѣщеніе и дошли до находившейся въ концѣ аллеи каменной бесѣдки, то вдругъ на крыльцѣ послѣдней появился огромный черный человѣкъ съ оскаленными зубами. Всѣ, конечно, въ испугѣ бросились назадъ и сообщили объ этомъ Богачеву. Говорятъ, что Богачевъ, услыхавъ это, страшно поблѣднѣлъ и сказалъ: «это смерть моя приходила за мной!» И дѣйствительно, не много времени спустя, Богачевъ умеръ.

II.

Наслѣдники Семена Богачева.

Степанъ Родіоновичъ былъ женатъ, и отъ этого брака имѣлъ сына Сергѣя, котораго мы будемъ называть «Сергѣй старшій». Покойный Семенъ Родіоновичъ

почему-то сильно не долюбливалъ его, а потому Сергѣй Семеновичъ не только не жилъ съ отцомъ, но никогда не бывалъ у него, а проживалъ на одномъ изъ его дальнихъ заводовъ. Овдовѣвъ, Богачевъ жилъ съ любовницей, какой-то Мареой Гавриловой, отъ которой также имѣлъ сыновей: Сергѣя младшаго, Александра и Григорія.

Когда Богачевъ умиралъ, то при немъ не было ни сына Сергѣя, ни внука Петра, уже семнадцати-лѣтняго юноши, вообще не было никого изъ родныхъ, а его окружали одни только приказчики и другіе его служащіе, которые и спросили умирающаго: кому онъ представляетъ свое громадное имѣніе и состояніе?

— Тому,—отвѣчалъ Богачевъ:—кто кого одолѣетъ.

Когда Семенъ Родіоновичъ умеръ, то тотчасъ же объ этомъ извѣстили его законнаго сына и наслѣдника, Сергѣя старшаго, который немедленно пріѣхалъ и похоронилъ отца.

Вскорѣ послѣ смерти грознаго и полновластнаго Богачева началось постепенное разореніе его имущества и упадокъ всѣхъ его заводовъ; начались между законными и незаконными его наслѣдниками нескончаемые дѣла и процессы, которыми въ то время буквально были завалены различныя присутственныя мѣста; начались всевозможные споры и кляузы, тайное и явное расхищеніе его громаднаго имущества и вообще всякаго рода «темныя дѣла».

Недаромъ же Богачевъ сказалъ умирая, что его имѣніе достанется тому, кто одолѣетъ; видно, сердце его чуяло всю ту неурядицу, которая началась вслѣдъ за его смертью.

Первый наложилъ руку на все огромное имущество покойнаго его законный сынъ Сергѣй Семеновичъ, человѣкъ въ то время уже вдовый и пожилой,

жившій съ любовницей, какой то Ѳедосьей Григорьевой, отъ которой и имѣлъ сына Луку и двухъ дочерей. Эти дѣти жили при отцѣ вмѣстѣ съ его законнымъ сыномъ Петромъ, но жили подъ названіемъ «воспитанниковъ», и хотя были крещены въ мѣстной заводской церкви, но, по приказанію самого Сергѣя Семеновича, въ метрики записаны не были. На ихъ воспитаніе отецъ не щадилъ никакихъ средствъ, и дѣйствительно, его «воспитанники» получили превосходное образованіе и впослѣдствіи составили себѣ блестящую карьеру: Лука добился чина полковника, а его сестры вышли за генераловъ.

Между тѣмъ, любовница покойнаго старика Богачева, видя, что Сергѣй Семеновичъ сдѣлался единственнымъ наслѣдникомъ, объявила себя второй законной женой Семена Родіоновича и требовала отъ Сергѣя Семеновича себѣ и своимъ дѣтямъ законной части имѣнія; однако, Сергѣй не призналъ законность ея брака и послалъ объ этомъ государю всеподданѣйшее прошеніе, въ силу котораго императоромъ Александромъ I-мъ и былъ утвержденъ единственнымъ наслѣдникомъ отцовскаго имѣнія, но съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы это имѣніе онъ не могъ ни продать, ни заложить; дѣло же о законности брака Марѳы Гавриловой государь повелѣлъ передать на разсмотрѣніе св. Синода.

Такимъ образомъ, Сергѣй Семенычъ былъ утвержденъ въ правахъ наслѣдства, а его любовница, Ѳедосья Григорьева, сдѣлалась полной въ имѣніи хозяйкой.

Здѣсь невольно является вопросъ: былъ ли въ самомъ дѣлѣ покойный Богачевъ женатъ на Марѳѣ Гавриловой? Вѣроятнѣе всего, что не былъ, потому что, если бы, дѣйствительно, онъ былъ женатъ на ней, то, будучи человѣкомъ въ высшей степени аккуратнымъ, онъ навѣрное позаботился бы объ имени и званіи своихъ дѣтей и о ихъ гражданскихъ правахъ, тѣмъ болѣе,

что онъ хорошо зналъ, что эти вторыя дѣти послѣ его смерти будутъ имѣть сильнаго соперника въ лицѣ Сергѣя старшаго. Однако, такой заботливости о дѣтяхъ покойный Богачевъ не оказалъ; да, наконецъ, если бы Семенъ Родіоновичъ, дѣйствительно, былъ обвѣнчанъ съ Мареой Гавриловой, то его бракъ не прошелъ бы незамѣченнымъ на заводѣ и навѣрное живо сохранился бы въ памяти мѣстныхъ жителей. Но ничего подобнаго мы не видимъ. Точно такъ и св. Синодъ не нашелъ возможнымъ бракъ Мареы съ Богачевымъ признать дѣйствительнымъ, вслѣдствіе чего Мареа Гаврилова и была обязана подпиской: «впредь непринадлежащимъ ей званіемъ и достоинствомъ не именоваться».

Однако, этимъ дѣло ея не кончилось, а, какъ увидимъ дальше, съ этого оно главнымъ образомъ и началось.

Сергѣй Семеновичъ, сдѣлавшись полновластнымъ послѣ отца хозяиномъ, въ 1800 г. уѣхалъ съ любовницей, законнымъ сыномъ Петромъ и тремя «воспитанниками» въ Петербургъ, гдѣ и прожилъ до самой смерти, случившейся въ 1816 году.

Въ теченіе этого времени его любовница, ставя на видъ то обстоятельство, что у Сергѣя есть законный сынъ Петръ, неотступно убѣждала его обезпечить ея «воспитанниковъ». Сергѣй согласился и отдалъ на ея волю выборъ средствъ обезпеченія. Тогда она прежде всего удалила изъ Петербурга законнаго сына Петра, который 10 лѣтъ почти безъ всякихъ средствъ и прожилъ на Селезневскомъ заводѣ, между тѣмъ какъ Θедосья неограниченно стала распоряжаться всѣмъ громаднымъ имуществомъ покойнаго Богачева. Она вывезла изъ Селезневской усадьбы всѣ драгоцѣнности, продала огромные заводскіе лѣса, пріобрѣла на свое имя Богачевскіе дома и въ довершеніе всего отбирала отъ заводской конторы всю наличную выручку, не

оставляя денегъ даже для разсчета съ рабочими. Такими то способами она въ непродолжительномъ времени составила себѣ и своимъ дѣтямъ капиталъ не менѣе 10 мил. р. ассиг., захвативъ при этомъ въ свои руки капиталъ и имѣніе покойной законной жены Сергѣя, т. е. матери Петра. Наконецъ, не задолго до смерти Сергѣя, она обвѣнчалась съ нимъ, человѣкомъ уже совершенно больнымъ, и заставила его хлопотать о признаніи «воспитанниковъ» его законными дѣтьми. Дѣйствительно, благодаря деньгамъ и какому то счастливому случаю, «воспитанники» Сергѣя, т. е. незаконный его сынъ Лука съ двумя сестрами, въ 1814 г. Высочайшимъ повелѣніемъ были признаны законными. Петръ, живя вдали отъ семьи, ничего этого не зналъ, и узналъ обо всемъ уже по смерти отца, когда пріѣхалъ въ Петербургъ.

Напрасно несчастный наслѣдникъ въ просьбѣ на имя государя доказывалъ свои законныя права на наслѣдство: въ просьбѣ ему отказали, а Сенатъ указомъ велѣлъ предоставить управленіе имѣніями всѣмъ наслѣдникамъ Семена Богачева сообща, съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе двухъ лѣтъ они полюбовно раздѣлились. Но такъ какъ раздѣла не послѣдовало, то всѣ Богачевскія имѣнія и поступили въ завѣдываніе мѣстной дворянской опеки, которая длилась 31 годъ, и такъ успѣшно опекала громадное имущество Семена Родіоновича, что сдѣлала заводамъ убытка слишкомъ на 3 милліона рублей, за каковыя дѣянія опекуны въ 1835 г. Высочайшимъ повелѣніемъ и были преданы уголовному суду, а частямъ главныхъ наслѣдниковъ: законнаго сына Петра, Луки, Григорія младшаго, незаконнаго отъ Маровы Гавриловой сына старика Богачева, былъ учиненъ сенатомъ раздѣлъ.

Что же сталось съ любовницей покойнаго Семена Родіоновича, Мароой Гавриловой? спроситъ читатель.

Долго ли она жила на заводѣ по смерти старика Богачева, неизвѣстно; но въ 1806 г. она проживала уже въ Петербургѣ, гдѣ ожидала рѣшенія Сената о признаніи ея законной женой Семена Богачева, и гдѣ она явила на могущую достаться ей по раздѣлу часть дарственную запись на имя своего старшаго сына, Сергѣя-младшаго; однако, она не дождалась окончанія дѣла и умерла въ 1828 г., а чрезъ два года ея дѣти: Сергѣй-младшій, Александръ и Григорій были признаны законными наслѣдниками. Почти 30 лѣтъ тянулось это дѣло, а пока оно тянулось, два старшіе ея сына, Сергѣй и Александръ, успѣли умереть, и въ живыхъ остался одинъ только Григорій.

Между тѣмъ, за годъ до признанія дѣтей Маѳы законными наслѣдниками, въ Петербургскую гражданскую палату было подано духовное завѣщаніе Маѳы, и было подано однимъ изъ извѣстныхъ въ то время казуистовъ и человѣкомъ весьма тонкимъ, нѣкіемъ отставнымъ секретаремъ, Климомъ Ивановичемъ Багрянцевымъ, извѣстнымъ болѣе подъ названіемъ: «отставной чернильницы», который самолично и писалъ завѣщаніе безграмотной Маѳѣ. Это завѣщаніе по существу своему было очень замѣчательно: взглянешь съ одной стороны, Климъ Иванычъ, по смыслу завѣщанія, оказывался душеприказчикомъ и распорядителемъ части, могущей достаться Маѳѣ Гавриловой; съ другой стороны, тотъ же Климъ Ивановичъ оказывался не только распорядителемъ, но и полнымъ хозяиномъ этой части, могущимъ, по своему усмотрѣнію, наградить наслѣдствомъ лицъ, поименованныхъ въ особомъ расписаніи, приложенномъ къ духовному завѣщанію. Гражданская палата это завѣщаніе утвердила и выдѣлила изъ имущества старика Богачева часть Маѳы Гавриловой Багрянцеву, не увѣдомивъ, однако, объ этомъ завѣщаніи прямыхъ наслѣдниковъ Семена Родіоновича.

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что въ 1835 г. имуществу старика Богачева былъ произведенъ Сенатомъ раздѣлъ, по которому незаконный сынъ его, Григорій, получилъ себѣ Селезневскій заводъ, Лука и Петръ другіе заводы, а на долю бѣднаго Клима Ивановича досталось ни болѣе, ни менѣе, какъ 4500 душъ крестьянъ, городскіе дома, покосы и т. п., всего на сумму болѣе милліона рублей.

Такой раздѣлъ поразилъ Богачевыхъ. «Кто этотъ Климъ Ивановичъ? спрашивали они другъ друга, и что это за завѣщаніе, о которомъ мы и не слыхивали»? И вотъ они за разъясненіемъ этихъ вопросовъ обратились къ Сенату.

Сенатъ объявилъ имъ завѣщаніе Маѳы Гавриловой, но пока шла по этому поводу переписка, и дѣло тянулось,—а въ старину, какъ извѣстно, дѣла тянулись по-долгу,—достопочтенный Климъ Ивановичъ владѣлъ да владѣлъ милліонною частію Маѳы, но вдругъ случилась для него маленькая непріятность.

Одна изъ наслѣдницъ Семена Богачева, именно вдова Сергѣя-младшаго, указала Петербургской гражданской палатѣ на существованіе записи, которой Маѳа Гаврилова предоставляла свою часть Сергѣю-младшему, какъ своему сыну, а мѣстная В—ая палата въ то же время обратилась къ Климу Ивановичу съ такого рода запросомъ: «Въ завѣщаніи Маѳы Гавриловой упомянуто объ оставленномъ вамъ расписаніи, въ которомъ обозначено: «кого и чѣмъ изъ ея части слѣдуетъ наградить», но расписанія этого вы не представили» и т. д. Хотя и послѣ этого напоминанія Климъ Ивановичъ продолжалъ дѣло, но въ концѣ концовъ дѣлать было нечего, и вотъ черезъ 10 лѣтъ по смерти Маѳы онъ, наконецъ, представилъ палатѣ это злополучное для себя расписаніе, и вотъ послѣ всей этой оказіи тѣ лица, коимъ все сіе вѣдать надлежало,

растолковали, наконецъ, непонятливому на этотъ разъ Климу Ивановичу, что онъ въ завѣщаніи хоть и назначенъ душеприказчикомъ и распорядителемъ части Маройы Гавриловой, но что это-де не значитъ, что вы владѣлецъ и собственникъ этой части, а потому-де вы и должны отъ этой части отказаться въ пользу ея сыновей и законныхъ наслѣдниковъ: Сергѣя, Александра и Григорія, а такъ какъ эти лица примерли, то отдать эту часть малолѣтнимъ дѣтямъ Григорія, надъ которыми будетъ учреждена опека.

Итакъ, Климъ Ивановичъ волей-не-волей долженъ былъ, наконецъ, разстаться съ милліонною частью Маройы Гавриловой, изъ которой въ продолженіе многолѣтняго своего управленія онъ повысосалъ порядочно таки соку и составилъ себѣ порядочный капиталецъ, а потому и послѣ такой непріятной для него оказіи тужить ему, конечно, особенно было не о чемъ.

Какъ ни бѣдствовала при жизни Марѳа, но она жила аккуратно и, въ виду полученія будущихъ благъ, не дѣлала долговъ; не то пошло послѣ ея смерти. Послѣ нея одинъ за другимъ умерли ея два сына: Сергѣй-меньшой и Александръ, и остался въ живыхъ одинъ только Григорій, который, получивъ одинъ всю материнскую часть, въ самомъ непродолжительномъ времени надѣлалъ до 700 тысячъ рублей долгу, и въ 1840 г. правительство нашло нужнымъ учредить надъ нимъ опеку.

Слѣдуетъ сказать при этомъ, что Григорій былъ не мотъ и не кутила, а напротивъ того человѣкъ очень тихій и скромный, хотя и не совсѣмъ трезвой жизни. Какимъ же образомъ произошелъ такой значительный долгъ? спросите вы. А произошелъ онъ очень просто. До полученія своей наслѣдственной части, Григорій жилъ въ Петербургѣ въ крайней нуждѣ и, постоянно имѣя надобность въ деньгахъ, дѣлалъ займы,

при чемъ, занимая рубль, онъ давалъ вексель на десятки рублей, благо въ Петербургѣ нашлось не мало людей, дававшихъ на такихъ условіяхъ взаймы будущему наслѣднику Богачева; такимъ то простымъ способомъ долгъ Григорія и выросъ до громадной цифры.

Въ 1838 г. въ жизни Григорія произошла значительная перемѣна: онъ женился на красивой и образованной дѣвушкѣ Варварѣ; молодая Богачева тотчасъ же отстранила отъ мужа различнаго рода проходимцевъ и взамѣнъ того сама стала оказывать на него самое благотворное во всѣхъ отношеніяхъ вліяніе, которое, впрочемъ, продолжалось не долго: въ 1845 г. Григорій умеръ, а въ началѣ 1846 г. умерла и Варвара, оставивъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей, сына и дочь. Однако, поправить дѣла Григорія, да и вообще дѣла наслѣдниковъ Богачева, было уже невозможно, такъ какъ все его громадное имѣніе въ самомъ своемъ основаніи было потрясено еще Ѳедосьей Григорьевой, а потомъ вдосталь разбито благодѣтельной опекой. Какъ будто надъ всѣмъ Богачевскимъ имѣніемъ со всѣхъ сторонъ понадвинулись грозныя тучи, и невозможно было предвидѣть, разразятся ли онѣ страшною грозою или разсѣются постепенно, и нельзя было предвидѣть, когда опять прояснится горизонтъ надъ Богачевскими имѣніями, да и прояснится ли онъ?... Прежде всего заводы и прочее имѣніе старика Богачева были кругомъ въ долгу; надъ нимъ тяготѣли долги частные, долги опекунскому совѣту, подати горному правленію; правительственныя ссуды, различныя пени и, вдобавокъ ко всему этому, гибельныя для заводовъ *заторжки*.

Можетъ быть, не всѣмъ читателямъ знакомо это злополучное слово, а потому постараемся объяснить смыслъ его простымъ и нагляднымъ примѣромъ.

Въ 1834 г. одинъ изъ опекуновъ Богачевскихъ заводовъ, нѣкто Пироговъ, горный чиновникъ Васильковъ и Селезневская заводская контора заключили съ купцомъ Авдюшкинымъ и К° контрактъ о запродажѣ ему имѣющихся на лицо и будущихъ заводскихъ издѣлій, на сумму 1½ мил. рублей. Такого то рода контракты на запродажу заводскихъ издѣлій на мѣстномъ заводскомъ жаргонѣ и назывались заторжкой. Эта заторжка была настолько невыгодна, что опекунъ Пироговъ не счелъ возможнымъ скрыть ея невыгоду передъ мѣстной дворянской опекой; однако, опека, хорошо помня, что какъ ни невыгодна для заводовъ эта заторжка, но что въ результатѣ ея непремѣнно достанется «всѣмъ сестрамъ по серьгамъ и всѣмъ старцамъ по ставцамъ»,—эту заторжку утвердила. Полнѣйшая же невыгодность этого контракта была ясна до очевидности: напр., цѣны назначены такъ низко, что приходились даже ниже своихъ заводскихъ цѣнъ, не говоря уже про цѣны базарныя; но и это еще не все. По условію заводы, или вѣрнѣе опекуны заводовъ, могли, по своему усмотрѣнію, дѣлать (и дѣлали) уступку по 17 к. съ пуда и съ этихъ цѣнъ, а изъ этихъ уступокъ образовались, конечно, у покупщиковъ крупныя суммы, на которыя Авдюшкинъ и К° опять таки покупалъ заводскія издѣлія; такимъ образомъ и выходило, что Авдюшкинъ платилъ хозяину заводовъ за его издѣлія его же собственными деньгами. Мало того, Авдюшкину дозволено было имѣть на заводѣ свой амбаръ для склада издѣлій; но что всего любопытнѣе, такъ это то, что Богачевскіе заводы обязаны были платить Авдюшкину за провозъ своихъ издѣлій на Селезневскій заводъ, въ его, Авдюшкина, амбаръ. Наконецъ, однимъ изъ пунктовъ контракта Авдюшкинъ обязанъ былъ внести въ заводскую контору, въ видѣ задатка, 215 тыс. руб.; но при этомъ

интересенъ способъ, которымъ долженъ былъ зачитаться задатокъ, а именно: на какую сумму въ продолженіе мѣсяца Авдюшкинъ наберетъ издѣлій, половина этой суммы должна быть зачтена въ уплату задатка; но такъ какъ, до времени полнаго зачета задатка, часть его неминуемо должна остаться въ кассѣ конторы, то вѣдь не лежать же этимъ деньгамъ непроизвольно для тѣхъ же покупщиковъ компаніи Авдюшкина; и вотъ положили въ виду этого на томъ, что та же несчастная, и безъ того уже разоренная заводская контора обязана платить Авдюшкину за незачтенную еще часть задатка извѣстные проценты! Однимъ словомъ, разореніе заводовъ полное, и велось вполнѣ систематически. Наконецъ, дѣло было доведено до того, что въ конторѣ не оказалось уже и денегъ для уплаты мастеровымъ и на другія заводскія нужды. Какъ бы вы думали, читатель, какъ поступили въ этомъ случаѣ заводскіе опекуны? Да вотъ какъ: они вступили въ сдѣлку съ Авдюшкинымъ и выкинули такую штуку: такъ какъ въ заводской конторѣ денегъ не было, то они, опекуны, просили Авдюшкина разсчитываться за взятый имъ товаръ не помѣсячно, какъ было до сихъ поръ, а понедѣльно, и при томъ чистыми деньгами, т. е. безъ зачета задатка, контора же обязалась эту задаточную сумму, съ причитающимся на нее процентами, обратить въ долговую статью. Авдюшкинъ, понятно, согласился, и вотъ Богачевскіе знаменитые заводы затянулись въ долги, которыхъ, конечно, не платили, потому что и платить было нечѣмъ, и вотъ, по прошествіи 5-ти лѣтъ, на Селезневской конторѣ оказалось долгу 104 тысячи, да кромѣ того заводы со времени этой несчастной заторжки понесли около 400 тыс. убытка.

Авдюшкинъ и К° стали требовать уплаты издѣліями, но заводы платить оказались не въ состояніи:

денегъ не было, а требуемаго Авдюшкинымъ количества издѣлій выработать они не могли... Осталось одно—вступить въ новую невыгодную для заводовъ сдѣлку съ Авдюшкинымъ; такъ и сдѣлали...

Такого рода разорительныя заторжки велись безпрерывно съ 1821 по 1838 годъ, когда, наконецъ, правительство приняло участіе въ судьбѣ несчастныхъ заводовъ и, прекративъ заторжки, сняло такимъ образомъ съ заводовъ эту мертвую петлю.

На заводахъ Петра и Луки дѣла шли не такъ плохо, потому что надъ ними худо ли, хорошо ли, наблюдали сами владѣльцы, но опекуны имущества Григорія были не лучше Селезневскихъ опекуновъ и точно также, разоряя постепенно его заводы, дошли, наконецъ, до того, что въ одинъ прекрасный день все уцѣлѣвшее дорогое движимое имущество Селезневскаго дворца будто бы сгорѣло въ находившейся въ концѣ садовой аллеи каменной бесѣдкѣ, въ которой и печи то никогда не было!

Вотъ какая горькая участь постигла громадное имѣніе и громадное состояніе знаменитаго въ свое время заводчика—Семена Родіоновича Богачева.

СТАРИНА [1]

Мнѣ бы хотѣлось познакомить теперь читателя со старухой, сгорбленной тяжестью ста пятнадцати лѣтъ. Она уже никуда не выѣзжала, когда мы переселились къ бабушкѣ, но я попала случайно въ ея домъ съ одной изъ моихъ тетокъ и видѣла эту живую развалину. Врядъ ли читатель представляетъ себѣ иначе сказочныхъ колдуній. Блѣдныя ея губы были сжаты; сѣрые глаза, лишенные зрѣнія, но открытые, блуждали безъ цѣли; безчисленныя морщины покрывали пожелтѣвшее лицо, на костлявыхъ пальцахъ блестѣли драгоцѣнные перстни, и стриженые сѣдые волосы торчали изъ подъ высокаго чепца. Она осталась вѣрна модамъ своей молодости, и носила всегда широкую юбку, обшитую

1) Печатаемый разсказъ взятъ нами изъ бумагъ, принадлежащихъ покойному П. И. Мельникову, находящихся въ той же библіотекѣ, о которой упоминали мы при печатаніи *семейства Богачевыхъ*. Подлинный разсказъ, писанный женской рукой, съ помарками и переправками и безъ конца, очевидно, составляетъ отрывокъ изъ цѣлаго ряда воспоминаній неизвѣстнаго автора. Самая рукопись, «Сборникъ подъ № 2348», въ листъ, скорописью разныхъ почерковъ, на 191 листѣ, состоитъ изъ пяти тетрадей различнаго беллетристическаго содержанія, большею частію безъ начала или конца и относится къ концу пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія.

оборками, кофту и башмаки на каблукахъ. Я слыхала много подробныхъ разсказовъ о ней. Лишь въ послѣднія восемь лѣтъ своей жизни она впала въ дѣтство. Но до тѣхъ поръ она сохраняла непреклонный характеръ и самую счастливую память.

Вѣра Александровна Ш*., такъ звали мою героиню, любила говорить о крестной своей матери, императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, о Биронѣ и о Волынскомъ, которыхъ хорошо помнила. Странно дѣйствовали на ея слушателей слова: «Я подошла къ государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ», или «Артемій Петровичъ поцѣловалъ меня». До сихъ поръ хранится еще въ ея семействѣ великолѣпная брошка, подаренная ей на зубокъ крестной матерью. На огромномъ изумрудѣ, окруженномъ бриллянтами, изображенъ рѣзцомъ художника профиль одного изъ римскихъ цезарей. Всѣ прочія дорогія вещи, накопившіяся въ сундукахъ Вѣры Александровны въ продолженіе столькихъ десятковъ лѣтъ, были разграблены въ послѣдніе годы ея жизни. Въ особенности помнила она Бирона и его жену и толковала часто о нихъ. Она разсказывала между прочимъ, что къ герцогинѣ являлись обыкновенно просители, не смѣвшіе обратиться прямо къ ея мужу. Лѣтомъ она ихъ принимала въ саду, гдѣ проводила цѣлое утро у пруда съ удочкой въ рукахъ, между тѣмъ какъ ее окружали, стоя за ней цѣлою толпою, напудреные мужчины и дамы и восторгались каждой ея побѣдой надъ щукой или карасемъ. Какъ скоро явится, бывало, проситель, она прикажетъ ему подойти и нагнуться къ себѣ. Тогда она выберетъ изъ золотой лоханки, въ которую рыбъ опускали, одну изъ пойманныхъ ею рыбъ, возьметъ ее за хвостъ и изо всей силы ударитъ ею просителя по щекѣ. Если тотъ выносилъ бодро и не двигаясь съ мѣста свѣтлѣйшую шутку, «gut»! скажетъ герцогиня, смѣясь, и

приметъ прошеніе. Но иному придется не по душѣ игривость дикаго самовластія, и онъ невольнымъ движеніемъ попятится назадъ. Такое вольнодумство не нравилось герцогинѣ: она хмурила брови, прибавляя недовольнымъ тономъ: «Ah, er wider setzt sich!» и указывала просителю краснорѣчивымъ движеніемъ руки, чтобъ онъ удалился. Мать моей героини, Анна Ивановна Ч*, была любимою фрейлиной Анны Іоанновны, жила съ ней въ Курляндіи и, по возвращеніи въ Россію, поселилась въ ея дворцѣ, гдѣ вышла за Александра Ивановича Ш. и родила единственную дочь.

Не задолго до кончины императрицы, дѣвочка чуть не сдѣлалась жертвой страшнаго случая, который имѣлъ вліяніе на всю ея жизнь. Ей было тогда восемь лѣтъ. Послѣ непродолжительной болѣзни, она впала въ летаргическій сонъ, и ее сочли умершей. Она чувствовала и живо помнила, какъ ее одѣли въ праздничное платье и положили на столъ. Государыня вошла въ ея комнату, чтобъ проститься съ крестницей. Вѣра Александровна чувствовала, какъ губы крестной матери коснулись ея лба, слышала, какъ она выражала свое сожалѣніе о ея смерти. Пришелъ и Биронъ и отдавалъ какія то приказанія на ломаномъ русскомъ языкѣ. Слухъ ея былъ также пораженъ рыданіемъ отца и довольно равнодушнымъ голосомъ матери. Дѣвочка имѣла уже полное понятіе о смерти и сознавала съ ужасомъ, чтó ея ожидаетъ. Она дѣлала неимовѣрныя усилія, чтобъ вскрикнуть или шевельнуться, но голосъ словно замеръ въ ея груди, и отяжелѣвшіе члены ей не повиновались. Она ожидала съ неописаннымъ страхомъ, что вотъ-вотъ ее положатъ въ тѣсный гробъ, закроютъ его тяжелой крышкой и опустятъ въ могилу, и сердце ея замирало... Наконецъ, она стала чувствовать, что приходитъ немного

въ себя, и приподняла съ усиліемъ вѣки. У ея ногъ стоялъ отецъ и горько плакалъ. Она пролепетала что-то невнятно... Онъ бросился къ ней и схватилъ ее на руки.

По мѣрѣ того, какъ она стала оправляться, малѣйшія подробности страшнаго событія приходили ей на умъ, и она вспомнила скорбь отца и невозмутимое спокойствіе, съ которымъ мать переносила мысль о ея потерѣ, вспомнила, что, открывши глаза, она не видала матери, между тѣмъ какъ отецъ обливалъ слезами ея ноги, и она привязалась къ отцу и отдалилась отъ матери.

Александръ Ивановичъ занимался самъ воспитаніемъ дочери и передалъ ей многія изъ своихъ понятій и даже чувствъ. Онъ былъ другомъ Миниха и питалъ личную ненависть къ Бирону, и Вѣра Александровна говорила всегда съ глубокимъ отвращеніемъ о временщикѣ; вмѣняла ему въ одинаковое почти преступленіе его жестокость и его плебейское происхожденіе и смѣялась немилосердно надъ мѣщанскимъ чванствомъ, внушившимъ ему мысль считаться родствомъ съ знаменитымъ во Франціи семействомъ Biron и присвоить себѣ его гербъ. День паденія регенства былъ однимъ изъ свѣтлыхъ дней въ жизни Александра Ивановича, но скоро насталъ новый переворотъ.

Минихъ, прозванный «Соколомъ» въ народѣ, чуть не сложилъ на плахѣ свою сѣдую голову и отправился въ Пелымъ, гдѣ поселился въ домѣ, недавно выстроенномъ, по его приказанію, для Бирона. Не былъ пощаженъ ни одинъ изъ главныхъ приверженцевъ правительницы. Александръ Ивановичъ ждалъ со страхомъ рѣшенія своей участи, но его спасло вліяніе родственниковъ-однофамильцевъ, которые уже пользовались расположеніемъ Елизаветы и помогли ей сѣсть на отцовскій престолъ.

Онъ страстно любилъ свою дочь, но держалъ ее строго. По его понятіямъ, женщина, воспитанная въ благочестивыхъ правилахъ, должна была избѣгать разсѣянной жизни и *ассамблей*, и Вѣра Александровна лишь изрѣдка и не иначе, какъ по желанію императрицы, являлась на дворцовыя пирушки. Театръ не былъ еще основанъ, но устраивались иногда домашніе спектакли, и Елизавета уговорила Александра Ивановича повезти молодую дѣвушку на представленіе *Синава* и *Трувора*, піесы, которую давали, кажется, въ кадетскомъ корпусѣ. По разсказамъ, доходившимъ до нея, Вѣра Александровна не могла никакъ составить себѣ яснаго понятія о театрѣ, и сердце ея сильно билось отъ любопытства и нетерпѣнія, пока она подвязывала свои фижмы и наклеивала мушки, чтобъ ѣхать съ отцомъ въ кадетскій корпусъ. Дѣйствительность превзошла всѣ ея ожиданія. *Синавъ* и *Труворъ* ознакомили ее съ совершенно новымъ міромъ. До самой глубокой старости она не могла забыть впечатлѣнія, вынесеннаго ею изъ этого представленія. Она нашла такое величіе въ игрѣ актеровъ, въ ихъ костюмахъ, въ ихъ декламаціи, что долго не могла ни говорнть, ни думать ни о чемъ другомъ, и варяжскіе князья нерѣдко являлись ей во снѣ.

Однако, отецъ, желая ее удалить отъ свѣтскихъ удовольствій, требовалъ отъ нея серьезныхъ занятій. Короткая его связь съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ и знакомство съ Ломоносовымъ научили его глубоко уважать науку. Онъ ввелъ молодую дѣвушку въ ихъ кружокъ, но къ сожалѣнію, объ ея знакомствѣ съ ними не сохранилось въ ея семействѣ никакихъ подробныхъ воспоминаній. Разсказываютъ только, что она говорила о нихъ съ восторгомъ, и что Ломоносовъ единственный человѣкъ, которому аристократка прощала его плебейское происхожденіе. Но, несмотря

на все свое уваженіе къ Шувалову, она упрекала его, однако, въ томъ, что онъ не принесъ Россіи всей пользы, которую могъ бы принести ей при своемъ вліяніи. «Онъ основалъ университетъ, да молится на него», говорила она. «Основаніе университета, точно, великое дѣло, да университета не довольно. Умѣли же Долгорукіе убѣдить императрицу Анну въ чемъ хотѣли; а Иванъ Ивановичъ чего смотрѣлъ?»

Сумарокова она не любила, несмотря на свѣтлыя минуты, которыми была обязана автору *Синава* и *Трувора*, и называла его обыкновенно скоморохомъ и шутомъ.

Она изучила въ молодости французскую литературу и даже древнихъ классиковъ и пристрастилась къ честной и строгой личности д'Аламбера, между тѣмъ какъ говорила съ презрѣніемъ о продажномъ перѣ Вольтера. Екатеринѣ II она не прощала ея переписки съ нимъ. Когда Дидеро явился въ Петербургъ въ 1773 г., Вѣра Александровна познакомилась съ нимъ, видѣлась часто, но она никогда о немъ не говорила и прерывала разговоръ, какъ скоро его имя произносили въ ея присутствіи. Ознакомилъ ли онъ сердце сорокалѣтней женщины съ нѣжнымъ чувствомъ, которому она была до этой минуты чужда, умѣлъ ли онъ поколебать хоть мгновенно строгость ея религіозныхъ убѣжденій, это неизвѣстно; но всѣ знавшіе ее коротко останавливались часто на этихъ предположеніяхъ, потому что въ томъ и другомъ случаѣ ея оскорбленная гордость наполнила бы горечью воспоминанія ея о Дидеро. Какъ бы то ни было, сношенія ея съ нимъ остались для всѣхъ непроницаемою тайной.

Она была еще очень молода, когда начала вести свои записки, и занималась ими въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ. Но любопытный документъ погибъ. Въ послѣдніе годы своей жизни, впавши уже

въ совершенное дѣтство, она собрала свои письма и манускрипты и изрѣзала ихъ на куски, говоря, что кроитъ изъ нихъ ассигнаціи, и, къ несчастію, никто изъ окружавшихъ ее не позаботился о томъ, чтобъ спасти драгоцѣнныя бумаги.

Ей было уже лѣтъ пятнадцать, когда родился у ней братъ, однако, она осталась попрежнему любимицей отца. Все семейство было тогда обласкано дворомъ, и Вѣра Александровна разсказывала, что многіе изъ царедворцевъ ухаживали за ребенкомъ, въ которомъ надѣялись пріобрѣсти себѣ будущаго покровителя. Одинъ изъ нихъ между прочимъ няньчилъ его всегда на рукахъ и называлъ своимъ *рублевикомъ*.

Но вдругъ явилось при дворѣ новое лице, которое обратило на себя общее вниманіе: имя графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго скоро прогремѣло по всей Россіи. Придворные разсказывали шопотомъ, что не одно только чувство уваженія заставило императрицу приблизить его къ себѣ, и, наконецъ, стали поговаривать о томъ, что онъ обмѣнялся вѣнчальнымъ кольцомъ съ дочерью Петра. Неизвѣстно, почему Александръ Ивановичъ не полюбился Разумовскому, но вслѣдствіе своей размолвки съ графомъ онъ рѣшился удалиться отъ двора и переѣхать въ Москву.

Не долго жилъ онъ здѣсь. Вѣрѣ Александровнѣ было двадцать три года, когда она закрыла ему глаза. Онъ былъ ея единственною горячею привязанностью: горько оплакивала она его и похоронила, кажется, въ его могилѣ всю свою способность любить. Вся жизнь ея измѣнилась съ минуты его смерти. Крутой и непреклонный ея нравъ, смягченный вліяніемъ отца, высказался, только что его не стало, и, не встрѣчая уже никакихъ преградъ, сталъ развиваться все болѣе и болѣе.

Матери своей она не любила. видѣла въ ней су-

щество пустое, одинаково неспособное на серьезное чувство или на какую-нибудь дѣятельность, но окружала ее, однако, внѣшними знаками уваженія, чтобъ не отступить отъ правила, которое предписываетъ дѣтямъ почитать родителей. Лишь только кончился ея трауръ, она приняла рѣшеніе, надъ которымъ задумалась бы и теперь не одна двадцати-четырехъ лѣтняя дѣвушка, но сто лѣтъ тому назадъ всѣ на него смотрѣли, какъ на что то неслыханное и чудовищное. Однако, Вѣра Александровна ни передъ чѣмъ не струсила и поставила на своемъ. Она объявила Аннѣ Ивановнѣ, что желаетъ раздѣла отцовскаго имѣнія и беретъ на свою часть брянскія и владимірскія помѣстья, гдѣ думаетъ поселиться, чтобъ заняться хозяйствомъ, которое приходитъ въ совершенный упадокъ. Мать старалась ее напугать тѣмъ, что подобный поступокъ погубитъ ея честное имя; но Вѣра Александровна отвѣчала ей, не возвышая голоса, что не сдѣлаетъ ничего дурного, если будетъ жить одна и заниматься имѣніемъ, что она будетъ держать себя такъ, что никто не посмѣетъ злословить на ея счетъ, и проситъ материнскаго благословенія для начинанія благого дѣла. Старушка согласилась, потому что не было никакой возможности отказать. Вѣра Александровна пріѣхала въ Брянскъ съ однимъ полтинникомъ въ карманѣ. Вся ея прислуга состояла изъ горничной дѣвушки и человѣка. Она поселилась въ избѣ, потому что въ селѣ не было усадьбы, и принялась за дѣло, не теряя времени. Не прошло мѣсяца, какъ она уничтожила совершенно должность управляющаго, говоря, что будетъ сама управляющимъ, смѣнила старосту и принялась хозяйничать. Свое безденежье она тщательно скрывала отъ крестьянъ. Запасъ чая, который она привезла изъ Москвы, давно уже истощился, и всякій разъ, какъ она посылала въ уѣздный городъ, горничная напоми-

нала ей, что надо бы купить чайку да бубликовъ, на что Вѣра Александровна постоянно отвѣчала, что, по ея замѣчаніямъ, чай ей вреденъ. Она должна была отказаться отъ всѣхъ своихъ привычекъ, и мѣсяца три перебивалась со дня на день, пока, наконецъ, не привела все въ порядокъ. Тутъ она выписала купцовъ изъ Брянска и, условившись съ ними въ цѣнахъ, стала имъ поставлять продукты своего хозяйства.

Дѣло пошло какъ по маслу. Она прожила нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, трудясь съ утра до ночи и не принимая никого. Въ продолженіе этого времени она поставила имѣніе въ самое цвѣтущее состояніе и пріобрѣла такую власть на всемъ околоткѣ, что не только ея крѣпостные, но даже и всѣ приказные боялись ея грознаго слова. Однако, крестьянъ она не притѣсняла и, несмотря на ея строгость, они ее любили, за то, что она избавила ихъ отъ самовластія начальниковъ, бывшаго въ то время безграничнымъ. А виноватъ мужикъ, такъ она ему не дастъ потачки и прикажетъ, по праву помѣщицы, наказать розгами его, и не иначе, какъ при себѣ.

— Старостѣ я въ этомъ дѣлѣ никогда не довѣряла, разсказывала она:—попадется ему куманекъ, такъ онъ его пощадитъ, а золъ на мужика, такъ ужь совсѣмъ его засѣчетъ. Вѣдь надо знать, сколько за какую вину наказать.

Проживши довольно въ Брянскѣ, гдѣ она устроила хрустальные заводы, принадлежащіе теперь г-ну Мальцеву, она отправилась во владимірское имѣніе и занялась также хозяйствомъ. Отъ времени до времени она навѣщала мать, которая, послѣ смерти мужа, переселилась опять въ Петербургъ. Анна Ивановна привязалась къ сыну, насколько была способна привязаться; ласкала и баловала его, но не заботилась о его воспитаніи. Вѣра Александровна уговорила ее посадить за

указку мальчика, давно уже записаннаго въ гвардію, и слѣдила сама за его уроками, всякій разъ, какъ пріѣзжала къ семейству. Она завѣдывала тогда и хозяйствомъ, которое Анна Ивановна вручала ей съ большой радостью, и измѣняла по своему усмотрѣнію принятый порядокъ въ домѣ. Прислуга привыкла повиноваться ея взгляду. Мать признавала ея превосходство надъ собой и смотрѣла на нее съ уваженіемъ, а братъ съ почтеніемъ и страхомъ. Но эти холодныя чувства не согрѣвали ея сердца, которое черствѣло съ каждымъ днемъ, подъ вліяніемъ душевнаго одиночества и безотрадной дѣятельности, которой она себя посвятила...

Единственная горячая привязанность, которую она испытала,—любовь къ отцу, внушила ей мысль навѣстить въ ссылкѣ друга его Миниха. Она ѣздила въ Пелымъ, чтобъ пожать руку отшельнику и усладить его изгнаніе нѣсколькими свѣтлыми днями. Но о свиданіи ея съ старымъ фельдмаршаломъ не осталось, къ сожалѣнію, никакихъ преданій въ семействѣ. Пока она жила въ столицѣ, то принимала къ себѣ и выѣзжала сама. Наперекоръ принятымъ тогда понятіемъ, она ненавидѣла скомороховъ и шутовъ, не подчинялась вообще обычаямъ, которые не приходились ей по душѣ, выѣзжала одна и говорила, не стѣсняясь, свое мнѣніе обо всемъ. Она любила щеголять экипажами, скороходами и породистыми лошадьми, которыя стали, наконецъ, извѣстны по всему городу. Какъ скоро показывался на улицѣ ея великолѣпный цугъ, народъ сбѣгался издали, чтобъ на него полюбоваться и встрѣчать съ криками Ш... ва.... ва ѣдетъ!

Анна Ивановна, возвратившись въ Петербургъ, стала опять являться ко двору, куда Вѣра Александровна отказалась ѣздить изъ уваженія къ памяти отца. Но вотъ интересный анекдотъ, переданный ей матерью.

Во время послѣдней болѣзни Елизаветы, когда медики рѣшили, что она проживетъ не болѣе нѣсколькихъ дней, всѣ пришли въ неописанный страхъ, ждали опять какого-нибудь непредвидѣннаго переворота, и каждый боялся сдѣлаться его жертвой. Наканунѣ смерти императрицы, великій князь Петръ Ѳедоровичъ призвалъ графа Шереметева и спросилъ у него, какой полкъ назначенъ въ эту ночь на дворцовый караулъ. Шереметевъ отвѣчалъ ему: «назначенъ Преображенскій, если не ошибаюсь».

— Императрица не проживетъ, вѣроятно, этой ночи,—возразилъ великій князь.—Неизвѣстно, что можетъ случиться: поставь на всякій случай на караулъ моихъ голштинцевъ: я въ нихъ увѣренъ.

— Извините меня, ваше высочество,—сказалъ графъ, но Преображенскій полкъ былъ назначенъ государыней, и пока она еще жива, я обязанъ исполнять лишь эя приказанія, потому что я ей клялся въ вѣрности.

Петръ Ѳедоровичъ вспыхнулъ.

— Не забудь, что я буду завтра императоромъ!—вскрикнулъ онъ.

— И я буду завтра въ вашей власти,—возразилъ Шереметевъ, почтительно кланяясь:—но до тѣхъ поръ я останусь вѣренъ присягѣ, которую приносилъ императрицѣ.

Елизавета скончалась, дѣйствительно, черезъ нѣсколько часовъ. Когда придворные сошлись присягать новому государю, Петръ III, уже очнувшись отъ своего паническаго страха и пріободрившись, подошелъ къ графу Шереметеву и протянулъ ему руку:

— Обѣщай мнѣ,—сказалъ онъ ему,—что ты будешь служить мнѣ такъ-же честно и вѣрно, какъ служилъ моей покойной теткѣ.

Убѣдившись, наконецъ, что хозяйство, прочно устроенное ею, можетъ идти и безъ постояннаго надзора,

Вѣра Александровна переселилась опять къ матери. Многіе изъ ея родственниковъ и пріятелей потомъ навлекли на себя неудовольствіе Екатерины II-й и подверглись ссылкѣ или заточенію. Императрицѣ донесли между прочимъ, что статсъ-дама Г...на и ея мужъ дозволили себѣ осуждать многіе изъ ея поступковъ. Екатерина заключила въ тюрьму и жену и мужа, приказавъ имъ сказать, что «желаетъ научить ихъ помолчать». Желтухина, одна изъ горничныхъ, просила позволенія раздѣлить участь своихъ господъ, «которыми не была никогда обижена», говорила она, и въ продолженіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ осталась вѣрна святому подвигу самоотверженія, на который пошла добровольно. Въ продолженіе двадцати лѣтъ она не видала дневного свѣта, раздѣляла съ заключенными кружку воды и кусокъ чернаго хлѣба и своими молитвами и увѣщаніями поддерживала въ нихъ часто вѣру и надежду. Наконецъ, Г...нъ умеръ, и Екатерина возвратила свободу его вдовѣ. Когда отворили передъ несчастной женщиной тяжелыя двери ея темницы, она забыла, въ безумномъ припадкѣ радости, предосторожности, которыя ей слѣдовало принять, чтобъ глаза ея, ослабѣвшіе отъ долгаго мрака, не были внезапно поражены блескомъ солнца. Она выбѣжала изъ тюрьмы, взглянула въ послѣдній разъ на свѣтъ Божій и вскрикнула. Вѣчная ночь наступила опять для нея, но Желтухина принялась опять ходить за ней съ новымъ усердіемъ. Эта страдалица была двоюродная сестра Вѣрѣ Александровнѣ, которая хлопотала за нее съ самаго начала ея заточенія и видѣла съ негодованіемъ, что люди, которые считались также близкимъ родствомъ съ Г...ной и съ другими лицами, находившимися подъ опалой, не смѣли выразить своего участія къ несчастнымъ, и старались наперерывъ снискать милости царедворцевъ и полу-

чить черезъ нихъ покровительство, чинъ или крестикъ. Вѣра Александровна не взлюбила блестящую столицу и духъ ея общества.

— Этотъ городъ не что иное, какъ ловушка чести,— говорила она, и убѣдила мать переселиться окончательно въ Москву.

Съ тѣхъ поръ и лишь изрѣдка и не иначе, какъ по дѣлу, ѣздила она въ Петербургъ.

Только что успѣли они отпраздновать свое новоселье, какъ глубокій стонъ разразился въ Москвѣ: наступила чума. Вѣра Александровна разсказывала объ этомъ времени съ невольнымъ содроганіемъ. Въ домѣ ея матери вымерла бóльшая часть прислуги, колокола гудѣли безъ умолку, улицы были усѣяны трупами, которыхъ полицейскіе тащили крючьями до кладбища, чтобы не прикасаться къ нимъ руками. Плачъ и рыданіе раздавались со всѣхъ сторонъ. Новое бѣдствіе присоединилось еще ко всѣмъ этимъ ужасамъ. Разъ дикіе крики поразили слухъ Вѣры Александровны; она подошла къ окну и увидала стекающійся со всѣхъ сторонъ, вооруженный кольями, дубинами и топорами, народъ. Среди неясныхъ возгласовъ она разобрала сопровождаемое проклятіями имя Амвросія, и вбѣжавшіе къ ней блѣдные отъ страха люди кричали, что чернь взбунтовалась и ищетъ архіерея, съ тѣмъ, чтобъ его убить за то, что онъ приказалъ ограбить образъ Боголюбской Божіей Матери, которая можетъ одна отвратить бѣдствіе отъ столицы. Возстаніе росло съ каждой минутой; толпы народа сгущались на улицахъ и раздавался вездѣ звонъ набата. Въ продолженіе всей ночи жители Москвы не гасили огней и не забывались сномъ. На другой день народъ повторялъ съ радостными криками на улицахъ, что злодѣя, наконецъ, не стало, и требовалъ новыхъ жертвъ. Тогда загудѣли пушки и стали оспаривать ея добычу

у чумы. Вѣра Александровна видѣла изъ своихъ оконъ, какъ везли цѣлыя груды мертвыхъ тѣлъ, оставлявшихъ кровавый слѣдъ на своемъ пути, и черезъ нѣсколько дней она отправилась въ Донской монастырь, гдѣ отслужила панихиду по убіенномъ архіереѣ и поклонилась тѣлу мученика.

Позволяю себѣ привести здѣсь случай, который не относится къ моему разсказу, но заинтересуетъ, безъ сомнѣнія, читателя. Когда Амвросій бѣжалъ въ Донской (монастырь) отъ бунтующей толпы, архимандритъ монастыря спряталъ его на церковные хоры, какъ скоро мятежники приблизились. Они обыскали всю церковь и собирались уже покинуть храмъ, съ убѣжденіемъ, что архіерей скрылся въ другое мѣсто, но ребенокъ лѣтъ семи увидалъ къ несчастію полу его ризы и указалъ на нее толпѣ.

Прошло много лѣтъ послѣ страшной драмы, совершившейся въ Донскомъ монастырѣ. Дмитрій Николаевичъ Бантышъ - Каменскій, близкій родственникъ Амвросія, былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Тобольскѣ. Многимъ еще памятна его благородная дѣятельность и гуманность, которую онъ обнаружилъ въ продолженіе своей долголѣтней службы. Бывши въ Березовѣ, онъ хотѣлъ видѣть каторжниковъ и убѣдиться, что ихъ не притѣсняютъ и содержатъ прилично. Какъ скоро онъ явился между ними, сѣдой старикъ бросился съ рыданіемъ къ его ногамъ. Губернаторъ его поднялъ и спросилъ, чего онъ желаетъ.

— Одного я только прошу,—отвѣчалъ старикъ,—прошу, чтобъ ты за меня помолился и отпустилъ мнѣ тяжкій мой грѣхъ.

— Я не святой,—возразилъ Дмитрій Николаевичъ:—и не могу предлагать никому своихъ молитвъ, ни отпускать грѣховъ. Молись самъ, и Богъ тебя помилуетъ.

— Нѣтъ, ты за меня помолись,—настаивалъ старикъ.—Я давно тебя ждалъ. Мнѣ сказывали, что ты приходишься близкимъ родней архіерею Амвросію, котораго убили во время моровой язвы, а вѣдь я его видалъ; я былъ тогда еще ребенкомъ и указалъ его народу. Во многомъ былъ я грѣшенъ съ тѣхъ поръ,—вотъ и сюда попалъ, да ни одно преступленіе такъ тяжело не лежитъ на моей совѣсти, такъ смерть Амвросія. Кровь его на меня вопіетъ. Ты ему не чужой, прости меня за него, помолись за меня, и мнѣ легче будетъ.

Это случилось, кажется, въ 1825 г. Этотъ разсказъ Дмитрія Николаевича Бантышъ-Каменскаго передала мнѣ незамужняя дочь его Анна Дмитріевна. Я ей обязана также самыми интересными документами, относящимися къ чумѣ 1771 г. и прилагаю ихъ отдѣльно къ этимъ запискамъ [1]).

Вскорѣ послѣ чумы закипѣлъ Пугачевскій бунтъ. Когда онъ сталъ принимать серьезные размѣры и наполнилъ страхомъ всю Россію, Вѣра Александровна рѣшилась, несмотря на увѣщаніе матери, ѣхать во Владиміръ, говоря, что ея присутствіе можетъ оказаться необходимымъ, если шайки самозванца покажутся въ ея имѣніи. Прибывъ въ свое село, она собрала крестьянъ и спросила у нихъ, слышали ли они, что донской казакъ принялъ на себя имя императора Петра III. Крестьяне переглянулись молча.

— Слушайте, ребята,—продолжала она,—я пріѣхала къ вамъ, чтобъ потолковать объ этомъ дѣлѣ. Если самозванецъ сюда придетъ, надо будетъ стоять твердо: себя подъ гнѣвъ государыни не подводить, да и меня не выдавать. Вѣдь я васъ, кажется, ничѣмъ не обижала. Чтожъ вы молчите?

[1]) Записокъ въ рукописи не оказалось.

Они опять переглянулись. Наконецъ, одинъ мужикъ вышелъ изъ толпы и почесалъ въ затылкѣ.

— Чтожъ, матушка Вѣра Александровна,—сказалъ онъ:—мы, точно, твоей милостью довольны, а не ровенъ часъ, и сами не рады, да пожалуй придется тебя выдать. Кто его знаетъ? Вонъ другой говоритъ, что онъ и въ правду государь. А господъ онъ, точно, не жалуетъ.

Вѣра Александровна поняла, что дѣло плохо, и что ей не переспорить принятаго уже мнѣнія, но она въ одну минуту сообразила, что можетъ извлечь какую-нибудь для себя пользу изъ настоящаго положенія дѣлъ. Надо сказать, что въ это время она торговала доходный домъ въ Москвѣ. Но его продавали не иначе, какъ на наличныя деньги; всей суммы у нея не было, а занимать она не хотѣла, чтобъ не скомпрометировать своего кредита.

— Если такъ, оставайтесь при своемъ,—сказала она:—но знайте, что, кто бы онъ ни былъ, онъ оберетъ васъ кругомъ, какъ обобралъ уже всѣ села и города, куда являлся. Между вами есть зажиточные мужички; кто хочетъ, и кто мнѣ вѣритъ, тотъ можетъ мнѣ отдать свои деньги на сохраненіе. Я вамъ въ нихъ и расписку дамъ. Подумайте и потолкуйте между собой.

Она ушла, и крестьяне, потолковавши, рѣшили, что она ихъ, точно, никогда не обижала, и что деньги будутъ цѣлѣй у нея, потому что если самъ государь жалѣетъ народъ, то, слышно, что его ребята шалятъ, и часа черезъ два принесли къ барынѣ большіе мѣшки съ мѣдными и серебряными деньгами и получили отъ нея расписку.

Вѣра Александровна, принявъ деньги, возвратилась въ Москву, гдѣ купила домъ, и изъ первыхъ полученныхъ съ него доходовъ возвратила крестьянамъ ихъ маленькій капиталъ.

Мать ея, доживши до глубокой старости, впала въ безуміе за нѣсколько лѣтъ до своей смерти. Вѣра Александровна поставила себѣ долгомъ ухаживать за ней, не жалѣя собственныхъ силъ, и проводила часто ночи, сидя у ея кровати. Случалось, что блѣдный свѣтъ лампады, горящей передъ образами, наводилъ тоску на безумную, которая начинала плакать и громко требовала дневного свѣта. Тогда — тревога подымалась по всему дому; Вѣра Александровна приказывала зажечь свѣчи и иллюминовала, какъ для праздника, комнату больной.

— Посмотрите, маменька,—говорила она ей:—посмотрите, какъ свѣтло,—свѣтлѣе дня.

Анна Ивановна успокаивалась и засыпала. Всѣ ея прихоти, всѣ ея капризы сдѣлались закономъ въ домѣ. Покорная дочь часто переносила отъ нея безропотно брань и оскорбительныя слова, не отступила ни минуты отъ своего дома, но приласкать ее не умѣла и не пролила горячей слезы, закрывая ей глаза.

Вскорѣ послѣ матери, она похоронила брата, но и его смерть не была для нея несчастіемъ. Оставшись единственной наслѣдницей всего отцовскаго имѣнія, она стала имъ управлять, увеличила свои доходы и купила не одинъ еще домъ въ Москвѣ. Но отъ свѣта или скорѣй отъ составленнаго ею кружка знакомыхъ она все-таки не отставала, ѣздила въ театръ, много читала и собрала довольно значительную библіотеку. О своемъ туалетѣ она не заботилась и говорила всегда:

— Попа и въ рогожѣ узнаютъ. Я въ своемъ ситцевомъ платьѣ сяду рядомъ съ щеголихами, которыя носятъ атласъ да бархатъ, и онѣ же первыя мнѣ поклонятся, а не я имъ.

Въ большой свѣтъ она показалась послѣдній разъ по случаю коронаціи императора Павла, о которомъ отзывалась всегда съ уваженіемъ.

— Своими хорошими качествами онъ обязанъ лишь себѣ,—говорила она,—а въ его проступкахъ другіе отдадутъ отчетъ Богу.

Не знаю, по какому случаю она была съ нимъ въ перепискѣ, но его письма были истреблены вмѣстѣ съ другими ея бумагами.

Незадолго до кончины Екатерины, былъ объявленъ рекрутскій наборъ, и Павелъ, по своемъ воцареніи, велѣлъ его отмѣнить. Приказъ явился въ Москву и былъ сообщенъ въ казенную палату въ ту минуту, какъ рекруты были уже сданы. Около палаты толпились въ слезахъ матери и жены, чтобъ обнять въ послѣдній разъ своихъ. По прочтеніи императорскаго указа, громкое *ура* прогремѣло въ народѣ. Принятые рекруты, съ бритыми уже лбами, бросились къ часовнѣ Иверской Божіей Матери. Площадь закипѣла народомъ. Плакали, цѣловались, передавали другу другу радостное извѣстіе, и, наконецъ, благодарственный молебенъ раздался на площади. Вѣра Александровна, ѣхавши въ эту минуту въ городъ, приказала кучеру остановиться, и была свидѣтельницей этой сцены, о которой часто вспоминала.

Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія она взяла на воспитаніе двухъ двоюродныхъ племянницъ и старалась дать имъ образованіе, которое рѣдко встрѣчалось и въ мужчинахъ того времени. Дѣвочки учились между прочимъ астрономіи и греческому и латинскому языкамъ. Въ подробности ихъ воспитанія я не въ правѣ входить, но могу только сказать, что всѣ знавшіе ихъ не иначе о нихъ говорятъ, какъ о святыхъ женщинахъ. Одна вышла замужъ, другая осталась при теткѣ, посвятила ей всю свою жизнь, ходила за ней день и ночь, когда Вѣра Александровна впала уже въ дѣтство; однако, старуха и ее пережила.

Когда наступила гроза двѣнадцатаго года, и всѣ

стали выбираться изъ Москвы, Вѣра Александровна въ припадкѣ патріотической гордости отказалась вѣрить въ опасность, говоря, что непріятеля не допустятъ до столицы, что его шапками закидаютъ. Она не рѣшилась, даже при звукахъ Бородинскихъ пушекъ, сдѣлать какія бы то ни было распоряженія, и лишь за нѣсколько часовъ до вступленія непріятеля въ Москву, выѣхала изъ города съ племянницами, поручая наскоро домъ управляющему и дворнику, а всей остальной прислугѣ приказала идти въ село ея Сутиновку, до котораго считалось верстъ около тридцати, между тѣмъ какъ сама отправилась во владимірское имѣніе.

Не въ добрый часъ добрался караванъ до подмосковной. Мужички прослышали, что Наполеонъ идетъ на насъ съ тѣмъ, чтобъ уничтожить крѣпостное право, и рѣшительно отказались повиноваться управляющему. Они пришли къ нему ночью и стали стучаться въ двери; испуганный старикъ отворилъ и спросилъ, чего они хотятъ.

— Подавай ключи отъ погреба, Ефимъ Гаврилычъ,—кричали они:—все теперь наше. Слышь, Бонапартъ намъ волю принесъ. Мы господскую всю птицу и скотину къ себѣ заберемъ.

Напрасно старался Ефимъ Гаврилычъ ихъ урезонить, они настояли на своемъ, заставили его подъ угрозами выдать имъ ключи, и все ограбили. Лишь только они удалились, дворовые, имѣвшіе личныя сношенія съ Вѣрой Александровной и глубоко убѣжденные, что никакой Наполеонъ ее не осилитъ, собрались съ плачемъ около управляющаго.

— Если барыня васъ потребуетъ къ отвѣту, Ефимъ Гаврилычъ, — говорили они: — ужъ вы ей доложите, что мы тутъ не при чемъ. Вишь, разбойники какіе! И такъ Господь Богъ наказаніе намъ посылаетъ, а они еще бунтовать вздумали, да господской власти призна-

вать не хотятъ! Пожалуй, и насъ то кругомъ оберутъ: отъ кого теперь спасаться: либо отъ своихъ, либо отъ француза!

Посовѣтовавшись, они собрали свое добро и рухлядь, принесенную московской дворней, уложили все въ сундуки и закопали ихъ въ землю до разсвѣта.

Однако, крестьяне, забравъ .все господское имущество, угомонились и стали ожидать спокойно, чтобъ имъ объявили волю отъ имени Наполеона. Но черезъ нѣсколько дней стали ходить слухи о томъ, что непріятели осквернили московскіе храмы и грабятъ сосѣднія села. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сутиновки поселилась цѣлая толпа французовъ и бродила по окрестностямъ, забирая все, что попадалось подъ руку. Сутиновскіе крестьяне скоро убѣдились, что они были обмануты ложными слухами, и сильно перепугались. Боясь нападенія французовъ, они увязали на телѣги все свое имущество и отвезли его въ сосѣдній лѣсъ, куда загнали также и скотину. Тамъ они и поселились и только ночью приходили иногда за извѣстіями въ Сутиновку, гдѣ оставался только управляющій и нѣсколько стариковъ.

Но французы, бродя по большимъ дорогамъ и по сосѣднимъ селамъ, пришли въ опустѣвшую Сутиновку и, не найдя никакой себѣ добычи, отправились дальше и зашли въ лѣсъ, куда скрылись крестьяне. Голодная и страдавшая отъ холода толпа бросилась грабить возы. Вся провизія, всѣ теплыя одежды были похищены; сутиновскіе жители возвратились къ себѣ съ пустыми телѣгами и, по удаленіи непріятеля изъ столицы, стали ожидать въ неописанномъ страхѣ новой еще грозы въ лицѣ Вѣры Александровны.

Она не замедлила возвратиться и, не доѣзжая до Москвы, провела нѣсколько дней въ Сутиновкѣ. Узнавши о случившемся, она потребовала всѣхъ виновныхъ

и приказала строго ихъ наказать при своихъ глазахъ, потомъ привела все въ обычный порядокъ и поѣхала дальше [1]). Отъ пяти домовъ, которые принадлежали ей въ Москвѣ, оставались только обгорѣлые столбы или закоптѣлыя стѣны. Она перестроила тотъ домъ, гдѣ жила сама, продала землю, на которой стояли прочіе, и пустила капиталъ въ оборотъ.

[1]) Послѣ двѣнадцатаго года распространилась въ окрестностяхъ Москвы пѣсня неизвѣстнаго автора и, кажется, забытая теперь. Я ее списала со словь одной изъ сутиновскихъ женщинъ и привожу ее здѣсь.

Гдѣ ты, матушка бѣлокаменная,
Москва красная златоглавая,
Царства русская дочь любимая,
Царя бѣлаго самопервый градъ
Древней старости, слава вѣчная.
Охъ, гдѣ блескъ твоихъ лучей солнечныхъ?
Гдѣ глава твоя престарѣлая?
Ужъ не видимъ мы золотыхъ крестовъ,
Ужъ не слышимъ мы колокольный звонъ.
Смрадъ да пепелъ да развалины,
Вотъ что видится въ каменной Москвѣ.
А Москва-рѣка обагрилася:
Не струей течетъ, а котломъ кипитъ,
Не суда плывутъ, жертвы кровныя.
Сокрушилъ ее врагъ неистовый,
Самозванецъ злой, ада выродокъ.
Полилися слезы горькія
У старушки каменной Москвы.
Начала такъ вопіять она:
Гдѣ вы, гдѣ вы, мои милые
Соколы орлы могучіе?
Охъ, куда вы, друзья, разлетѣлися?
Какъ звѣзда я красовалася —
Вы слеталися со всѣхъ сторонъ;
Насталъ черный день, вы покинули...

Отсутствіе всякаго нѣжнаго чувства и привычка вѣчно повелѣвать развивали съ каждымъ днемъ ея душевную сухость и деспотизмъ ея крутого нрава. Она дошла, наконецъ, до того, что не могла вынести самаго бездѣльнаго возраженія на свои слова, и не позволяла никому выражать мнѣнія, не сходнаго съ ея понятіями. Когда она говорила или разсказывала, то требовала, чтобъ ее слушали молча, и если кто-нибудь дерзалъ ее перебить вопросомъ, замѣчаніемъ или просьбой объяснить, что ему казалось неяснымъ, она отвѣчала обыкновенно:

— Я разсказываю, какъ хочу и какъ умѣю, а кому мой разсказъ не нравится, тотъ воленъ не слушать.

Мало по малу она отдалила всѣхъ отъ себя, и родственники и знакомые стали являться къ ней уже не иначе, какъ съ поздравленіемъ въ торжественные дни; но и тутъ она принимала ихъ такъ непривѣтливо и даже сухо, что они освободились, наконецъ, отъ исполненія и этого долга.

— Дивятся, что я не вышла замужъ, — говорила она иногда: — а я просто отъ глупости осталась въ дѣвкахъ, хотя и слыву умной женщиной. Какъ я ни напрягала свой умишко, какъ ни старалась понять, какимъ образомъ я скажу мужу: «какъ ты хочешь», у меня все выходитъ: «какъ я хочу»; только поэтому и не пошла замужъ.

Вѣчно покорная сухому чувству долга, она набрала къ себѣ безпріютныхъ женщинъ, говоря, что законъ Божій повелѣваетъ помогать ближнему; но добро, которое она дѣлала, не привязало къ ней никого. Бѣдные люди, пользовавшіеся ея кровомъ и ея кускомъ хлѣба, были ею ежеминутно оскорбляемы и дрожали передъ ней. Ни одна изъ ея приживалокъ не смѣла ни принять кого-нибудь къ себѣ, ни даже уйти со двора безъ ея позволенія. По утру онѣ являлись къ ней, чтобъ

освѣдомиться о ея здоровьѣ и поцѣловать ея руку, и возвращались въ свои уголки, гдѣ сидѣли, пока старуха занималась хозяйственными распоряженіями; по томъ всѣ сходились къ обѣду и, сидя за столомъ, выслушивали жалобы хозяйки о томъ, какъ нынче дорого содержать лишняго человѣка. Вечеромъ большія комнаты, въ которыхъ стояла симметрически около стѣнъ старая мебель, временъ первой Французской Имперіи, и которыя наводили уныніе своимъ безжизненнымъ и сухимъ характеромъ, тускло освѣщались каждая единственной сальной свѣчей, и всѣ домашніе собирались въ спальню Вѣры Александровны. Тамъ, возлѣ ея кровати, возвышался большой шкапъ съ образами и стояло нѣсколько стульевъ, кованый сундукъ, въ которомъ хранилось домашнее серебро, деньги и ломбардные билеты. Обтянутыя кожей большія вольтеровскія кресла, въ которыхъ старуха всегда сидѣла, довершали убранство этой комнаты. Кто-нибудь читалъ вслухъ журналы или книгу, взятую изъ библіотеки, между тѣмъ какъ Вѣра Александровна слушала, опрокинувшись головой на спинку своихъ креселъ, и отъ времени до времени окидывала взоромъ прочихъ домашнихъ, которые занимались работой, не смѣя обмѣняться шопотомъ нѣсколькими словами, ни даже перекинуться бѣглымъ взлядомъ.

Такъ проходили дни, мѣсяцы и годы. Тѣсная среда, въ которую она себя заключила, не удовлетворяла полныхъ еще свѣжести и силы способностей Вѣры Александровны. Она искала чего-нибудь сильнаго, стала накладывать на себя строгіе посты и требовала, разумѣется, чтобъ и всѣ домашніе соблюдали ихъ также, а по сочельникамъ она не ѣла до звѣзды. Когда передъ праздникомъ являлся приходскій причетъ отслужить у нея всенощную, большая зала наполнялась дворовыми и всѣми проживающими въ домѣ, и какъ скоро

священникъ надѣвалъ ризу, и кадило начинало дымиться въ рукахъ дьякона, хозяйка, устремивъ зоркій глазъ на толпу, замѣчала тотчасъ, если кого не доставало, и посылала за отсутствующимъ или дѣлала ему впослѣдствіи строгій выговоръ. Она навѣсила себѣ на грудь безчисленное множество крестовъ и ладонокъ и поставила себѣ правиломъ стоять каждый вечеръ по три часа на молитвѣ. Горничныя не смѣли, разумѣется, ложиться, пока не ляжетъ барыня, и ждали съ нетерпѣніемъ, чтобъ она прекратила свои земные поклоны. Утомясь, наконецъ, долгимъ стояніемъ, она часто кликала то ту, то другую, и посылала ихъ посмотрѣть, который часъ. Эти ночныя бдѣнія имѣли вліяніе на ея крѣпкую организацію, и она начала страдать безсонницей. Съ этой минуты двѣ горничныя стали сидѣть по ночамъ въ ея комнатѣ, и поднималась гроза, если которая изъ нихъ задремлетъ. Случалось, по бо̀льшей части, что старуха, не находя покоя въ постели, раздраженная потерей сна и безпрерывнымъ почти кашлемъ, проводила всю долгую ночь въ брани и выговорахъ, которые выслушивали смиренно ея сидѣлки.

Ничто не поколебало въ ней убѣжденія, что она владѣетъ своей прислугой на основаніи божественнаго права, и всѣ философскія системы, которыя она такъ твердо знала, не научили ее смотрѣть на крѣпостныхъ, какъ на людей. По ея понятіямъ, они были созданы собственно для нея, и ихъ самихъ она пріучила къ этой мысли. Браки между ними она позволяла очень рѣдко и строго наказывала за связь. Въ Москвѣ, какъ въ деревнѣ, она содержала многочисленную дворню, состоявшую преимущественно изъ дѣвушекъ, которыя работали по урокамъ, и изъ мастеровыхъ. Почти ничего не заказывали: все дѣлалось дома. Сама Вѣра Александровна никогда не занима-

лась рукодѣліемъ; однако, она умѣла съ необыкновенной смѣтливостію растолковать шорнику, въ чемъ состоитъ недостатокъ его хомута, неискусному кузнецу, какъ обтянуть шину на колесѣ, или плотнику, почему неправиленъ накатникъ или шатки сваи. Но заставляя своихъ дворовыхъ работать цѣлый день, отрицая въ нихъ всякое право на мысль или на чувство, она, однако, придерживалась строго той ограниченной справедливости, которую взяла себѣ правиломъ, и признавала, въ свою очередь, нѣкоторыя за собой обязанности въ отношеніи къ своимъ крѣпостнымъ. Она ихъ лѣчила, когда они бывали больны, и содержала ихъ прилично, когда начала хозяйничать, но съ тѣхъ поръ цѣны на все значительно возвысились, такъ что жалованье, достаточное во второй половинѣ прошлаго столѣтія, стало совершенно ничтожнымъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ: скупость, единственная страсть, которая не слабѣетъ, а наоборотъ усиливается со временемъ, развивалась постоянно въ старухѣ и мѣшала ей измѣнить порядокъ, учрежденный когда то въ домѣ.

— Что разъ заведено, то свято, — говорила она, и выдавала горничнымъ по рублю серебромъ, по два платья и по пятнадцати аршинъ холста къ новому году.

Надо прибавить, однако, что она даже и себѣ въ ущербъ придерживалась правила, утверждающаго, что все заведенное свято: еще въ своей молодости она рѣшила, что разъ въ годъ можно потѣшить крѣпостныхъ, и на святкахъ отмѣняла работу, позволяла имъ наряжаться и плясать и посылала ихъ въ театръ, и этотъ порядокъ вещей остался неизмѣннымъ. Руководясь также правиломъ, что люди обязаны на нее работать, а она должна за то ихъ кормить и одѣвать, она не брала оброка съ дворовыхъ, ходившихъ по паспорту, говоря, что какъ скоро она ихъ не содер-

житъ, то теряетъ право пользоваться ихъ трудомъ. Но она строго требовала, чтобъ они помогали своимъ семействамъ. Грамотность въ прислугѣ она очень поощряла, повторяя часто, что ученье свѣтъ, а неученье тьма.

Въ послѣдніе годы ея жизни скупость ея дошла до неимовѣрныхъ границъ. Обѣдъ ея не отличался никогда роскошью, а былъ, однако, приличенъ, но, стѣсняя все болѣе и болѣе свои привычки, она стала, наконецъ, довольствоваться несвѣжей провизіей, которую взвѣшивали при ней. Передъ обѣдомъ ей приносили всѣ кушанья и разрѣзывали ихъ. Она разсчитывала куски по числу обѣдающихъ, и никто не смѣлъ взять лишней порціи.

Старуха сдѣлалась подозрительна и недовѣрчива. Ключъ отъ ея завѣтнаго сундука перешелъ сперва изъ столоваго ящика въ ея карманъ, и, наконецъ, она нацѣпила его на шнурокъ и надѣла на шею, вмѣстѣ съ своими ладонками и крестами. Она стала то и дѣло пересчитывать свои деньги и билеты, часто подслушивала разговоръ горничныхъ, изъ самыхъ невинныхъ ихъ словъ заключала иногда, что онѣ сговариваются ее обокрасть, и намеки насчетъ дорогого содержанія ея нахлѣбницъ сдѣлались еще язвительнѣе. Когда зрѣніе ея уже совершенно ослабѣло, она въ этомъ не сознавалась и сердилась, если кто-нибудь подвигалъ ей подъ руку небольшую вещь, которую она искала ощупью на столѣ. Цвѣтъ ассигнацій она могла различать, поднося ихъ близко къ глазамъ, но лишилась, наконецъ, и этой способности, и была принуждена обращаться къ домашнимъ, но не вѣрила показаніямъ одного лица, и требовала всегда провѣрки другого. Наконецъ, она потеряла память; потомъ разсудокъ ея сталъ слабѣть, и въ послѣдніе годы своей жизни она впала въ совершенное дѣтство. Въ своемъ безсмыслен-

номъ бреду она все толковала о ворахъ и о деньгахъ и перекроила, какъ я уже сказала, на ассигнаціи всѣ бумаги, хранившіяся у нея. Какъ скоро не стало ея племянницы, старуху окружили радостныя лица, сбѣжавшіяся со всѣхъ сторонъ, какъ слетаются около трупа голодныя стаи вороновъ. Тѣ изъ ея родственниковъ, которые могли бы заступиться за нее, были далеко; новые пришельцы устраняли даже и прислугу, привязанную къ ней по привычкѣ или изъ чувства состраданія; заставили безумную подписывать дарственныя записи и довѣренности и обогатились всѣмъ накопленнымъ ею добромъ.

Она изрѣдка приходила въ себя, сознавала смутно, что около нея совершается что то недоброе, умоляла со слезами, чтобъ ей разсказали, чтó дѣлалось въ домѣ, и звала умершую племянницу, говоря, что одна Лиза ее любитъ и не дастъ въ обиду.

— Я здѣсь, тетушка, — отвѣчалъ ей какой-нибудь чужой голосъ, и чья то рука брала ея изсохшую руку.

— Отчего же твои руки такъ жестки?—спросила разъ слѣпая старуха.

— Я работала съ саду, — отвѣчалъ опять незнакомый голосъ.....

(На этомъ, къ сожалѣнію, обрывается разсказъ).

БАЛАХОНЦОВЫ

Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ славились купцы Балахонцовы. Богатѣйшіе были люди и вели дѣло на самую широкую ногу. Не одинъ десятокъ расшивъ ходилъ у нихъ съ пшеницей и съ рыбой въ города верховые, по пятидесяти и больше гуртовъ скота гоняли къ нимъ изъ степей на салотопенные заводы. Кто на астраханскихъ ватагахъ больше рыбы ловитъ? — Балахонцовы. Кто у Макарова самыя большія партіи желѣза закупаетъ?— Балахонцовы. Чьего сала на петербургской биржѣ больше продается? — Балахонцовыхъ. Кто бóльшими партіями ставитъ въ казну солдатскій холстъ да сапожный товаръ? Все тѣ-же Балахонцовы.

Старинный былъ домъ. Такихъ на Руси разъ, два и обчелся. Пять поколѣній работали, отъ родительскаго дѣла не отшатываясь; что дѣдами было коплено, внуками не размотырено, больше ста лѣтъ деньга на деньгу набѣгала. И ходила молва про Балахонцовыхъ, что въ кладовыхъ своихъ они деньги четвериками пересыпаютъ, а жемчугъ гарнцами мѣряютъ.

А зачиналось богатство ихъ съ легкой руки перваго императора Петра Алексѣевича.

Въ большой, богато, хотя и не изящно убранной гостиной большого дома Балахонцовыхъ висѣлъ на стѣнѣ «царскій рублевикъ» Въ доску, обтянутую алымъ бархатомъ и покрытую стекломъ, вставленъ былъ серебряный петровскій рубль, а внизу золотыми буквами подпись была сдѣлана: *«отъ щедротъ перваго императора Петра Великаго, отца отечества, посадскому человѣку, Кузьмѣ Васильеву Балахонцу, іюня 1722 года»*.

Плавалъ Петръ Алексѣевичъ на судахъ отъ Москвы до Нижняго. Здѣсь строили тогда суда новыя для похода персидскаго. Три дня до поздней ночи самъ государь съ топоромъ въ рукѣ на верфи работалъ, хорошихъ работниковъ жаловалъ, лѣнивыхъ да неумѣлыхъ дубинкой училъ. Не было у него спуску ни генераламъ, ни воеводамъ, ни посадскимъ людямъ, ни деревенскимъ мужикамъ. Умѣлъ учить и лаской и таской. Царская милость и царская гроза всѣмъ были равны.

Видитъ царь—стоитъ на берегу Волги какой то человѣкъ и зорко смотритъ на работу. Ему лѣтъ двадцать съ небольшимъ, лицо умное, открытое, глаза такъ и горятъ. Посмотритъ, посмотритъ онъ на судно, отвернется да и чертитъ что то на бумагѣ.

— Поди сюда,—зычнымъ голосомъ крикнулъ ему царь, всадивъ топоръ въ недодѣланную мачту.

Тотъ подошелъ и повалился въ ноги.

— Встань. Я не Богъ. Не знаешь развѣ приказа въ землю не кланяться?—И мрачная тѣнь набѣжала на лицо Петрово.—Покажи, что у тебя.

Блѣдный, дрожащею рукою подалъ онъ грозному царю бумагу. Петръ взглянулъ, и лицо его просвѣтлѣло. Это былъ чертежъ судна.

— Кто ты такой?—спросилъ онъ ласково.

— Балахонскій посадскій человѣкъ.

— Чѣмъ промышляешь?

— Да промыселъ у насъ съ тобой, великій государь, одинъ,—отвѣчалъ ободрившійся Балахонецъ.—Топоромъ кормлюсь. Суда строю.

— Доброе дѣло,—сказалъ улыбаясь Петръ.—А какія суда строишь.

— Для низоваго ходу, по твоему царскому указу, шмаки бешнерлеи по иноземному образцу, какъ насъ на Балахнѣ твои нѣмцы учили. Только не во гнѣвъ будь тебѣ сказано—эти шмаки не далеко противъ старыхъ насадовъ пошли. Вотъ эта посудина, что́ ты работаешь, не въ примѣръ способнѣй будетъ, и въ клади противъ шмаковъ бешнерлеевъ прибыльнѣе вдвое.

— Это рейсъ-шиффъ зовется. Зачѣмъ же ты чертежъ дѣлалъ?

— Не обезсудь, великій государь, вздумалось мнѣ такую же расшиву срубить.

— Потемкинъ,—крикнулъ Петръ интенданту, завѣдывавшему стройкой судовъ. Потемкинъ спѣшно подошелъ къ царю.

— Слышишь, какъ Балахонецъ наши рейсъ-шиффы перекрестилъ!—Расшива. Ну, коли расшива, такъ и будь расшива. А онъ дѣло сказалъ. Рейсъ-шиффъ вдвое прибыльнѣй. Макаровъ!

Государевъ денщикъ подбѣжалъ съ записной книжкой.

— Пиши,—сказалъ Петръ:—всякаго чина людямъ, которые возятъ товары на низъ и съ низу, объявить: староманернымъ судамъ не быть, сроку имъ два года; какъ два года отойдутъ, тѣ суда изсѣчь. Дѣлать рейсъ-шиффы, чтобъ и на морѣ ходъ былъ съ полной морской оснасткой. А дѣлать не образомъ только, какъ въ Твери, а самымъ дѣломъ, чтобъ крѣпки были, и добрымъ мастерствомъ; и сіе не токмо волею, но и не-

волею велѣть дѣлать, ослушниковъ штрафовать деньгами, вдругорядь плетьми, а пройдутъ два года — смертная казнь. Пиши указъ въ Адмиралтейсъ-коллегію. Въ губернской канцеляріи сегодня же объявить. А Балахонцову чертежъ рейсъ-шиффа дать. А деньги есть ли у тебя.

— Теперь нѣтъ, великій государь, да на это дѣло займемъ. Авось повѣрятъ?

— Займи у меня. Дать ему двѣнадцать рублей. Разживешься — отдашь. Къ каждой Пасхѣ отписывай прямо ко мнѣ, сколько судовъ на воду спустилъ. Прощай.

И Петръ поцѣловалъ въ лобъ ретиваго Балахонца.

Одиннадцать рублевиковъ Кузьма Балахонецъ въ дѣло положилъ; съ нихъ то и зачалось богатство. А двѣнадцатый «царскій рублевикъ» берегъ онъ, какъ зѣницу ока. И дѣтямъ, и внукамъ, и всему своему роду-племени на смертномъ одрѣ завѣщалъ онъ пуще всего хранить «Петрово подаренье». Оно пропадетъ— все пропадетъ.

Царскіе рублевики въ добрыя руки попали и впрокъ пошли. Построилъ Кузьма Васильевичъ Балахонецъ въ первую зиму двѣ расшивы и продалъ съ барышомъ, на другой годъ пятокъ срубилъ, въ третью зиму двѣнадцать расшивъ зачалъ строить.—Порадую,— думалъ онъ, — царя-государя краснымъ яичкомъ къ свѣтлому дню. Самъ въ Питеръ поѣду и долгъ ему заплачу. — Не довелось Кузьмѣ съ царемъ разсчета свести. Умеръ Петръ, времена настали другія. О судовомъ строеньи никто не помышлялъ. Опять черепашьимъ ходомъ потащились по Волгѣ прежніе дощаники да паузы, ладьи да насады. За нихъ хозяину смертная казнь не грозила. Но расшивы не сошли съ плесовъ Волги. Съ каждымъ годомъ ихъ являлось больше и больше, и уже только во дни наши пароходы ихъ перевели.

Кузьма строилъ да строилъ расшивы. Не мало труда приложилъ, и трудъ пошелъ ему на добро. Извѣстное дѣло: трудовая копѣйка крѣпко лежитъ и до вѣку служитъ, а какъ труда не покинешь, изъ копѣйки рубли вырастутъ, изъ рублей сотни да тысячи. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ «Петрова подаренья», Кузьма Васильевичъ, уже переселившійся изъ родной Балахны, гремѣлъ на всю Волгу: и ватаги астраханскія у него были, и заводы-салотопни, и кожевенные заводы, и въ Питеръ хлѣбъ ставилъ, и у Макарья торговалъ.

Кузьма Васильевичъ почти до девяноста лѣтъ жилъ и до смертнаго часа самъ дѣлами вѣдалъ. А какъ собрался помирать, всю семью вокругъ смертнаго одра собралъ: двухъ сыновей, уже сѣдыхъ, пятерыхъ внуковъ и двѣнадцать правнуковъ, опричь женскаго пола.— Вотъ вамъ, дѣтки,—сказалъ онъ,—приказъ и благословенье: при животѣ васъ не выдѣлялъ и въ смертный часъ дѣлиться не приказываю. Живите за одно, въ любви да въ совѣтѣ, капиталъ не дѣлите, распоряжайся старшой, а моложе кто служи ему какъ отцу. У кого въ рукахъ царскій рублевикъ, тотъ всему дѣлу голова. Кононъ, ты старшій по мнѣ, бери рублевикъ, умирать станешь, брату отдай, а помретъ онъ прежде тебя, сыну своему старшему и такъ отъ роду въ родъ. А кто противъ моей воли пойдетъ—нѣтъ тому моего благословенья, нѣтъ тому части въ нажитомъ мною добрѣ.

И свято хранили Балахонцовы дѣдовъ завѣтъ. И множилось богатство ихъ, и былъ совѣтъ да любовь во всемъ роду-племени.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, главою дома былъ Аѳанасій Егорычъ. Когда помиралъ прадѣдъ его, Кузьма Васильевичъ, было ему уже двадцать лѣтъ, въ ту пору онъ только что женился. Народила ему первая хо-

зяйка кучу дѣтей, да всѣхъ Богъ прибралъ. Овдовѣлъ Аѳанасій, на другой женился и отъ нея были дѣти, да тоже Богъ не благословилъ долго жить, уцѣлѣлъ только одинъ сынокъ, Иванъ Аѳанасьевичъ.

Самъ Аѳанасій Егоровичъ въ родительскомъ домѣ жилъ, а братья и племянники по разнымъ городамъ, гдѣ дѣла были: кто въ Астрахани на ватагахъ, кто въ Саратовѣ, кто въ Петербургѣ при конторѣ, кто въ Сибири на заводахъ. Торговое дѣло шло ладно, Аѳанасій все племя въ стрункѣ держалъ.

Насталъ тридцатый годъ — тяжелый годъ, время Божьяго насланья на Русь. Еще за годъ показались въ Оренбургѣ болѣзнь, дотолѣ невѣдомая, толковали, что изъ Хивы ее въ хлопкѣ завезли; валило народъ какъ траву подъ косой. Подоспѣли морозы—стихла болѣзнь. Потолковали объ ней и забыли. Но Балахонцовымъ она была памятна: родной братъ Аѳанасья Егоровича съ женой и двумя сыновьями къ Богу пошелъ. Въ тридцатомъ году болѣзнь оказалась въ Астрахани и пошли вверхъ по Волгѣ до самаго Нижняго. Лѣкаря назвали ее «холера морбусъ», и набожные люди отыскали о ней у Іисуса, сына Сирахова: «*трудъ, бдѣніе и холера съ мужемъ неопытнымъ*»; «*пресыщеніе приблизитъ даже до холеры*». Ужасъ объялъ все Поволжье.

КОНЕЦЪ ОДИННАДЦАТАГО ТОМА.

Bayerische Staatsbibliothek München

СОДЕРЖАНІЕ ОДИННАДЦАТАГО ТОМА

стр.

Княжна Тараканова и принцесса Владимірская. (Историческій романъ) . 1

Семейство Богачевыхъ . 241

Старина . 262

Балахонцовы . 289

БИБЛІОТЕКА ЗНАМЕНИТЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

КНИГА IX 1898 ГОДЪ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

ПАРОВАЯ ПЕРЕПЛЕТНАЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Melʹnikov, Pavel Ivanovič,

Polnoe sobranie sočinenij P. I. Melʹnikova (Andreja Pečerskago)

Bd.: 11

1898

P.o.russ. 88 o-11

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11869879-6